детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

11/2011



Искатель, 2011 №11

Наталья Смехачева, Сергей Саканский, Андрей Марков, Елена Болотова, Владимир Лебедев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 11
Содержание:
Наталья СМЕХАЧЕВА. УТРО ТУМАННОЕ
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
Сергей Саканский. КАРАТЕЛЬ
  1
  2
  3
  4
  5
  6
  7
  8
  9
  10
  11
  12

13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
Андрей Марков. УБИЙСТВО НАПРОКАТ
История первая. УТОПЛЕННИЦА
История вторая. ПЕРСТЕНЬ С БУКОВКАМИ
История третья. КУРИТЕЛЬНАЯ ТРУБКА
Елена Болотова. СТРАШНЫЙ СУД
Владимир
Лебедев. КАК АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ.
ПОБЕДИЛ ЦАРЯ ДАРИЯ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 11

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

11/2011

(394)

2011

*

ООО «Искательпресс», 2011

Содержание:

Наталья СМЕХАЧЕВА
УТРО ТУМАННОЕ
Рассказ

Сергей САКАНСКИЙ
КАРАТЕЛЬ
Повесть

Андрей МАРКОВ
УБИЙСТВО НАПРОКАТ
Повесть

Елена БОЛОТОВА
СТРАШНЫЙ СУД
Рассказ

Владимир ЛЕБЕДЕВ
КАК АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
ПОБЕДИЛ ЦАРЯ ДАРИЯ
Историческое расследование

Наталья СМЕХАЧЕВА
УТРО ТУМАННОЕ

Наталья СМЕХАЧЕВА

УТРО ТУМАННОЕ...



Глава первая

…Утро было свежим, блестящим, но немного рассеянным и меланхоличным. Прозрачный осенний туман, прошитый редкими лучами солнца, висел над городом сказочным парашютным куполом, и ленивый, не вполне проснувшийся ветер качал его из стороны в сторону, таскал по крышам домов, по верхушкам облетающих кленов и лип, рвал острыми шпилями соборов, катал по земле причудливо закрученными раковинами, заставляя невесомую воздушную ткань неожиданно вспыхивать то голубыми, то бирюзовыми, то розовыми огнями…

Маленькая круглая площадь была в этот ранний час практически безлюдной. Две торговые палатки с обувью, продуктовая машина, развал дешевой чайной посуды да старый еврей Абрамыч со своим патефоном и коллекцией никому не нужных сегодня старых пластинок.

Вадим сидел, как обычно, на скамейке под липой возле здания бывшего магистрата, слушал бриллиантовый голос Изабеллы Юрьевой и тоскливо смотрел на свои картины, сиротливо выстроившиеся вдоль чугунной решетки, отде-

ляющей двор магистрата от рыночной площади. Унылые пейзажи, чахоточно-изломанные цветы, налитые тусклым восковым румянцем виноградные гроздья… «Может быть, и мне, как мальчику Каю из сказки Андерсена, попал в глаз осколок злого зеркала троллей, и теперь я все вокруг вижу уродливым и печальным?» — подумал Вадим и невесело усмехнулся. Он знал, что это не так. Знал, потому что чуть поодаль, отдельно ото всех, стояла его единственная настоящая картина. Он чуть повернул голову, чтобы было лучше видно, и, как всегда, волосы на его голове шевельнулись, а по телу брызнули мурашки восхищения и восторга. Из узкого вертикального пространства, ограниченного простенькой деревянной рамой, тесня друг друга, прямо вываливались на зрителя ярко-зеленые ажурные листья папоротника. Дрожали, блестели тяжелой росой, дышали свежестью и упругой молодой жизнью. А над этим буйным веселым кружевом поднимался на мерцающем невысоком стебле изысканный золотой цветок. Он был похож на лилию и колокольчик одновременно, имел шесть заостренных лепестков и длинные усики-тычинки с блестящими шариками на концах. Нежное свечение ласковых лепестков завораживало, кружило го-

лову, наполняло сердце сладкой болью и чистой светлой печалью… Золотой Цветок. Цветок папоротника. Несбыточная мечта кладоискателей всех времен…

Вадим с трудом отвел глаза от картины, сделал глубокий вдох и быстрый, резкий выдох, восстанавливая сбившееся дыхание, достал сигареты. Посмотрел на свои дрожащие пальцы и опять невесело усмехнулся. А ведь еще совсем недавно все было по-другому…

То утро тоже было заспанным и туманным, но безветренным и почти без солнца. Вадим привычно бежал на речку через старый деревенский парк, заросший, заглохший и почти непроходимый. Единственная узенькая тропинка вилась между елями, ныряла в заросли орешника, петляла вокруг березовых куртин, ловко обходя мертвые поваленные деревья. Катился к закату июнь, отпуск у Вадима закончился, бабушка пекла пироги ему на дорогу, а сам Вадим, отлично потрудившийся на этюдах, был полон энергии, творческих планов и невероятных, фантастических проектов. Он был уверен, что впереди — совсем не за горами — его ждут слава, почет и невиданное богатство…

Отвлекшись на мгновение и перестав следить

за тропинкой, Вадим запнулся о невесть откуда взявшийся здесь обломок старинного красного кирпича, пробежал, согнувшись и стараясь сохранить равновесие, несколько метров и упал на четвереньки во влажные от росы и тумана заросли папоротника. Чертыхаясь и жалея испачканное, затоптанное полотенце и порванные брюки, он поднялся на ноги — и застыл как вкопанный. Прямо перед его носом чуть покачивался на мерцающем стебле Золотой Цветок… Вадим сразу узнал его. И не потому, что много о нем читал и слышал, а потому, что именно таким его себе и представлял, не раз рисовал и страстно мечтал о встрече…

Что случилось потом, он почти не помнил. Перепачканный с ног до головы землей, травяным соком и раздавленными грибами, он медленно приходил в себя на краю черной огромной ямы. Вырванный с корнем Золотой Цветок валялся на тропинке. А вот сундучка, глиняного горшочка или, на худой конец, какой-нибудь металлической коробочки с драгоценными камнями и золотыми монетами не было и в помине. Все, что удалось найти Вадиму, — это медная позеленевшая бусина, размером с ягоду крыжовника, на которой выпукло темнел рисунок Золотого

Цветка.

Вадим долго не хотел верить, что клада нет. Он снова и снова спускался в яму, перебирал руками землю, выброшенную им на тропинку, ползал под деревьями — безрезультатно. И только когда в парке потемнело и начался дождь, он отряхнулся, прицепил найденную бусину, как брелок, на связку ключей (странно, как он их только не потерял) и тракторной подошвой кроссовки раздавил и тщательно размазал Золотой Цветок по тропинке. Потом бросил в яму свои разбитые, испорченные часы и медленно пошел назад, домой, не замечая тяжелых капель холодного густого дождя.

В город Вадим не поехал ни в этот день, ни на следующий, так как заболел и неделю метался в жару и бреду, и перепуганная бабушка лечила его по-своему — травами и молитвой, потому что всю неделю лил дождь, единственную дорогу размыло, и вызванная «неотложка» застряла у реки и проехать в Лугино не смогла.

А потом… Потом Вадим поправился и вернулся на свою работу в городской драматический театр, где совмещал две должности: художника-декоратора и осветителя, и почти забыл про Золотой Цветок, как вдруг все его фантастические замыс-

лы стали осуществляться.

Персональная выставка, имевшая оглушительный успех, австралийский миллионер, купивший для своей коллекции полтора десятка работ Вадима, поездки во Францию и Голландию, новенький «Lexus»… Потом появился двухэтажный загородный дом, за ним — собственная мастерская. Удобная, просторная, светлая, оборудованная всем, о чем только может мечтать художник. Однако писать Вадиму было недосуг (новые друзья и всевозможные рауты и казино отнимали слишком много времени), да и само желание писать тихо и незаметно куда-то ушло… Он продал и раздарил все свои картины, написанные за последние пять лет, поэтому, когда из Голландии пришел большой заказ на серию русских городских пейзажей, Вадиму волей-неволей пришлось доставать краски и кисти. И тут выяснилось, что писать он совершенно разучился. Краски, чистые и звонкие на палитре, на холсте жухли и съеживались, кисть не слушалась, отчего умелые и, как казалось Вадиму, уверенно проведенные линии, ломались и таяли, контуры предметов начинали плыть, а ясный день, перенесенный на холст, вдруг затягивался серой сумрачной паутиной, и все изображение приобретало вид унылый и без-

жизненный. С большим трудом написал Вадим десяток пейзажей, но все их заказчик вернул с вежливыми извинениями…

Как-то вечером, выезжая с парковки возле театра, Вадим зацепил жемчужный «Мерседес», вылетевший, как на грех, из темного соседнего переулка. Мотаясь, как тряпичная кукла, в крепких руках молодого хозяина «Мерседеса», Вадим уже прощался с жизнью, как вдруг дверца жемчужной машины открылась, и рядом с собой он увидел ослепительной красоты женщину в длинном старомодном платье и шляпке с вуалью… Через пять минут он уже ничего не помнил, кроме двух вещей: незнакомка попросила написать для нее цветок папоротника (и даже вручила Вадиму более чем солидный аванс), а уродливую царапину на жемчужной дверце соглашалась забыть за пустяк — круглую медную бусину, висевшую у Вадима на связке ключей. Не говоря ни слова, дрожащими, плохо гнущимися пальцами Вадим снял бусину с колечка и осторожно положил ее в теплую душистую ладонь…

«Цветок папоротника» он написал этой же ночью, а на заре, ставя свою летящую подпись в левом нижнем углу холста, уже знал, что написал шедевр и что за ним никто не придет. Ни сегодня,

ни завтра, ни через месяц…

А через полгода он оказался на окраине города в грязной вонючей коммуналке в соседстве со старым алкоголиком и только что вернувшимся из заключения вором, так как его дом и мастерская сгорели в одночасье дождливой октябрьской ночью, «Lexus» угнали среди бела дня, и милиция так и не смогла его найти, а банк, которому Вадим доверил все свои деньги, обанкротился.

И вот теперь бывший известный художник и богач Вадим Веронин сидел на городском рынке и пытался продать работы, от которых раньше с возмущением бы отвернулся. Но рядом стоял «Цветок папоротника» (все, что осталось Вадиму от короткого фантастического периода его жизни), и он верил, что в один прекрасный день (или вечер) мастерство вернется. Иначе просто не могло быть.

Он закурил, походил немного возле скамейки, застегнул до подбородка «молнию» на куртке и достал из сумки термос с чаем.

В прозрачном тумане звенели колокольчики «Осеннего вальса», запущенного Абрамычем, старая липа плакала невесомыми танцующими слезами, такими же яркими и грустными, как канувшие в Лету, так любимые Вадимом золотые

июньские закаты...

Глава вторая

Мальчик появился неожиданно, словно из ниоткуда, и Вадим вздрогнул, увидев его перед собой. На вид ему было лет десять или двенадцать, он был худ и светловолос, на угловатых плечах мешковато висела застиранная добела штормовка. Скорее всего, он стоял здесь уже давно, просто Вадим, занятый своими мыслями, его не замечал.

— Тебе чего, пацан? — миролюбиво спросил Вадим, ловким щелчком отправляя в урну окурок сигареты. — Подарок выбираешь?

— Ага, подарок, — мальчик радостно закивал, — маме, на день рождения.

— Да? — Вадим улыбнулся, с удовольствием разглядывая загорелое, чуть обветренное лицо, освещенное прозрачными зелеными глазами. — И что же ты выбрал?

— «Цветок папоротника»! — выдохнул мальчик и широко белозубо улыбнулся.

— Ого! — от неожиданности Вадим засмеялся. — А деньги у тебя есть?

— Есть. — Мальчик сдвинул к переносице тонкие, красивого рисунка брови и полез за пазу-

ху. — Вот, — сказал он через секунду, протягивая Вадиму тщательно разглаженную бумажку.

Вадим растерянно смотрел на тысячную купюру, зажатую в загорелых исцарапанных пальцах, и чувствовал, что настроение, и так далеко не радужное, портится окончательно и бесповоротно.

— Деньги мать дала? — хмуро спросил он только для того, чтобы что-нибудь спросить.

— Нет, — мальчик слегка побледнел и опустил руку. — Я заработал. Школу ремонтировал, скот пас, потом новый храм расписывал…

— Вот как? — удивился Вадим. — Так ты художник?

— Нет, — мальчик качнул головой, отчего прямые светлые волосы искристо вспыхнули летним погожим днем, — я краски смешивал — я цвета хорошо чувствую, а раскрашивал по трафарету, меня отец Никодим научил.

— А зачем тебе «Цветок папоротника»? — Вадим не знал, как сказать этому странному пацану, что картина не продается. Ни за тысячу, ни за пять, ни за десять тысяч.

— Маме. Очень красивый. Чтобы поверила! — сбивчивой скороговоркой выпалил мальчик и нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Поверила? — Сердце у Вадима екнуло и заби-

лось быстрее. — Поверила во что?

— Ну, в то, что папоротник цветет и не один я видел Золотой Цветок…

— Ты… — у Вадима внезапно сел голос, а глаза ни с того ни с сего заволокло слезами, — ты хочешь сказать, что видел Золотой Цветок?!

— Да, — мальчик спокойно кивнул. — Этим летом, у нас в Ольховке.

— Расскажи! — Вадим сгреб его в охапку и посадил рядом с собой на скамейку. — Пожалуйста!..

Мальчик поерзал немного, устраиваясь удобно и основательно, засунул руки глубоко в карманы штормовки, помолчал.

— Я хотел быть художником, — начал он медленно и как бы через силу, — настоящим, как Саврасов… Я много рисовал и очень старался, меня Борис Петрович, наш учитель рисования, хвалил, но у Мишки, приятеля моего, все равно получалось лучше. Лучше всех. Мишка что угодно может нарисовать — березку, собаку, рассвет над речкой… Только портреты у него пока не получаются. А этим летом Мишка конкурс в Москве выиграл и поездку в Италию. Я как узнал — всю ночь плакал. Нет, не от зависти к Мишке, а от того, что я бездарный и никогда не стать мне художником… Заснул я только под утро и увидел

во сне Золотой Цветок. Потом вдруг проснулся, словно и не спал вовсе. Смотрю — за окнами только-только светать начинает, тихо так и туман над деревней… И решил я пойти и взглянуть на Золотой Цветок, так ли он хорош, как в моем сне. Место я запомнил, это на бывшей барской усадьбе, нужно только от развалин дома спуститься вниз, к Поющему ручью… В общем, вышел я из дома и пошел по Дороге, потому что усадьба от Ольховки далеко, нужно километра два пройти, а если по Дороге — пройдешь столько, сколько захочешь…

Мальчик умолк и молчал очень долго, глядя застывшим взглядом себе под ноги на черный асфальт и оранжевые листья на нем, а Вадим нетерпеливо ждал, боясь вздохнуть, шевельнуться, облизнуть пересохшие губы…

— Он был совсем-совсем один, опутанный туманом, осыпанный, словно инеем, холодным, колючим светом далеких рассветных звезд… — голос мальчика зазвенел, и он притушил его коротким полувздохом-полувсхлипом, — но он был прекрасен!.. И рад моему приходу. Я пробыл с ним до самого солнца. Любовался, дышал его сиянием, слушал его песню, предназначенную только мне. Даже ручей не мог ее заглушить… А

когда встало солнце, я ушел. Тихо-тихо, не оглядываясь…

— А клад?! — не выдержал Вадим. — Разве ты не знаешь легенды?

— Знаю, — мальчик откинулся на спинку скамьи, улыбнулся. — Но я и так был счастлив.

— А потом?

— Потом я обнаружил в кармане рубашки маленький карандашик. Обыкновенный простой карандаш, аккуратно зачиненный, с золотым оттиском цветка на одной из граней…

— И ты… — выдохнул Вадим, — рисовал… этим карандашом?!..

— Рисовал. Золотой Цветок, наш дом, яблони в саду, красавицу Мурку, отца и маму… Мишкины рисунки рядом с моими выглядели просто каракулями. Все удивлялись, хвалили меня, а Борис Петрович даже расстроился, что в Италию еду не я, а Мишка… Мишка, конечно, очень переживал и однажды запил тушью мой альбом, и мы с ним из-за этого подрались. А на другой день я встретил его на улице с большой плетеной корзиной — он нес на речку троих щенков. Топить… И даже сотней похвастался, которую ему Генка Зиновьев дал. Генка уже взрослый, он на пилораме работает. У него собака есть, лайка. Альмой зовут. Она

самая лучшая в деревне. А вот щенки уродились совсем не в нее — коротконогие. черномазые, лопоухие. Их брать никто не хотел, Генка даже сюда, в город, ездил, но и здесь на них охотников не нашлось. Вот Генка и попросил Мишку щенков куда-нибудь пристроить. А куда их пристроишь? И Мишка понес их на реку… В общем, мы опять подрались. А потом договорились: я отдал Мишке свой карандаш, а он мне — корзину со щенками. Мишка помчался домой, рисовать, а я понес щенков на хутор, к егерю дяде Жоре.

Я шел Дорогой, по холодку. Рыжика, бельчонка знакомого, сушкой угостил, с дятлом Жоржем в стукоталочку поиграл, и так мне радостно было, словно у меня день рождения. Я шел и думал: «Рисовать я не умею. А что же умею? Что я умею лучше других? Стал вспоминать, и оказалось — не так уж мало. Я травы знаю (меня бабушка учила), о зверях разных знаю больше других, по валежнику пройду — ни одна ветка не хрустнет, с любой собакой общий язык найду, а птицы у меня прямо из рук угощение берут… Раньше я всего этого как-то не замечал. В общем, вспомнил я все это и понял, что буду егерем, как дядя Жора.

— А Мишка? — тихо спросил Вадим.

— Мишка? — мальчик улыбнулся. — А что ему

сделается? Карандаш мой он до дома не донес, обронил где-то по дороге. Да он ему и не нужен. Мишка с каждым днем рисует все лучше и лучше. Недавно из Италии вернулся. Подарок мне привез — альбом с репродукциями Джотто. А одного из тех щенков, что я дяде Жоре тогда отнес, самого лопоухого и смешного, Мишка себе взял. Назвал Персиком. И деньги Генке вернул.

— Так ты больше не рисуешь?

— Отчего же, — мальчик снова улыбнулся. — Рисую. Для себя или если кто попросит. В общем, для полноты жизни. А вы… — он помялся немного и спросил осторожно, стараясь скрыть заинтересованность и волнение, — нашли клад?

— Кладов не бывает. — Вадим встал и поднял с земли «Цветок папоротника». — Клады — это мы сами. Держи, — он протянул изумленному и обрадованному мальчику картину. — А деньги оставь. Вон там, — он кивнул в сторону реки, — в книжном магазине возле моста я видел замечательный атлас по зоологии… А как тебя зовут?

— Ласточка, — заторопился мальчик, — Ленька Ласточка. А вы приезжайте к нам в гости, на этюды. Не пожалеете! Правда-правда, приезжайте! Это недалеко, всего две остановки на электричке. А там через рощу — рукой подать…

— Спасибо. Может, и приеду… Слушай, а что это за Дорога, о которой ты говорил?

— Дорога?.. — Ленька помолчал, потер переносицу. — Просто Дорога. Лесная. Много солнца, кружево от веток на желтом песке, деревянный мостик через ручей, там меня всегда Рыжик встречает, купальницы… Она всегда одна и та же зимой и летом, весной и осенью, на ней нельзя заблудиться или опоздать, на ней — хорошо… Дорога есть у каждого, но не все знают об этом.

— А как… как ты нашел Дорогу?

— Это года два назад было. Мы с Мишкой за грибами пошли. Да в лесу поссорились. Из-за белого гриба. Мы такого красавца еще ни разу не встречали. Подбежали к нему одновременно и заспорили, кто первый его нашел. Пока гриб друг у друга вырывали, весь его раскрошили, разругались и разошлись в разные стороны. И я заблудился. Прежде со мной такого никогда не случалось. А тут, в какую сторону ни пойду — все к незнакомому болоту выхожу. И лес кругом — черный, непролазный, страшный. Сел я под елку и заплакал. И себя жалко, и Мишку. И Мишку почему-то больше. Вот, думаю, утону в болоте, кто ему будет задачки по математике решать? И для портретов позировать. Мишка ведь портреты

рисовал очень плохо, а позировать, сами знаете, тяжело, вот никто и не соглашался. Кроме меня. И очень я пожалел, что гриб тот Мишке не отдал. Я же все равно грибы лучше Мишки ищу, он так не умеет, да и грибы он знает плохо, даром что деревенский. Потом я вспомнил, что не прочитал бабушкин заговор, когда в лес входил. Вытер я слезы и сказал нужные слова, а заодно и молитву прочитал, которой меня мама научила. И тут же в сон провалился. А проснулся я уже на Дороге, возле мостика через ручей, и Рыжик мои карманы проверял… Ну, мне пора, — Ленька протянул Вадиму руку, и его рукопожатие оказалось не по-детски уверенным и крепким. — Приезжайте, я вас с Мишкой познакомлю. У него каталог вашей выставки имеется, а некоторые работы он даже пытался копировать. — Ленька блеснул зелеными глазами, повернулся и легко зашагал прочь, в сторону невидимой отсюда реки. Его соломенная макушка блеснула пару раз в зыбком солнечном луче и исчезла в искристой перламутровой дымке где-то возле Абрамыча, под проникновенно-печальное «Утро туманное, утро седое…».

Рыночная площадь постепенно заполнялась народом. Мимо Вадима катился шумный, деловой, озабоченный людской поток, изредка

выплескивая в его сторону чьи-нибудь рассеянные, равнодушные глаза, и снова скользил дальше. Чужой, холодный, непонимающий…

Плакали липы, сыпали разноцветными звездами клены, а город потихоньку просыпался, втягиваясь в привычную суету и кружение обычного воскресного дня.

Глава третья

В маленьком кафе с веселым названием «Апельсин» было безлюдно и прохладно. Вадим пил кофе и думал о том, что пора возвращаться домой. В свою крошечную комнату, единственное окно которой выходило в грязный, замусоренный двор. И чем больше он об этом думал, тем отчетливее понимал, что это невозможно. Зеленоглазый мальчик, обеими руками прижимающий к груди его «Цветок папоротника», снова и снова вставал у Вадима перед глазами и, белозубо улыбаясь, повторял: «Приезжайте!..» «А что, — подумал Вадим, тяжело поднимаясь из-за стола, — не домой же возвращаться...»

На улице он первым делом опустил в мусорный контейнер холщовую сумку со своими картинами, потом пересчитал деньги в бумажнике и не спеша направился к центру рынка на страстный голос Нани Брегвадзе.

Абрамыч радостно закивал кудрявой седой головой, едва завидев Вадима.

— Утро-то какое, а, Вадим. — Черные глаза Абрамыч; лучились теплом и спокойной мудростью древнего богоизбранного народа. — Представляе-

те, у меня сегодня купили четыре пластинки!

— Надеюсь, не «Демона» Рубинштейна, — Вадим сделал озабоченное лицо, — и не «Утро туманное»?

— Нет-нет, что вы, — старик замахал руками и весело за смеялся. — Борис Штоколов, Шульженко, две Руслановых — вот все, что я сегодня продал.

— Моисей Абрамович, а сколько стоит ваша коллекция целиком? Вместе с патефоном? — Вадим осторожно открыл крышку полированного деревянного ящичка, затейливо украшенного цветными бусинами и перламутром, заглянул внутрь.

— Целиком? — старик удивленно уставился на Вадима. — А вы… хотите купить? Вы?.. Себе?..

— Себе, конечно, кому же еще? — Вадим сел напротив Абрамыча на складной брезентовый стульчик, который старик всегда ставил для покупателей. — Ну так сколько?

Старик молчал, улыбка медленно сходила со смуглого морщинистого лица, и Вадим впервые за их долгое знакомство поразился, насколько же он стар.

— Ну… — старик пожевал губами, вздохнул, — раритетов у меня нет, почти все можно найти

на современных носителях, но это все-таки коллекция… Да вы все и сами знаете… — Он махнул рукой и тусклым, вдруг задребезжавшим голосом сказал: — Тысячи две, я думаю… Но мы можем поторговаться, — добавил он безо всякого интереса.

Вадим изумленно смотрел на старого еврея, не понимая причины вдруг произошедшей с ним метаморфозы.

— Моисей Абрамович, — начал Вадим, но старик не дал ему договорить.

— Вы уезжаете, Вадим, — с горечью воскликнул старик, — да-да, уезжаете, а старый Абрамыч остается один-одинешенек! А ведь мы еще не доиграли партию в шахматы, помните? А мой портрет, который вы собирались писать на будущей неделе? Эх вы, молодежь, — тихо добавил он и близоруко заморгал, стараясь не смотреть на Вадима.

— Но ведь я, — растерялся Вадим, — вернусь. Скоро… — и покраснел до ушей, как сбежавший с уроков и пойманный с поличным первоклассник.

— Вот-вот, — укоризненно покачал головой Абрамыч. — То-то и оно… Ну да ладно, — он вздохнул и грустно улыбнулся. — Раз иначе нельзя,

давайте совершать сделку.

— Давайте, — обрадованно подхватил Вадим и достал из бумажника деньги. — Я покупаю вашу коллекцию, Моисей Абрамович, полностью и плачу вам две с половиной тысячи рублей, но у меня есть особое условие.

— Условие? — удивился Абрамыч. — Какое?

— Я прошу вас, — Вадим уважительно-ласково выделил слово «прошу», — хранить коллекцию у себя до моего возвращения. И еще. Я хотел бы, если это возможно, чтобы вы приходили сюда по воскресеньям и, как всегда, крутили пластинки. Особенно мои любимые…

Абрамыч с достоинством поклонился.

— Да будет так. Я выполню ваше условие.

Вадим уходил, а старый Абрамыч грустно и ласково смотрел ему вслед и беззвучно шевелил губами. То ли пел, то ли молился, то ли разговаривал сам с собой.

Туман таял, над городом поднималось солнце.

* * *

…На вокзале, как всегда в воскресенье, было многолюдно. Возле пригородной кассы толстой шипастой ящерицей свернулась длинная очередь, и Вадим пристроился ей в хвост, рассеянно

разглядывая веселых крикливых дачников, степенных рыбаков и просто деревенских жителей, спешащих домой после удачно или неудачно проведенного рыночного дня.

Очередь двигалась споро, и уже минут через пятнадцать Вадим наклонился к ярко освещенному полукруглому окошку.

— До Ольховки, пожалуйста, на ближайший электропоезд.

Пожилая круглолицая кассирша удивленно уставилась на Вадима поверх очков:

— Куда?

— До Ольховки, — вежливо повторил Вадим, ощутив смутное беспокойство, — на ближайший…

— Вы что-то перепутали, гражданин. Нет у нас деревни с таким названием. И не было никогда. Нальют глаза… — Она покачала головой и громко выкрикнула: — Кто там следующий?

— Ну как же, — Вадим заволновался, — мне сказали — две остановки от города, возможно, туда мало кто ездит… Пожалуйста, посмотрите хорошенько…

— А чего мне смотреть? — кассирша сердито насупила густо подведенные брови. — Я тут двадцать лет сижу, все маршруты наизусть знаю.

Проходите, гражданин, не мешайте.

Застопоренная очередь глухо загудела.

— Давай, мужик, отходи, не задерживай народ, — стоящий за Вадимом остриженный под ноль, похожий на квадратный шкаф молодой парень в синем спортивном костюме от «Adidas» чугунным предплечьем аккуратно отодвинул Вадима в сторону. — Иди проветрись. Придумал же, Ольховку какую-то…

В очереди засмеялись.

С пылающими щеками и заледеневшим сердцем Вадим вышел на перрон. Здесь было просторно и не так шумно, как в здании вокзала. Пожилая женщина в инвалидной коляске играла на флейте «Прощание славянки», огромный бородатый дворник в ярко-оранжевом фартуке сметал в кучу редкие, слабо шуршащие листья, пахло жареными пирожками, разогретым машинным маслом и дальней дорогой… А солнце снова медленно затягивалось искрящимся, слабо мерцающим туманом…

…Прибегали и снова убегали в туман деловые, серьезные электрички. Люди приезжали и уезжали, кого-то встречали и провожали, плакали и смеялись, а Вадим все стоял возле круглого каменного вазона с чахлыми сиреневыми астра-

ми и отрешенно смотрел на бегущие в дальние страны звонкие голубые рельсы…

«А зачем мне ехать в Ольховку? — вдруг подумал он и удивился, отчего эта простая мысль пришла ему в голову только теперь. — Я хочу вернуться к себе. А Дорога к себе может начаться где и когда угодно. Вот хоть с этого перрона, сию же секунду…»

Он улыбнулся и шагнул прямо в поток золотого солнечного дождя, неожиданно упавшего на землю из веселой, ярко-синей прорехи в мерцающем серебряном небе.

«Утро туманное, утро седое…» — тонко запела флейта.

В лицо Вадиму ударил влажный ветер, наполненный ароматом соснового бора, лесной прохладой и теплым, безмятежным покоем… Грусти не было, только светлая прозрачная печаль и надежда, пока еще хрупкая и немножко робкая, как колокольчики возле бабушкиного дома…

Сергей Саканский
КАРАТЕЛЬ

Сергей САКАНСКИЙ

КАРАТЕЛЬ



1

Оказавшись в желтом, уже достаточно задымленном пространстве пивного зала, Жаров бросил на деревянный стол пачку газет, быстро прошел к прилавку и напузырил себе кружку «Оболони». Первую он выпил залпом, прямо здесь, со второй вернулся к столу, стукнул ею о стол и огляделся по сторонам.

Конец рабочего дня, народ постепенно концентрируется. Уже нельзя позволить себе роскошь отдельного столика — и напротив Жарова сидел какой-то человек; более того, он уже нацелился бровью на пачку «Крымского криминального курьера» и приготовился вступить в разговор.

День у Жарова был тяжелый, как всегда во вторник, перед выходом в продажу очередного номера. По вторникам Жаров с утра до вечера крутился за рулем, поэтому и кружки пива позволить себе не мог. Он забирал из типографии тираж и закидывал его трем крупным дилерам, развозил по пяти магазинам, а завтра с утра ему предстояло объехать еще несколько точек. Эту пачку (представительская часть тиража) он отнесет сегодня в редакцию, где и заночует, так что

кружку-другую пива на сон грядущий выпить сейчас можно, тем более что машину он уже поставил на стоянку, а до редакции отсюда пешком пять минут.

— Курьером трудишься? — мужчина кивнул на пачку прессы.

— Угу, — ответил Жаров сквозь очередной глоток.

Это лицо показалось ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где видел его раньше.

— Дрянь эту криминальную возишь, — зловеще продолжал навязчивый собеседник.

Жаров молчал.

— И что за ерунду они пишут… — добавил сосед.

Жаров молчал, потому что был не только курьером этой газеты. Он был ее главным редактором, владельцем и учредителем, а еще — автором той самой передовицы, в которую ткнул своим рыбным пальцем угрюмый нетрезвый сосед.

Статью он написал на той неделе, и она ему пока еще нравилась. Некая вольная фантазия о снах и сновидениях, о пророческих кошмарах, которые мучили знаменитых преступников накануне смертной казни. Одна загадочная история действительно имела место, Жаров вычерпал ее

в интернете, остальные он выдумал сам — кто их знает, знаменитых преступников, что им там снилось перед вступлением на эшафот?

— А я почитал, пока ты за пивом ходил. На самом деле не так все это и глупо. Кое-что такое все же есть… Знаешь, кто я?

Он потянулся к Жарову через стол, обдав его запахом вяленого леща. Жаров подумал, что сейчас он признается в зловещем убийстве, которое совершил в школьные годы, чему уже давно истек срок давности, а значит, и похвастаться можно. Но реальность приготовила ему гораздо более причудливый изгиб.

— Месяц назад, — глухим голосом сказал мужчина, — мою жену распорол маньяк. И до сих пор его не поймали, так-то.

Жаров наконец узнал его. Да ведь это же Куравлев! Тот самый Куравлев, муж молодой женщины, зверски убитой маньяком-карателем на Рабочей улице. Подозрение, естественно, поначалу пало на мужа, его допрашивали, Жаров тогда заходил в Управление навестить своего друга, следователя Пилипенко, а тот был как раз занят с этим Куравлевым. Помнится, у него оказалось какое-то железное алиби, да и обстоятельства убийства снимали с него подозрения. По

всем признакам было ясно, что в городе появился маньяк. Он мог нанести свой следующий удар через неделю, через две или более. Пилипенко, который вел это дело, уже месяц был как на взводе, но маньяк, притихнув где-то, не торопился продолжить свое представление…

Жаров глубоко вздохнул, Куравлев истолковал этот вздох по-своему.

— Тяжело, конечно. По вечерам особенно. Входишь в комнату, а там — цветы… Оттого и пью.

Он приподнял свою кружку и с грустью осмотрел ее.

На самом деле Жарову стало стыдно: эмоция, притаившаяся за его вздохом, была совершенно другой — с отвращением к себе он подумал, что этого человека послал ему удачный случай и теперь нельзя его упустить. Ведь перед ним сидел великолепный материал для газеты, и ему приходится быть немного мерзавцем, скрывая свою радость по поводу грядущей работы…

— Сочувствую, брат, — сказал Жаров. — Может, тебе помочь чем-то? Ты только скажи…

Жаров знал такие ситуации. Как ни цинично это звучит, но пьет-то он оттого, что природный пьяница и подсознательно использует повод, как бы трагичен и тяжел он ни был.; Жаров был

готов сделать что-то для этого несчастного — дать ему денег, что ли? Но денег Куравлев не просил. Ему был нужен слушатель. В следующие полчаса Жаров узнал такое, отчего человек, сидевший напротив, заинтересовал его по полной программе…

2

Евгений Куравлев был инженером на конфетной фабрике, его жена Нина временно не работала. Как-то раз, вернувшись домой после, откровенно говоря, хорошей пьянки, он обнаружил свою жену мертвой. Преступник убил ее ударом ножа в сердце, усадил на супружескую кровать, а в ладонь вставил скрученную в трубку брошюру. Это была маленькая карманная книжка «Сердце грешницы». Другая рука жертвы сжимала рукоятку столового ножа, который оставался в теле. Это положение также (как было доказано следствием) придал телу убийца. Похоже, он хотел создать показную, карикатурную иллюзию, будто бы женщина, прочитав разоблачительную брошюру, не вынесла позора грешницы и тут же покончила с собой.

Эту часть истории Жаров знал от следователя Пилипенко, который был самым плодовитым внештатником «Курьера» и кроме того пытался взять на себя роль цензора. В частности, Жарову пришлось поклясться, что все газетные материалы, касающиеся незакрытого дела маньяка-карателя, будут проходить через него.

Ситуация с маньяком была отвратительной еще и потому, что сейчас шел самый разгар весны, все вокруг цвело и распускалось, а это значило, что скоро откроется сезон. Не пойманный до начала сезона маньяк стал бы катастрофой для города. Вот почему газетные сообщения на эту тему должны быть особенно корректны.

Дальнейший рассказ Куравлева был смутен, странен и не входил в его официальные показания. Оказывается, утром того дня, когда произошло убийство, Нина рассказала ему сон. Накануне в их почтовый ящик как раз бросили эту брошюру, «Сердце грешницы». Какая-то американская религиозная организация наводнила этими книжицами всю Ялту, ее адепты ходили по Набережной ряженые и пропагандировали супружескую верность, моногамию и вообще жизнь без греха.

Нина Куравлева видела сон, будто бы к ним в дом ворвался маньяк. Он был членом этой секты, сам был ряженым и пришел казнить ее. Будто она должна исполнить казнь собственноручно, пронзив свое сердце кинжалом, сердце грешницы. И вот, вернувшись домой тем вечером, Куравлев застал именно такую картину…

3

Жаров с любопытством разглядывал соседа. Неуместно было пускаться с ним в околонаучную дискуссию, но Куравлев начал сам:

— Я никогда не верил в вещие сны, даже в детстве. А она верила.

— Это может быть просто совпадением, — неохотно проговорил Жаров. — Принесли брошюру. Она называется «Сердце грешницы». Вот и приснился такой сон. Например, в статье, которую… Вот в этой статье… — Жаров запнулся, вспомнив, что он в данной ситуации случайно играет роль курьера, а не автора. — Там написано, что один преступник накануне своей казни видел сон, что на эшафоте два сизых голубя сели ему на плечи. И что же? Как раз во время казни прискакали двое полицейских с известием, что казнь отменена. Более того, его осудили ошибочно и он был не преступник, а герой. И за это его повысили в чине и повесили ему на плечи эполеты.

Это была как раз одна из выдуманных им историй. Но была и настоящая. Жаров хотел было ее рассказать, но собеседник перебил его:

— Нина всегда говорила, что перед катастрофами людям снятся сны, и они, эти сны, в точности предсказывают катастрофы…

Может быть, этот человек как раз таким образом и отвлекался от своего горя. Просто говорить о том, что произошло, было бы похоже на желание вызвать жалость к себе. В итоге он все равно, хоть и через другую тему, говорил о своей жене.

И он поведал Жарову еще две истории о сновидениях, довольно широко известных в народе и скучных.

— У меня у самого был такой случай в детстве, — сказал Жаров. — В пионерском лагере, в горах. Ты был в лагере?

И Жаров тоже рассказал историю.

Родители как-то отправили их в лагерь «Тюзлер», что на полпути к Ай-Петри, — Витьку Жарова и Вовку Пилипенко. Они были еще не настолько взрослыми, чтобы бегать за девчонками, и вся энергия уходила на страшилки. Их рассказывали на ночь — загробным голосом, когда лежали в палате после отбоя. Днем, в тихий час, когда их насильно укладывали спать, отчего-то пошла мода рассказывать и сны. Постепенно все стали с ужасом замечать, что некоторые сны сбываются.

Например, одному мальчишке приснился сон, будто он пошел чистить зубы, а из тюбика вместо зубной пасты полезли черви. Утром один пионер действительно выдавил из своего тюбика дождевого червяка. В другой раз раз кому-то приснился сон, будто на забор лагеря свалилась сосна, и на следующий день это на самом деле произошло.

И вот, в третьем отряде воцарился самый настоящий ужас… Он захватил сначала мальчишескую палату, потом перекатился через коридор к девчонкам. Леночке приснилась злая крыса с горящими глазами, выползшая из-под шкафа, а на другое утро девочка нашла у себя под кроватью крысу, правда, уже дохлую. Вершиной этого кошмара был сон о том, что машина директора лагеря свалилась в пропасть над Караголем. Вещий сон сбылся; директор, к счастью, успел выпрыгнуть, но кое на кого настучали со страха и кое-кого вызвали к начальству…

По мере того как Жаров рассказывал, Куравлев все больше мрачнел. Странная, неожиданная реакция… Обычно эту историю слушали с радостным интересом, в ожидании концовки, которая все объяснит. Но собеседника, похоже, вовсе не интересовали ни сами истории, ни их концовки. Куравлев нетерпеливо ерзал, по всему

было видно, что его посетила какая-то серьезная, неотступная мысль. В конце концов он угрюмо простился, допил, запрокинув голову остатки и поспешно вышел из пивной, так и не дослушав неожиданного финала рассказанной Жаровым истории.

Журналист остался сидеть в глубокой задумчивости на; пачкой своих газет, вспоминая каждое сказанное им слово Допив пиво, он взял под мышку пачку «Курьера» и в размышлениях добрел до редакции.

Что-то в его безобидном рассказе насторожило Куравлева, каким-то неожиданным образом повернуло ход его мыслей…

Конечно, человек, чью жену зверски убили месяц назад имеет право на неадекватное поведение. Где-то по городу ходит маньяк, все силы брошены на его поиск, но пока — тщетно. Нина Куравлева стала лишь первой жертвой, никто в Управлении не сомневался, что вот-вот должно про изойти следующее убийство… Куравлев правильно поступил, что не рассказал следователю сон своей жены. Прагматичный Пилипенко сделал бы один возможны» вывод — Куравлев и есть убийца.

Он подозревал жену в измене. Нашел в поч-

товом ящике брошюру и прочитал ее, что еще больше разогрело его гнев Тут жене снится этот сон. И Куравлев убивает ее, обставляя казнь атрибутами сна.

И все же эта версия была отброшена. Почему? Что за железное алиби у Куравлева и что за обстоятельства, исключающие его причастность к убийству жены?

4

Поздно вечером, чуть ли не на автопилоте дойдя до редакции, Жаров все никак не мог угомониться. Теперь его рук постоянно сжимала бутылочку крепкого «Славутича» — после слишком бурного общения с Куравлевым ему была необходима постоянная химическая поддержка. Он и номер Алиски набирал, держа «Славутич» в ладони.

Аписка работала психологом в милиции, с этой девушкой у Жарова были сложные, запутанные отношения. В послед нее время они дошли до такой стадии, что Жаров не мог обратиться к ней иначе, как по служебной необходимости. Ем показалось, что она тоже была рада поводу пообщаться.

— Что ты обо всем этом думаешь как штатный психолог? — спросил Жаров, рассказав ей в общих чертах о встрече с Куравлевым.

— Думаю, что надо сообщить об этом следователю, который ведет дело. И не бойся, что Пилипенко поднимет тебя на смех.

— Я сообщу, — ответил Жаров, хотя и не был уверен в правильности такого решения. — Но

сначала хотелось бы с тобой поболтать. Ты ж должна что-то знать о снах и сновидениях! Вот, например, в моей последней передовице есть такая история, которая произошла на самом деле…

— Не рассказывай, — перебила его Алиска. — Я ведь куплю газету завтра. А если расскажешь, то будет неинтересно читать.

Она помолчала, наверное, собираясь с мыслями. Весенний сквозняк, вместе с чьей-то пьяной песней летевший из распахнутой форточки, шевелил на столе бумаги. Жаров слышал ее дыхание, ему стало грустно. Еще недавно оно было рядом с ним, полностью принадлежало ему. Теперь кто-то другой слушает эту тихую музыку…

Алиска говорила, будто читая какой-то готовый текст, как всегда, быстро и четко:

— Сон на самом деле может предугадать будущее, если признаки этого будущего находятся в настоящем. Например, тебе снится сон, что ты провалился на экзамене. А ты плохо готовился, ты знаешь, что можешь не сдать, и боишься этого. В ночь перед экзаменом тебе снится сон, что ты провалился. Днем ты, естественно, получаешь неуд. Не потому, что тебе приснился вещий сон. И сон, и неуд имеют одну причину — ты не подготовился к экзамену, олух!

— Спасибо, — отреагировал Жаров. — Ну а в данном случае?

— Супруге Куравлева действительно мог присниться сон, что ее кто-то убьет, если она изменяла мужу, если он грозил ей и так далее.

— Но почему ей приснился не муж, а какой-то маньяк?

— А вот почему: у мужа были определенные склонности, она ведь это хорошо знала. Возможно, он проделывал с нею в постели какие-нибудь жестокие штучки. Вот и возникла ассоциация: муж — палач, который, в образе ряженого, наказывает ее за измену, сердце грешницы — брошюра, она сама виновата — сама пронзает себя ножом. Поэтому я и говорю: расскажи Пилипенко, хоть оно и выглядит как бред. Любой маньяк когда-то начинает. Кто может поручиться, что после убийства своей жены этот Куравлев на самом деле не станет маньяком?

5

Повесив трубку, Жаров вспомнил разговор с Куравлевым. Тот не говорил прямо, что жена была ему неверна, но Жаров догадался, что по этой части в его семье было неблагополучно.

Вот уже месяц следствие велось по нескольким направлениям. Поиски любовника были безрезультатны: Куравлев ничего не мог или не хотел сказать по этому поводу, опрос соседей и подруг жертвы также не дал результатов.

Само собой приходило на ум, что убийство как-то связано с деятельностью секты борцов за нравственность, но никакой зацепки, кроме брошенной в ящик книжицы, обнаружить не удалось. Однако именно на ней, на глянцевой поверхности обложки, на свежей типографской краске и были найдены отпечатки пальцев, скорее всего оставленные убийцей. В базах данных эти отпечатки не значились, не принадлежали они ни работникам типографии, печатавшим книгу, ни той разносчице, которая бросила книгу в почтовый ящик. Впрочем, последнее объяснялось: девушки из секты ходят в маскарадных костюмах, а костюмы комплектуются легкими

белыми перчатками, не столько для зашиты от холода, сколько для символического имиджа чистоты…

Главная версия следствия была такова. Маньяк, которого прозвали Карателем, взял на себя миссию наказания некой неверной жены, о чем недвусмысленно свидетельствовала обстановка преступления. Следующей его жертвой тоже должна стать чья-то гулящая жена. Логично рассуждать так же, как и он, и представить, каким образом Каратель может найти очередную жертву.

Где обычно встречаются любовники? В гостиницах, на частных квартирах, сдаваемых внаем. На автовокзале можно снять комнату на одну ночь без всяких проблем. В гостиницах дороже и надо предъявлять паспорта. Сотрудники гостиниц были проверены в первую очередь, равно как и старушки, сдающие комнаты. Конечно, старушками их называли чисто условно, чтобы упорядочить терминологию. Были среди них и молодые люди — этих проверили прежде всего. Одна из гипотез заключалась в том, что некто, например, сын хозяйки, которая сдавала гнездо любовникам, может увидеть будущую жертву и выследить ее….

Это, конечно, на тот случай, если маньяком все же не был сам Куравлев. Жаров, чувствуя себя еще достаточно словоохотливым на сегодня, позвонил, несмотря на поздний час, своему другу-следователю, чтобы огорошить его сенсационным рассказом.

Но Пилипенко явно скучал, слушая его. Затем прервал, не дав договорить до конца:

— Все бы ничего, только одна мелочь не вписывается. Дело в том, что у этого Куравлева железобетонное алиби. Три человека подтвердили, что он весь вечер находился в другом месте.

— А как ты объяснишь вещий сон жертвы?

— Очень просто. Никакого сна не было. Куравлев алкоголик. К тому же с ним произошло несчастье. Этот кошмар мог присниться ему самому. Я удивляюсь, почему тебя это удивляет. Ведь в твоей завтрашней газете ты выдумал все истории, кроме одной.

— Откуда ты знаешь, гражданин цензор?

— Просто логика. История о гарвардском убийце, которому приснился сон, что оборвалась веревка, и так далее. Она самая скучная, потому и подлинная.

Гм… Получалось, что старый друг таким образом делает комплимент его фантазии. Жаров

поблагодарил:

— Спасибо. А ты помнишь, что было у нас в лагере?

— Конечно. Но там была иная последовательность событий, чем в случае с Куравлевым. Сначала одному парню приснилось, что в его зубной пасте завелись черви. Этот сон был на самом деле. На другой день он рассказал сон всем остальным. И на следующее утро другой парень, то есть я сам, устроил сцену с дождевым червяком.

— Это был эффект! Ты якобы вытащил его из своего тюбика. Потом к мистификации присоединился я. Рассказываю якобы сон, затем иллюстрирую. В сущности, во всей этой цепочке событий было два настоящих сна — про червей и про крысу. Остальные сны были рассказаны либо тобой, либо мной.

— Был еще и третий. Про лягушку. И крупно повезло нам тогда с деревом: оно упало во время тихого часа, и никто, кроме меня, когда я бегал в туалет, об этом не знал. То же самое, когда ты подслушал, как завхоз говорит по телефону о той аварии с директором. Ну и кончилось все тем, что нас с тобой чуть не выгнали из лагеря.

6

Жарову не спалось в эту ночь. Он ворочался на диване, закручиваясь, как червяк в кокон, в свою старую армейскую шинель. Ветер доносил с улицы запах цветущего миндаля и чьи-то любовные стоны. В редакции, как всегда по вторникам, уютно пахло свежей типографской краской, принесенной сюда с пачкой завтрашних газет.

Куравлев не выходил у него из головы. А что, если он на самом деле убил Нину, но сделал это в бессознательном состоянии? Вот и получалось, как в «Тюзлере», — сначала сон, потом его осуществление…

Тем же вечером, закончив развоз тиража, Жаров подогнал свой старенький «Пежо» к проходной конфетной фабрики и припарковался на краю стоянки для сотрудников, через два места от голубого «Фольксвагена» Куравлева.

Инженер Куравлев мелькнул в дверном проеме в положенное время и направился к своей машине. Жаров тронулся ему вслед. Они проехали по Весенней, спустились по Дзержинского и выскочили на трассу. Было ясно, что Куравлев движется домой, хоть и более длинным, но гаран-

тированно свободным от вечерней пробки путем. Вот и его дом, обыкновенная пятиэтажка. Жаров решил уже было отстать, но тут произошло нечто странное.

Оставив «Фольксваген» во дворе, Куравлев не стал входить в подъезд, развернулся и пошел вниз, на Садовую. Жаров тоже бросил свою машину и устремился за ним. Дойдя до продуктового магазина, Куравлев остановился, достал мобильный телефон и потыкал в кнопки.

Жаров не понял, что произошло: то ли Куравлеву пришло СМС, то ли он сам решил отправить. Но манипуляции, которые он делал с мобильником, не походили на СМС. Жаров стоял совсем близко, скрываясь за стволом платана. Куравлев несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Не могло же его сообщение состоять из одной повторяющейся буквы?

Миновав магазин, Куравлев пошел вверх по Садовой и снова остановился. Здесь не было ничего примечательного, кроме одноэтажного жилого дома с верандой, увитой глицинией. Растение только собиралось зацвести, бутоны висели среди лиан, словно маленькие виноградные гроздья.

Куравлев опять достал мобильник и снова ткнул в кнопку. Жаров отметил, что его палец

ударил по клавише пять раз. Что бы это могло значить?

В дом с глицинией Куравлев не вошел, повернулся и быстро зашагал обратно. Опять магазин и манипуляция с мобильником. Последняя остановка — и снова та же манипуляция у подъезда своего дома на Рабочей, где он наконец и скрылся.

Жарову пришла в голову идея, и он решил ее проверить. Спустившись в центр, он разыскал магазинчик, где продавались мобильные телефоны, и попросил показать ту же модель, что была у Куравлева.

Через несколько минут он узнал, что, нажимая на одну клавишу пять раз, можно выйти на встроенный в мобильник секундомер. Значит, Куравлев проверял некий маршрут, засекал время. У Жарова не оставалось никакого сомнения: здесь готовится новое убийство.

7

Позвонить Пилипенко? И что сказать? Конечно, на основании таких подозрений никто не будет организовывать слежку за объектом. Но вот посидеть в небольшом кафе на Садовой никому не возбранялось. К тому же Жаров чувствовал голод. Он вернулся к этому кафе и устроился на открытой веранде. Официантка положила перед ним меню.

Это был великолепный наблюдательный пост: отсюда хорошо просматривались и поворот улицы, где был магазинчик, и тот одноэтажный дом, увитый набухающей глицинией.

Из динамика доносилась тихая музыка. Жаров был здесь единственным посетителем. Две милые официантки беседовали за стойкой, иногда поглядывая на него, что волновало, поднимало настроение…

Когда-то давно, еще в школе, Пилипенко и Жаров играли в сыщиков. Получилось спонтанно: они увидели на Набережной Минина, который сейчас служит в Управлении экспертом-криминалистом, а тогда был всего лишь старшеклассником из их школы и собирался

учиться на врача.

Минин был погружен в свои мысли и не заметил их. Друзья пошли за ним, с удивлением обнаружив, что Минин по-прежнему их не видит. У памятника Ленину Минин почитал газету на стенде, затем прошел вдоль гостиницы «Крым» и скрылся в Доме книги. Пилипенко и Жаров буквально наступали ему на пятки, заглядывали в книги, которые он просматривал, Пилипенко даже записал названия книг в блокнот.

Затем Минин направился в кассы «Сатурна» и взял два билета на вечерний сеанс. Пилипенко записал название фильма.

Таким образом они довели Минина прямо до его дома на улице Манагарова и только наутро, в школе, поймали его и таинственными голосами рассказали о том, где он вчера был, какие книги листал, на какие места взял билеты в кино.

Леня занял позицию нападения: выслушав ребят, он невозмутимо заявил, что с самого начала видел их, только притворялся, что не замечает, и все время думал: что этим двум дуракам от него надо?

Он и до сих пор так рассказывает эту историю, хотя Пилипенко и Жаров также до сих пор убеждены, что Минин, которому они оба буквально

дышали в ухо, так и не заметил, что за ним следят.

Как ни странно, но этой маленькой детской практики хватило не только Жарову, но и профессионалу Пилипенко. Все навыки скрытного наблюдения они оба получили именно в тот день.

Сейчас, сидя в кафе, Жаров вспоминал ту далекую осень, и у него щемило сердце — оттого, что столько времени прошло, оттого, что мир стал совершенно другим, что многие надежды так и не сбылись…

Просидев около полутора часов, Жаров уничтожил порцию свиного жаркого с фирменным салатом, выпил две чашки кофе, выкурил несколько сигарет. Это, конечно, была не блестящая идея, сидеть и ждать на куравлевском маршруте неизвестно чего. Какое должно произойти здесь событие и когда?

Жаров уже собирался уходить, когда увидел крупного мужчину, который, поднявшись по улице, прошел мимо магазина и кафе и вошел в тот самый дом с верандой.

Темнело, и в окошке, отворявшемся на веранду, уже горел слабый розовый свет. Тень вошедшего мелькнула за шторой.

Несколько минут ничего не происходило, но вдруг в доме послышался шум, будто свалился стул. Человек выскочил на веранду. На нем был светлый пиджак, и на ткани теперь красовалось большое темное пятно. Это была, вне всякого сомнения, кровь. Человек достал мобильный телефон и принялся куда-то звонить. Он выглядел сильно взволнованным и, разговаривая, размахивал рукой так, будто его собеседник стоит перед ним.

Жаров понял, что должен действовать немедленно.

8

Он бросил на стол две смятые двадцатки и пулей вылетел из кафе. Ворвавшись на веранду дома, встал перед окровавленным человеком.

— Похоже, вам нужна помощь! — воскликнул Жаров.

И тут он увидел. За широкими плечами незнакомца находилось окно, штора была задернута неплотно, и в этой щели открывалось зрелище, от которого Жарова передернуло. На скомканной постели, опершись спиной о подушку, полулежала женщина. В руке она сжимала маленькую книжицу, другую руку прижала к груди…

Человек проследил за взглядом Жарова, сделал какое-то неуловимое движение, и Жаров покатился на пол.

— Стоять! — крикнул Жаров, вскакивая на ноги. — Я из милиции.

— Так быстро? — сказал человек в белом пиджаке и снова попытался ударить Жарова, но тот перехватил его руку и сам сильно ткнул его кулаком в подбородок.

Следующий прием был хорошо знаком Жарову по армейской школе. Он завернул руку против-

ника за спину и повалил его на пол, надавив ему коленкой в спину. Поняв, что сопротивление бесполезно, мужчина затих.

Свободной рукой Жаров достал мобильник и вызвал номер Пилипенко.

— Я только что задержал Карателя! — без предисловий сообщил он.

Пилипенко удивился:

— Как ты мог задержать мертвеца?

Жаров автоматически глянул на человека, лежащего под ним. Тот дернулся, пытаясь вырваться.

— Маньяк еще жив! — отрапортовал Жаров.

Он включил громкую связь, бросил мобильник на пол и крепко схватил поверженного обеими руками.

— Нам только что сообщили, — настаивала телефонная трубка на дощатом полу, — что Каратель убит.

— Где? Как?

— Наверху, на Садовой. Мы как раз и едем туда.

— Так, а я где? Тоже на Садовой!

— Значит, ты и убил Карателя, — ехидно ответила трубка. — А вот сообщил об этом почему-то не ты.

Только тут Жаров заметил машину следователя, которая разворачивалась на площадке перед домом, шаря фарами по его стенам.

— Это я убил вашего Карателя, — послышался голос снизу: говорил поверженный человек в светлом пиджаке.

9

Ситуация была следующей. Петр Быков, сотрудник охранной фирмы, вернулся домой и застал маньяка, так сказать, за работой. Точнее, он уже закончил ее — убил жену Быкова и обустроил сцену: женщина лежит, якобы воткнув нож себе в грудь, в руке держит книжонку «Сердце грешницы». Похоже, маньяк задержался лишь для того, чтобы еще по-шерстить в доме, сочетая приятное с полезным.

Быков сгоряча не рассчитал силы удара и уложил маньяка так, что тот стукнулся виском об угол стула. Смерть наступила мгновенно. Петр Быков был человек сильный и в то же время неловкий: Жаров только что убедился как в том, так и в другом.

Теперь Быков выглядел мрачно: в течение нескольких минут ему пришлось пережить сразу два события: почти на его глазах убили жену, и он сам совершил убийство, хоть и непреднамеренное. Кроме того, его еще и самого избили — это уже постарался бывший десантник Жаров.

— Я знаю этого человека, — сказал Жаров, указывая на труп, свернувшийся в углу.

Быков, сидевший на стуле, с удивлением поднял голову.

— Хорошие же знакомства вы водите! Я не хотел его убивать, честно. Хотя собаке, как говорится…

— Не говорите плохо о собаках, — попросил Пилипенко. — Собаки как раз и помогают нам ловить таких мерзавцев.

— Одного не могу понять, — сказал Жаров. — Как он успел пройти незамеченным? Часа три назад я вел его прямо до его дома. Наверное, он вернулся сюда, пока я заходил в салон мобильной связи. Дома он, как я вижу, сменил одежду…

— Припарадился перед важным делом, — заметил лейтенант Клюев.

Жаров подошел к трупу и нагнулся, чтобы рассмотреть лицо убитого. Через секунду он с удивлением поднял голову.

— Это не Куравлев! — воскликнул он.

Пилипенко пожал плечами:

— А почему это должен быть Куравлев?

Жаров взял следователя за рукав и вывел его на веранду.

— Потому что Куравлев, — тихо сказал он, чтобы не слышал Быков, — сегодня вечером ходил вокруг этого дома и замерял время по секундомеру.

— Интересно, зачем?

— Вот и я думаю. Ходил вокруг дома, где вскоре произошло убийство. Разумеется, он как-то причастен к этому.

— У маньяков редко бывают напарники, — задумчиво проговорил Пилипенко.

Он вернулся в комнату и распорядился доставить Быкова в Управление.

— Я арестован? — спросил Быков.

— Задержан. Возможно, вам предъявят обвинение в непреднамеренном убийстве. Возможно, отпустят до суда.

— А что решит суд? — глупо спросил Быков.

Его можно было понять. Человека, который спас мир от маньяка, будут за это еще и судить. Но таковы законы…

— Я не судья, — сказал Пилипенко. — Могу предположить, что вас оправдают. Ну а сейчас мы вынуждены вас задержать. Могу только лично принести благодарность за проявленный героизм.

Услышав эти слова, Быков даже приосанился, но по всему было видно, что идти в КПЗ ему не хочется.

— В любом случае, — сказал следователь, — здесь вам оставаться нельзя: сейчас в вашем доме

будет работа, и довольно неприятная.

Быков двинулся к машине через двор. Его широкие плечи были опушены. Пилипенко остановил его.

— Как вы уже сказали, вы пришли домой раньше, отпросившись со смены. Я хочу узнать почему.

Быков смутился.

— Мне не хочется об этом говорить.

— Вам придется.

— Это странная история… — Он помолчал, затем все же решился: — Дело в том, что моя жена сегодня утром рассказала мне сон…

10

Жаров был потрясен. Убитая женщина поведала мужу точно такой же сон, какой приснился Нине Куравлевой в ночь перед убийством. Сон о ряженом маньяке, который заставляет ее совершить собственную казнь, с ножом в сердце и книжицей в руке.

У Быкова не выходил из головы этот сон. Жена оставалась дома одна, и его мучили предчувствия. В конце концов он отпросился со службы и примчался домой. Сон непостижимым образом сбылся…

Быкова увезли в Управление, предварительная работа в доме, где произошло убийство, закончилась. Был поздний вечер, Пилипенко и Жаров сидели в машине следователя. Он не торопился трогаться с места: похоже, ему хотелось немного передохнуть, да и поговорить… Он положил руки на руль и поглядывал на темные окна дома Быкова.

— Оставим в покое эти сны, — сказал Пилипенко. — Давай подумаем о фактах и только о фактах.

— Нельзя оставить в покое сны, потому что

загвоздка может быть именно в этом.

— Я не верю в такие дела. Если хочешь, разрабатывай свою мистическую версию, а я займусь расследованием. Итак, факты. Куравлев крутится возле дома Быкова. После этого в дом врывается маньяк. Можно сделать два вывода: либо Куравлев сообщник маньяка, либо он каким-то образом знал о его намерениях.

— Получается, что он опять — сообщник маньяка.

— Да, ты, конечно, имеешь представление о законах. Если Куравлев знал маньяка, был в курсе его намерений и не оповестил нас, то он и есть сообщник. Только все это надо сперва доказать. Личность Карателя выясняют. Возможно, найдутся его связи с Куравлевым. Теперь о Быкове… Сдается мне, что я где-то недавно слышал эту фамилию. Быков, Быков… Очень простая фамилия. Обычно такие забываются, кажутся знакомыми… Как лошадиная фамилия у нашего знаменитого земляка.

Вдруг он удивленно присвистнул.

— Быков, вернее, семья Быковых, да еще их соседка… Это и есть то самое железное алиби Куравлева! Быков и есть тот самый друг Куравлева, у которого он сидел и пьянствовал в тот вечер,

когда убили его жену.

Пилипенко потер кулаком лоб, поправил очки, шмыгнул носом. Это значило, что в голове его пошел активный мыслительный процесс. Жаров тоже не терял времени — обдумывал свою версию о снах и уже начал нащупывать любопытную схему…

— Вот что, — вдруг поднял голову Пилипенко. — В целом, мои соображения таковы. На самом деле, в городе все же действуют не один, а два карателя. Когда убили Куравлеву, ее муж обеспечил себе алиби тем, что сидел у Быкова. Каждому ясно, что в убийстве жены в первую очередь будут подозревать мужа. В это время неизвестный, убитый сегодня Быковым, казнит жену Куравлева. Это вроде тайной организации, как те ряженые американцы. Борьба за чистоту нравов. Два человека объединились в якобы благородных целях.

— И отправной точкой был, конечно, сон жены Куравлева! — воскликнул Жаров.

— Только не в том таинственном смысле, как ты мне навязываешь. Все просто и утилитарно: сон лишь подсказал сценарий убийства. Куравлев давно задумал убить свою неверную жену, он совершил казнь чужими руками и по схеме ее

сна. Но вот что самое интересное. Мы искали маньяка среди каких-то официантов, квартиросдателей… На самом деле Быков, будучи другом Куравлева, рассказал ему кое-что о своей жене. Может такое быть на дружеской пьянке? Именно в тот день, когда Куравлев добывал свое алиби в гостях у Быкова. Куравлев решил и ее покарать, жену Быкова. И сегодня его сообщник это сделал. Быков расправился с сообщником. Правда, в эту теорию не вписывается сон жены Быкова. Впрочем, — Пилипенко поднял глаза к небу, — этот сон вообще ни во что не вписывается…

— А это уже я могу объяснить, — сказал Жаров. — Это так же реально. Никакой мистики. Вспомни пионерлагерь. Ведь дохлая крыса так напугала девчонок, что одной из них потом приснился такой же сон, только про огромную лягушку…

— Точно, — оживился Пилипенко. — Пришлось нам еще утром ловить лягушку на водопаде, чтобы бросить ей в постель.

— Я об этом и говорю, — продолжал Жаров. — Женщины были знакомы друг с другом. Я имею в виду обеих жен — Куравлева и Быкова. Возможно, первая рассказала свой сон второй. Тут ее убили. Второй, от эмоционального потрясения,

тоже мог присниться подобный сон. Это вовсе не противоречит даже твоей теории, которая мне кажется сомнительной.

— Что же в ней не сходится?

— Не совсем понятно, зачем Куравлев промерял время для своего сообщника, — сказал Жаров.

11

Пилипенко собрался было что-то возразить другу, но тут из-за поворота вывалила небольшая толпа. Несколько человек шли молча, очень близко друг к другу. Что-то было в них странное, отталкивающее. Когда они вступили в круг фонарного света, Жаров понял, что это и есть они — ряженые в костюмы цирковых клоунов борцы за нравственность.

Они остановились напротив дома Быкова. Один из клоунов указал ладонью на дом. Все обступили его.

— Каким образом они узнали, что произошло здесь несколько часов назад? — пробормотал Пилипенко.

Клоун, с неугасимой улыбкой на лице, стал что-то рассказывать, делая ладонями жесты, будто изображая движения самолетов. Другие клоуны слушали, кивая. Их красно-белые улыбки покачивались вверх-вниз.

Пилипенко открыл дверь машины, Жаров открыл свою. Клоуны, оглянувшись, замерли. Казалось, они приветливо улыбаются людям, которые быстро шли к ним, огибая группу с обеих

сторон.

— Милиция, капитан Пилипенко, — сообщил следователь. — Всем оставаться на местах.

Ряженые заговорили все сразу, из-под масок доносились их глухие голоса.

— Мы частная зарегистрированная организация! — объявил один.

— Мы не нарушаем общественный порядок, и все совершенно законно, — уточнил другой.

— Мы абсолютно не пьяны, — зачем-то добавил третий.

— Нас привел сюда наш коллега! — сказал четвертый, указывая на пятого клоуна, того, кто рассказывал, показывал и был центром компании.

— Откуда у коллеги информация о месте преступления? — строго спросил следователь.

На несколько секунд все замолчали, переглянувшись. Жарову почудились под красными пластиковыми улыбками рты, искривленные недоумением, будто это был глупый, ужасно неуместный вопрос.

— Да я просто живу в этом доме! — сказал пятый клоун глухим голосом, который все больше проявлялся и звенел по мере того, как клоун стягивал маску, разваливая по плечам светлые

кудрявые волосы.

Четверо других клоунов тоже сняли маски — они оказались довольно молодыми мужчинами и женщинами.

— Это вы? — удивился Пилипенко. — Квятковская Анна! Конечно, я вас помню: вы тоже принадлежите к секте?

— Мы не секта! — подал голос белобрысый парень.

— А массовая, борющаяся за реставрацию нравственности организация, — добавил лохматый рыжий клоун, немного заикаясь, будто перебрал лишнего.

— Молчать! — взвизгнул Пилипенко, вскинув палец к небу.

Гвалт, готовый опять начаться, мгновенно оборвался.

— Сейчас заберем вас всех в вытрезвитель, — низким страшным голосом сказал Жаров.

Пилипенко обернулся к нему:

— Это и есть соседка Быкова. Третье железное алиби.

— Я и привела своих друзей, посмотреть на дом, где произошло убийство грешницы. Что тут такого?

Следователь игнорировал вопрос, посмотрев

куда-то вверх. Склон в этом месте был нарезан на террасы: сразу над двором Быкова возвышался другой частный дом старинной постройки, с большим балконом, огороженным точеными перилами.

— Это ведь ваш балкон? — спросил Пилипенко.

— Ну да! — ответила Анна.

Он осторожно взял ее за рукав, чтобы отвести в сторону от прочих клоунов. Жаров успокоил заволновавшихся клоунов ладонью и присоединился к следователю.

— Превосходный наблюдательный пункт, — сказал Пилипенко. — Во время убийства вы были дома?

— А в какое время произошло убийство? — спросила Анна хитрым голосом.

Пилипенко усмехнулся.

— Весь вечер я провела на собрании, — продолжала девушка, — пошла туда сразу после работы. Только забежала домой поужинать. Вот и узнала все. Вернулась в наш клуб и привела сюда друзей.

— Очень хорошо, — сказал Пилипенко. — Между прочим, один вопрос. Ведь это вы бросили брошюру в почтовый ящик Куравлева Евгения?

— Конечно, это мой участок, на Рабочей. И ваш сотрудник уже снял мои отпечатки пальцев.

Анна была в легких белых перчатках, она держала свою маску в обеих руках, словно водолаз шлем. Все остальные тоже были похожи на бригаду водолазов, только что поднявшихся из акватории порта.

— Поэтому и вопрос, — сказал Пилипенко. — В начале месяца было тепло, насколько я помню. Но вы, наверное, все равно были в перчатках, так же как сейчас?

— Вовсе нет, почему? Разносить корреспонденцию — одно, а участвовать в акциях — другое. Перчатки — это часть костюма, вы ж видите!

Разговор был исчерпан. Анна присоединилась к остальной группе, и все они молча двинулись по улице вниз, отбрасывая в желтом свете фонаря на асфальт длинные тени.

12

— Квятковская Анна проходила как свидетель алиби, — задумчиво проговорил Пилипенко. — Без нее алиби Куравлева не было бы таким железным, поскольку двое свидетелей все-таки были пьяны.

— Так она с ними не пила?

— В том-то и дело, что нет. Она была дома, смотрела из окна, заходила к соседям, слышала звуки и так далее. Конкретно во время убийства она возилась с перепившим Куравлевым. Там постоянно работал телевизор, как всегда в наших жилищах. По телепередачам мы точно установили время. Куравлев не убивал свою жену. Но Квятковская член секты. А брошюра секты фигурирует в обоих делах.

— Может быть, ее роль только в том и заключается, что она пыталась вовлечь своих соседей в секту? Да и самого Куравлева, который к ним ходил. Только и всего, что подсунула им брошюру, косвенное орудие убийства…

— Может быть — да, — сказал Пилипенко. — А может быть, тут что-то совсем другое… Она была без перчаток. По идее, на свежей краске брошюры

должны были остаться ее отпечатки. Но их нет. Есть только чьи-то неизвестные.

Жаров немного подумал. Все эти детали как-то не вязались одна с другой.

— А отпечатки Куравлева на брошюре есть?

— Нет, — сказал Пилипенко.

— Но этого не может быть! — воскликнул Жаров. — Ведь Куравлев вчера сам сказал мне, что брошюру бросили ему в ящик. А отпечатки жертвы, жены Куравлева?

— Нет, тоже нет. Только пальцы работников типографии и какого-то неизвестного.

— Что это значит?

— Не знаю.

13

Установить личность человека, убитого в доме Быкова, не составило труда. Чем больше изучалась эта личность, тем большее омерзение она вызывала у тех, кто был непосредственно связан с процессом.

Аркадий Рачко был маниакальным бабником. Все свои силы он тратил на охоту за женщинами. Уроженец небольшого сухопутного городка, он специально переселился на курорт, в зону, где водилось наибольшее количество дичи. Соответственно своей цели он выбрал и профессию — газовщик, что позволяло ему весь день общаться с домохозяйками.

Квартира, которую он снимал, напоминала подсобное помещение магазина «интим». Кроме бумажной порнографии, компьютера, забитого одной и той же темой, да еще эротической перепиской с русскоязычными жительницами всей планеты, от Забайкалья до Австралии, при обыске были найдены и некие эксклюзивные материалы.

На хард-диске компьютера обнаружились сделанные плохонькой цифровой камерой

видеоролики, где легко узнавался сам Рачко, занимающийся сексом с разными женщинами, в различных интерьерах. На одном из роликов были и спальня Быкова, и его жена…

Все это выяснилось на другой же день после убийства. Пилипенко рассказал об этом Жарову с кислым лицом. Жаров понял, что его друг переживает сейчас один из периодов сомнений, которые все чаще случаются с ним последнее время: он снова подумывает бросить службу и заняться чем-то таким, чтобы видеть с утра до вечера только хороших людей…

Ночью они сидели в офисе редакции, Жаров откупорил бутылку виски из своего представительского фонда, что уже через полчаса погасило лихорадочный огонь в глазах следователя. Он положил ноги на каминный экран, и его лицо приобрело сонное выражение.

— Впрочем, останусь, хотя бы еще на год, — произнес он. — В конце концов, моя служба и заключается в отлове всякого рода подонков. Поднимаю этот бокал за их упокой.

Жарову вдруг пришла в голову дикая мысль.

— А ведь то, что этот сантехник…

— Газовщик, — поправил Пилипенко.

— Ну, газовщик… То, что он был любовником

жены Быкова, в корне меняет дело.

— Какая разница? — лениво спросил Пилипенко. — Он был любовником многих женщин в этом районе.

— Но не жены Куравлева.

— Это неизвестно. У нее тоже в квартире газ.

— Я вот что подумал, — сказал Жаров. — Каким бы плохим ни был донжуан, но это не значит, что он убил обеих женщин.

— Значит, — устало сказал Пилипенко.

— Но история может быть совсем другой. Быков пришел домой и застал жену с любовником. Он ударил любовника, не рассчитал силу и убил его. Затем убил свою жену. Вложил ей в руку брошюру, имитировал действия маньяка. Ведь он знал от своего друга Куравлева, каким именно образом была убита его жена…

— Хорошая теория, — сказал Пилипенко, — но неверная.

— Это почему?

— Да потому что именно Рачко убил обеих женщин. Я не успел тебе сказать главного. Тот отпечаток пальца, на первой брошюре, и принадлежит как раз ему.

— Ах, вот как!

— Именно. Кроме того, в его кармане нашли

еще две брошюры. Он был разносчиком. За небольшую плату от секты впаривал эти брошюры клиентам. Они используют такого рода людей, тех, кто ходит по домам, в силу своей профессии. Легко и удобно.

Новая теория Жарова была разрушена, не успев даже толком выстроиться.

— А где сейчас Быков? — спросил он.

— Дома, наверное. Его освободили до суда, часа три назад.

— Будут судить?

— Разумеется. Он убил человека.

— Маньяка.

Пилипенко помолчал, вероятно, раздумывая, ввязываться ли в спор, который они вели уже много лет. Дискуссия касалась справедливости правосудия, права на правосудие одних и отсутствия такого права — для других.

— Да оправдают твоего Быкова, — сказал он. — Даже условного срока не дадут, я думаю. Вынесут из зала суда на руках — как героя, который освободил землю от чудовища.

— А ведь ты недоволен, — сказал Жаров. — Вы всегда недовольны, когда кто-то другой вершит правосудие вместо вас.

— Если бы каждый вершил правосудие, как

Чарльз Бронсон… На самом деле, таких судей и палачей в одном лице надо примерно наказывать. Для этого и существует кодекс.

Если бы Быков убил при превышении пределов необходимой самообороны, допустим, нам удалось бы доказать, что Каратель первый напал на него…

— Так докажи.

— В том-то и дело, что это было убийство по мотивам мести. За смерть жены. А за месть у нас сажают. В данном случае сработают смягчающие обстоятельства. Быков действовал в состоянии аффекта. Действовал голыми руками и не хотел изначально убивать. До трех лет. Возможно, условно. Но опять же, учитывая все прочее, его просто отпустят из зала суда, и все.

Пилипенко опустил голову, желая показать, что не хочет больше обсуждать этот вопрос. Бутылка опустела, открывать следующую не хотелось. Друзья вышли на улицу.

Во дворе распускался каштан, простирая к небу узкие пирамиды цветов, озаренных светом фонаря.

— Это хорошо, что дело закончилось весной, — заметил Пилипенко, потянув ветку за лист. — Если бы маньяк начал свои набеги с открытием

сезона, у всех нас были бы большие проблемы.

— Я не уверен, — вдруг сказал Жаров, — что оно закончилось…

— Тебе что — подсказывает чутье нереализованного сыщика?

— Нет, скорее литературное чутье. Я всегда исхожу из того, что это не в жизни происходит, а кто-то пишет тут детективный роман. Мог бы роман так закончиться?

Пилипенко покачал головой.

— Это был бы совершенно дурацкий роман.

14

Меж тем по всему городу невозмутимо продолжалось цветение кустов, деревьев и лиан: повсюду полыхала глициния разных сортов и оттенков, оформил свои соцветия тамариск, а у почтамта уже распустились ранние розы… Жаров по инерции вздрагивал, увидев очередной костер соцветий, поскольку зрелище напоминало ему о маньяке, о скором открытии сезона и пережитых волнениях.

Маньяк был мертв, но ощущение неоконченного романа не проходило. Три обстоятельства никак не вписывались в официально принятую версию. Что за странные дела произошли с отпечатками пальцев? Зачем Куравлев промерял время в районе места преступления? И, наконец, что самое непостижимое, — с какой стати обеим жертвам снились одинаковые сны?

Пилипенко вызвал и допросил Куравлева, уже в связи с новым убийством. На прямой вопрос, зачем он шатался вокруг дома, где вскоре было совершено преступление, тот не дал вразумительного ответа, сказал, что просто хотел заглянуть в гости к другу (Быкову), но передумал.

Когда речь зашла о замере времени, Куравлев явно пришел в замешательство, но вскоре овладел собой и даже занял агрессивную позицию: дескать, не имеют права судить гражданина за то, что он ходил по улице, поглядывая на свой собственный мобильник.

В конце апреля дело маньяка было закрыто, в производстве осталось лишь параллельное дело Быкова, которое все же удалось квалифицировать как убийство при превышении необходимой самообороны.

Жаров решил заняться сектой. Он и сам не знал, чего конкретно хочет: во всяком случае, материал на фельетон набрать было можно. Кроме того, ему хотелось снова увидеть девушку-клоуна, Анну Квятковскую, а это был вполне приемлемый повод.

Секта арендовала просторную четырехкомнатную квартиру в старом доме на улице Дражинского. Жаров отправился туда пешком, мимо цветущих финиковых пальм у здания морпорта…

В штаб-квартире секты было какое-то собрание, хлопали двери, по коридору сновали люди. В прихожей за столиком под лампой сидела молодая женщина, по виду дежурная, Жаров обратился к

ней. Она сообщила, что Анна не появлялась уже несколько дней — наверное, заболела.

— Пойду спрошу у кого-нибудь…

Дежурная вышла в другую комнату, в проеме высокой двери мелькнули внимательные лица людей, близко сидящих друг возле друга на полу. Среди них покачивалась знакомая шевелюра рыжего клоуна, который несколько недель назад, у дома с глицинией, показался Жарову пьянее остальных.

Под лампой лежал журнал, очевидно, для записи посещаемости, как в школе. Жаров перевернул страницу, другую… Внезапно у него замерло в груди, как всегда — от близости неожиданного открытия.

Вот страница за 18 апреля, день, когда произошло второе убийство. Запись: Ан. Квятковская. Пришла — 21.15. Ушла — 21.25.

Но этого не могло быть! Вернее, это так было, судя по записи, но не соответствовало прежней информации. В тот вечер, когда они с Пилипенко встретили клоунов, Анна сама сказала, что сразу после работы отправилась сюда, в штаб-квартиру секты. Получается, что она солгала. Зачем?

Жаров вышел по-английски, не дожидаясь, когда дежурная вернется. Ему повезло: сразу у

подъезда он поймал такси.

15

Первое, что услышал Жаров, когда машина скрылась за поворотом улицы, было жалобное, монотонное мяуканье кошки. Быков курил, облокотившись на перила своей веранды. Жаров не собирался с ним встречаться, но лестница, ведущая к дому Анны, начиналась от его порога.

— Боишься суда? — спросил Жаров.

— Не очень.

— Наверное, героем себя считаешь?

— Нет. — Быков бросил окурок на землю. — Осточертело все. Еще и кошка эта…

— Что за кошка? — Жаров посмотрел вверх, откуда доносилось мяуканье.

— Это кошка Аньки, соседки. Уже вторую ночь спать не дает. В смысле, кошка, а не Анька. Мяукает. А у меня сейчас в жизни самое главное — покрепче уснуть.

— Кошка закрыта в доме, — задумчиво проговорил Жаров. — Наверное, она голодная, а хозяйки нет…

— Молодая девушка, одинокая, — сказал Быков, посмотрев на часы. — Может, ночует у кого. И ей не до любимой питомицы.

Жаров поднялся по узкой бетонной лестнице с черными трубчатыми перилами. Маленький дворик Анны выглядел весьма неряшливо: опавшие с персикового дерева лепестки давно не сметали, посреди двора, поблескивая обручем, валялась цветочная кадка. Видимо, девушка так много времени отдавала своей общественной деятельности, что его не оставалось на собственный дом.

Жаров поднялся на маленькую веранду. Снизу, со стороны дома Быкова, донеслись голоса, хлопнула дверь машины. Наверное, кто-то приехал к Быкову — недаром он поглядывал на часы…

Кошка мяукала за обшарпанной дерматиновой дверью. Почуяв Жарова, она форсировала истерику. Жаров нажал кнопку звонка, хотя и так было ясно, что ему не откроют. Услышав звонок, кошка принялась царапать дверь с той стороны. Жаров дернул ручку, дверь почему-то оказалась незапертой, распахнулась, и животное, сверкнув в полете глазами, прыгнуло ему на грудь, свалилось, вскочило на ноги и с высоким воем исчезло в кустах.

Воздух в прихожей был затхлый, но кроме запаха непроветренного жилья в ноздри сразу бросился другой, происхождение которого не

вызывало сомнений. Жаров прошел в гостиную. В комнате стоял шум, мягкий и ровный, исходивший от компьютера в дальнем углу. Того, что Жаров рассчитывал увидеть, здесь не было. Через коридор располагалась спальня. Жаров открыл дверь, зажимая нос. Это было здесь. На кровати, выпучив глаза, полусидела Анна. Правая рука сжимала рукоятку ножа. В левой торчала знакомая книжица — «Сердце грешницы».

16

Следственная бригада приехала быстро. Убийство произошло порядка тридцати пяти часов назад. Более точное заключение можно было сделать только после лабораторного исследования тела. Косвенным свидетелем времени убийства был компьютер, который исправно работал в экономном режиме, с погашенным монитором.

Его доверили Жарову для предварительного изучения — как самому продвинутому специалисту в этой области. Конечно, аппарат, как и многие другие улики, увезут в лабораторию, но для этого его придется отключить, что приведет к необратимой потере данных.

— Повезло еще, что за все это время ни разу не вырубили свет, — пробурчал Жаров.

— Действуй, пока его и вправду не вырубили, — сказал Пилипенко. — Я вызвал специалиста, но, пока он едет, по закону сволочизма как раз и нагадят электрики.

Жаров дернул мышью, экран медленно налился голубым.

Что может сказать компьютер? Журналист никогда не сталкивался с подобной проблемой и

сейчас стал лихорадочно соображать…

По крайней мере, время последнего сохранения открытого файла он отметил: действительно — тридцать пять часов назад.

Это был страстный, пронзительный и безграмотный текст, озаглавленный «Дневник грешницы». Было странным читать личные записи девушки, чей труп только что увезли. И хотя квартиру проветрили, из каких-то ее дальних пустот все еще доносился сладковатый запах гниения, что придавало неряшливым словам дневника какой-то сюрреалистический смысл…

Жаров прокручивал дневник, ощущая себя подлецом. Однако вскоре это благородное чувство сменилось гораздо более сильным — он испытал ужас, от которого к горлу подступила тошнота…

«Сегодня, как и вчера, мне опять приснился то же самый сон…» — прочитал Жаров последнюю запись.

Это невыносимо! Маньяк, которого убили, маньяк-мертвец…

«Он в костюме клоуна, как все наши, — читал Жаров дальше. — Приближается. Подходит. Дает мне книгу и нож. Говорит: сделай это сама…»

Пилипенко, нагнувшись над столом, покрутил ролик компьютерной мыши.

— Глупости, — сказал он. — Никаких маньяков-мертвецов не бывает.

В этот момент в его кармане зазвонил телефон. Пилипенко прошелся по комнате, бросая подтверждающие реплики. На том конце связи клокотал взволнованный голос эксперта Минина.

Спрятав мобильник в карман, Пилипенко обернулся к Жарову:

— Ты был прав с самого начала. В этом деле замешан Куравлев. На сей раз он, похоже, сыграл главную роль — роль убийцы.

— Значит, Минин нашел его отпечатки… — сказал Жаров.

— Да. На последней брошюре пальцы Куравлева. Что ж, едем его брать, прямо сейчас. Ребята заняты. Думаю, мы с ним и вдвоем справимся.

17

Пешком до дома Куравлева минут пять ходьбы, но это по лестницам сократов, а на милицейском «жигуленке» пришлось покрутиться по серпантину улицы, что заняло чуть ли не больше времени.

— Вот почему я ненавижу автомобили, — пробурчал Жаров.

— Как ты сам видел, Куравлев ходил здесь пешком в тот вечер, бросив свою машину у дома, — медленно проговорил Пилипенко. — И он действительно промерял время, сколько его нужно пешему человеку. Только объектом, оказывается, был не дом Быкова, а дом Анны.

— Ерунда какая-то, — проговорил Жаров. — Рачко убил жену Куравлева и жену Быкова. Теперь Куравлев убил Анну. Какая может быть связь между всеми этими преступлениями?

— Думаю, мы это выясним, и очень скоро, — сказал Пилипенко, выруливая к подъезду пятиэтажки.

— Окна у него темные, — заметил Жаров.

— Может быть, уже спит, пьяный.

Но за дверью Куравлева их ожидало полное

молчание. Пилипенко выглянул на улицу через окно подъезда.

— Нет, не спит, — сказал он. — Нет во дворе его драндулета. Слушай, ты ж как-никак собутыльник этого парня. По-звони-ка ему.

— Но он не давал мне своего телефона!

— Зато я его тебе дам.

Пилипенко достал из кармана и подбросил на руке черный аппарат. Жаров было потянулся за ним. Пилипенко отдернул руку, подняв аппарат над головой — так дети дразнят друг друга конфетой.

— Звони со своего, — сказал он. — Мой у него отпечатан, может и не ответить следователю.

Они встали, голова к голове, держа рядом свои мобильники. Жаров нащелкал цифры с дисплея Пилипенко. Какое-то время в трубке стояло молчание, полное дальнего сетевого эха, затем приятный женский голос произнес: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— И мне не хочет отвечать, — сказал Жаров.

— Или не может, — добавил Пилипенко.

— Такое бывает, если вытащить сим-карту из аппарата, — сказал Жаров.

— Не только, — задумчиво проговорил Пи-

липенко. — Такое может быть, если аппарат уничтожен.

Жаров достал пачку сигарет, щелчком выстрелил две и протянул следователю. Несколько затяжек они сделали молча.

— Вот что странно, — сказал Пилипенко. — Как сказал Минин, на последней брошюре, кроме пальцев самой Анны, Куравлева и работников типографии, есть еще чьи-то неизвестные. Причем они не только на обложке, но и внутри, на глянцевых картинках.

— Человека, который читал книжицу…

Они докурили свои сигареты и одновременно ткнули окурки в консервную банку на подоконнике.

— А ведь Квятковская Анна не вписывается в систему маньяка, — сказал Пилипенко.

— Вряд ли ей от этого легче… А что ты имеешь в виду?

— До сих пор маньяк убивал замужних женщин, которые изменяли своим мужьям. А Квятковская не была замужем.

— У нее имелся какой-то парень, все равно что муж. Она обманывала его, я прочитал об этом в ее дневнике. Вот Каратель с ней и разобрался… Между прочим, она была лгуньей, — добавил Жаров.

— С чего ты взял?

— Она где-то задержалась в тот вечер, когда мы встретили клоунов. Может быть, как раз у этого парня…

— Ну-ка, проясни!

Жаров рассказал о записи в журнале.

— Что ж ты мне раньше не сказал?

— Да как-то было не до того, с этим убийством… А что, это сильно меняет дело?

Пилипенко щелкнул пальцами.

— Значит, так. В квартиру ты не входишь, ясно?

— А кто входит и как… — начал было Жаров, но следователь вдруг сильным ударом ноги распахнул дверь Куравлева и скрылся за ней.

Отворилась дверь напротив, выглянула взлохмаченная голова какого-то нетрезвого жителя пятиэтажки.

— Что тут происходит?

— Милиция, — строго сказал Жаров, и голова скрылась.

Пилипенко вышел через несколько минут. В руках он нес маленький прозрачный пакет, в каких продают хлеб. Внутри угадывались очертания разнокалиберных пузырьков и тюбиков.

— Зачем тебе это? — с удивлением спросил

Жаров.

— Не могу сейчас сказать. Я проник в квартиру незаконно. Если тебе будет известен мотив моих действий, ты станешь соучастником.

— А так я кто?

— Да просто прохожий.

18

Пилипенко отвез Жарова в Управление и усадил в своем кабинете, а сам унес куда-то пакет с пузырьками. Вернувшись, он сел за свой стол и, пальцем утвердив на переносице круглые очки, стал рассеянно просматривать сегодняшнюю сводку. Он явно чего-то ждал…

Вдруг его брови поползли наверх.

— Автомобильная катастрофа в районе кладбища, — прочитал он в документах. — В четырнадцать двадцать. Водитель предположительно не справился с управлением, и машина свалилась с поворота в обрыв. Машина сгорела. «Фольксваген-Гольф». Номер машины…

Жаров встрепенулся.

— Это машина Куравлева!

— Я уже понял, — сказал Пилипенко. — Послушай-ка, что там дальше. В машине обгоревший труп, предположительно владелец транспортного средства. А мы уже объявили его в розыск…

— Вот почему не отвечал мобильник!

За дверью послышались торопливые шаркающие шаги: так ходил только один человек на свете — эксперт-криминалист Леня Минин. Вой-

дя, он положил на стол лист бумаги.

— Ты был прав, это ее отпечатки, — выпалил он.

— Чьи? — не выдержал Жаров.

— Нины Куравлевой. — пояснил Пилипенко. — Отпечатки сняты с ее флаконов и тюбиков с косметикой, которые я сейчас изъял из квартиры. Я не сказал тебе сразу, зачем мне эти предметы, вовсе не потому, что опасался вовлечь тебя в незаконное проникновение. Это все ерунда, конечно. Просто если бы мое предположение не подтвердилось, то я бы выглядел дураком.

— А теперь как ты выглядишь?

— Победителем.

Воцарилась пауза, Пилипенко будто прислушивался, как где-то далеко в честь него играют гимн. Жаров ничего не понимал.

— Но она ведь тоже мертва, как и маньяк! — воскликнул он. — Как ее отпечатки могли оказаться на брошюре, которая была вложена в руки последней жертвы? Сегодня какое число? Боже! Ровно сорок дней назад…

— Именно, что сорок дней! — с торжеством в голосе сказал следователь. — Все сходится.

19

— У меня для тебя сюрприз, — сказал Жаров, когда они вошли в офис редакции.

Он прошел в угол кабинета, склонился над камином, давно не топленным, так как весна уже перевалила за середину.

Был поздний вечер, пора бы разойтись по домам, но Пилипенко не торопился. Или он ждал чего-то? Жаров знал, что следователь не скажет ни слова по сути дела до тех пор, пока не прояснится какая-то последняя, одному ему ведомая деталь…

— Ух ты! — не выдержал Пилипенко, когда Жаров нажал белую клавишу и распрямился с торжествующим видом.

Казалось, что в камине пылает настоящий огонь — пламя будто шарило теплыми руками по стенам комнаты.

— Купил вчера электрическую топку, — сообщил Жаров. — А то непривычно как-то будет все лето провести без огня.

Иллюзия была почти полная, не хватало только запаха дыма: устройство воспроизводило даже треск горящих поленьев.

— У меня для тебя тоже сюрприз, по совпадению, — с усмешкой сказал Пилипенко и достал из кармана узкую длинную коробочку.

Он сорвал с нее пленку, и в зубах следователя воцарилась самая настоящая курительная трубка.

— Теперь вряд ли ты будешь спорить, кто из нас Холмс.

Табака не было, крошить сигарету для необкуренной трубки вредно. Так и устроился новоявленный Шерлоке пустой трубкой у ненастоящего камина…

И тут в его кармане зазвонил мобильник. Пилипенко согнулся в три погибели, несколько раз произнес: «Да. Да. Ясно. Отлично».

— Ну что ж, — сказал он, захлопнув крышку аппарата. — Придется нам тут посидеть часа полтора. Правда, выпить — увы — будет нельзя… Служба продолжается.

Жаров приготовился слушать. Пилипенко отложил бесполезную трубку и закурил свой нормальный «Пегас».

— Итак, — произнес он сквозь затяжку, — в аэропорту Симферополя с подложными документами задержан Петр Быков. Нет никакого сомнения, что Куравлева убил он.

— Да? — удивился Жаров. — А Анну Квятковскую?

— Тоже он.

— А Нину Куравлеву?

— Он, Быков.

— А маньяка?

— Какого маньяка? — Пилипенко смотрел на Жарова с деланным изумлением. — Ты хочешь сказать, газовщика Рачко?

— Ну да, Карателя…

— Не было никакого Карателя. Был просто убийца Быков. И все свои убийства он совершил по разным мотивам. Ты уже высказал как-то это предположение, но я его не принял всерьез. Все дело было в отпечатках пальцев. На первой и второй брошюре были отпечатки Рачко, поэтому мы и записали его в карателя. Черт, ноги гудят…

Пилипенко устроил свои ступни поудобнее на каминном экране и ровным голосом начал свой рассказ.

20

Ничего случайного во всей этой истории не было, зато с избытком хватало импровизации — вот почему не сработала типовая логика расследования. Некоторые вопросы не вписывались в теорию следствия, но дело тем не менее все равно было закрыто.

Куравлев утверждал, что книжку им бросили в почтовый ящик, и он сам взял ее. Но на глянцевой поверхности книжки не было отпечатков Куравлева. Только пальцы работников типографии и какого-то неизвестного. Как выяснилось потом — это отпечатки Рачко. Почему Куравлев лгал, что книжку бросили в почтовый ящик, что он ее взял своими руками? Почему лгала Анна, что книжку бросила она?

Вечер первого убийства. Куравлев признается Быкову в том, что жена изменяет ему с газовщиком Рачко. Быкова потрясают эти слова, ведь он знает, что и его жена неверна ему и что ее любовник — тот же вездесущий газовщик.

У пьяного Быкова возникает план. Рачко, будучи разносчиком секты, принес ему брошюру «Сердце грешницы». Быков еще не брал ее в руки,

книжка так и лежит на столе в сарае, рядом с газовым баллоном.

Быков опаивает Куравлева, идет к нему домой и убивает его жену. Он использует перчатки и вкладывает брошюру в руку жертвы. Его расчет: докопаются до любовника, проверят его, найдут отпечатки. Посадят любовника и тем самым освободят и его собственную семью. Уже уходя, он замечает на подоконнике в кухне точно такую же книжку. Он берет ее с собой, думает выбросить, но потом все же приносит домой и прячет. Почему он не выбросил ее? Вероятно, думал, что брошюра с отпечатками Куравлева ему еще пригодится, если первый трюк не удастся. Ведь таким образом на Куравлева можно было бы свалить еще одно убийство…

Быков в отчаянии: его план действительно не сработал. Куравлев не сообщил милиции, что у его жены был любовник, никто не подозревал Рачко. Так и появился на свет маньяк-каратель.

Проходит месяц, милиция ищет Карателя, которого на самом деле нет. Однажды Быков приходит домой со службы раньше и застает жену с любовником. Самого Рачко он убивает действительно случайно: сильный удар, падение, смерть. Но дальше — снова импровизация: Быков

убивает свою жену уже опробованным способом маньяка-карателя, а в руку жертвы вкладывает одну из брошюр, которые носил с собой Рачко. Таким образом, получается, что Рачко — и есть маньяк-каратель, он убил обеих женщин, а народный герой Быков обезвредил его.

Анна Квятковская действительно солгала в тот вечер: она не была в штаб-квартире секты, а сидела дома и видела сверху, со своей веранды, как Быков расправился с любовниками.

Когда Анну допрашивали о Куравлеве, она все рассказала честно. Во время убийства его жены Куравлев был в доме Быкова и не выходил. Но выходил Быков. Анна тогда заподозрила его, но никому ничего не сказала.

Анна шантажирует Быкова, вымогает у него деньги или требует что-то еще. Быков убивает Анну, опять в стиле маньяка, а в ее руку вкладывает брошюру номер один — с отпечатками пальцев Куравлева…

И вот сегодня, на сороковой день после гибели Нины, Куравлев и Быков отправляются на кладбище. И Быков убивает Куравлева, инсценировав автомобильную катастрофу.

Пока следователь рассказывал, Жаров ни разу не перебил его. Пилипенко замолчал, уставив-

шись в искусственное пламя.

— Зачем же Быков убил Куравлева? — спросил Жаров.

— Быков убил Куравлева, потому что тот все знал, — ответил Пилипенко.

— Да, но откуда он все узнал?

— На этот вопрос, думаю, даст ответ сам Быков. Или… — Пилипенко вдруг замолчал.

— Что — или? — с волнением спросил Жаров.

— Время покажет.

В этот момент мобильный следователя зазвонил: машина с задержанным только что прибыла из Симферополя.

21

До Морской они дошли быстрым шагом, почти не разговаривая по пути.

Едва переступив порог кабинета, Жаров замер от неожиданности. На стуле, посредине помещения, устроив руки в наручниках между колен, сидел вовсе не Быков.

— Что ж, это даже лучше, — произнес Пилипенко, явно взбодрившись.

Куравлев поднял голову.

— Так вот оно что! — сказал Пилипенко. — Ты просто переклеил на паспорт Быкова свою фотографию. Догадался, что в розыск объявили тебя, а не его. По крайней мере, теперь-то ты точно расскажешь, зачем тогда замерял время.

Куравлев помолчал, затем нехотя начал:

— Во всем виноват вот он, — сцепленными руками задержанный показал на Жарова.

Жаров изумился, но промолчал.

— Если бы мы тогда не встретились в пивной, то я бы и не сидел здесь. Он рассказал мне какую-то историю про пионерский лагерь. В тот момент я понял, кто и как убил мою жену.

— Вот почему ты тогда вдруг ушел ни с того ни

с сего, — проговорил Жаров.

— Мне надо было подумать. И я сразу протрезвел. Ты рассказал, как у детей сбывались сны. Я понял, что эти сны просто разыгрывались, а причины и следствия менялись местами. Вспомнил, что я рассказал сон моей жены Быкову, в вечер убийства. Вспомнил, что Быков ходил в магазин за вином, когда кончилось, и его почему-то долго не было. Я тогда подумал, что он просто заболтался с продавщицами. И я знал точное время, сколько его не было…

— Как ты умудрился узнать время, ты ж был изрядно выпивши? — спросил Пилипенко.

— В квартире работал телевизор. Быков вышел во время одной рекламной паузы и вернулся во время другой. На моем мобильнике есть секундомер. Вечером, после работы, я промерил время. Понял, что за пятнадцать минут он вполне мог дойти до моего дома, убить Нину и вернуться. А по пути зайти в магазин. От дома Быкова до моего четыре минуты быстрой ходьбы. До магазина — крюк в три минуты. Моя жена хорошо знала Быкова и не удивилась, когда он вдруг пришел.

— А ты, стало быть, выяснил, что Быков убийца, провел собственное расследование, — сказал Пилипенко. — Прокурор, судья и палач в одном

лице.

— Смертная казнь отменена, — твердо сказал Куравлев. — А такой, как он, не должен жить.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Следователю явно не хотелось затевать с Куравлевым правовую дискуссию.

— Вот и со снами все прояснилось, — сказал Пилипенко! когда преступника увели. — Нина Куравлева рассказала свой сон мужу, тот рассказал его Быкову. Быков и претворил этот сон в жизнь. Затем, когда он убил свою жену, я спросил его почему он пришел с работы раньше? Быков тогда смутился, не знал что ответить. Ведь он специально выслеживал любовников. Скажи он об этом, и мы сразу бы заподозрили его! И он нашел выход — рассказал о сне, который якобы видела; его жена.

— К тому же я тогда при нем упомянул имя Куравлева, что и подсказало ему решение, — сказал Жаров. — Этим он объяснил и то, почему пришел раньше, и то, что растерялся, когда ты застал его врасплох своим вопросом.

— Третий сон, Квятковской Анны, был создан потому же методу, что и в нашем лагере, — сказал Пилипенко. — Два таинственных сна нам уже подбросили. Третий Быков просто впечатал в

файл дневника Анны. Так и появился маньяк-мертвец.

22

Они вышли во двор. Прямо перед дверью Управления распустила свои ветви огромная цветущая катальпа. Оба посмотрели на сиреневые свечи соцветий, жарко горящие в лучах утреннего солнца, и подумали об одном и том же.

— Конец делу о маньяке, — сказал Пилипенко. — Теперь пусть открывается сезон, пусть все вокруг цветет и пахнет.

— А ведь ты знал, — вдруг сказал Жаров, — что из Симферополя привезут не Быкова, а Куравлева.

— Догадывался, но не был уверен.

— И, как всегда, скрыл от меня свою догадку. Хотел сказать «Быков или Куравлев», но осекся, чтобы не выглядеть дураком.

— Благодаря этой привычке, — холодно возразил Пилипенко, — мне удается выглядеть дураком гораздо реже, чем оно есть на самом деле.

Андрей Марков
УБИЙСТВО НАПРОКАТ

Андрей МАРКОВ

УБИЙСТВО НАПРОКАТ



История первая
УТОПЛЕННИЦА

— Доброе утро, дорогой!

Снежана Игоревна смотрит на него. Дорогого. В буквальном смысле слова, потому что ее мужчина — очень преуспевающий бизнесмен. Не олигарх, но его денег достаточно для того, чтобы купить огромную двухэтажную яхту или дом на Мальте. Но он не совсем мужчина ее мечты. Во-первых, толстый, во-вторых, храпит во сне, а еще в постели он глухо рычит, когда делает «это», а делает «это» быстро, и она не успевает. А потом он откидывается на подушки и сразу засыпает. Да и лет ему больше пятидесяти, а ей всего тридцать пять. Когда они только встретились, он не был таким; конечно, живот и все остальное уже было, но он старался ублажить ее, хотя бы на минутку, а сейчас они все реже встречаются в постели и все больше спят в разных комнатах. До нее у него было много женщин, и она прекрасно знала об этом, но чего не сделаешь ради того, чтобы стать женой бизнесмена. Это же звучит гордо, почти как звание,

почти как герой России или народный артист. Она — его жена. И их принимают везде вместе, с ней советуются, ее боготворят. Поэтому сейчас, потянувшись, словно пантера, она смотрит на него, и в ее глазах как будто любовь.

— Мы поедем сегодня за город, милый?

— Нет! — ответил он резко.

— Но ты же обещал. — Она фыркнула, словно встревоженная кошка, и встала с постели. Она была все так же красива и притягательна, но только не для него. — Ты обещал. Я устала от всего, от города, от людей, от этих вечно спешащих машин, грязного воздуха, от всего. Ну, поедем, котик…

«Котик» смотрит ей в глаза, нагло, как это он делает почти всегда с людьми от него зависящими, и пожимает широкими плечами.

— Обещанного, сама знаешь, три года ждут. Что тебе еще надо? Ты совсем недавно была на Кипре. Когда же ты успела устать? Хочешь, поезжай одна, мне некогда. У меня сегодня партнеры из Владивостока. Специально прилетели ради того, чтобы поговорить. И что, я должен их кинуть, да?

Снежана, поджав губы, идет в ванную комнату и больше ничего ему не говорит.

«Да и черт с тобой, общайся со своими «партнерами», такими же косорылыми и упитанными бурдюками, а я поеду туда одна. Надо только позвонить Максу, он скрасит мое одиночество».

Когда он ушел, Снежана позвонила Максу. Вечером она поедет туда и спокойно отдохнет и от этого опостылевшего города, такого же мужа и его грязных денег. Что греха таить, она тоже знала, откуда к нему приходят эти тысячи, миллионы и миллиарды.

* * *

За окном лил дождь. Крупный и жесткий. Как будто снова начался всемирный потоп. Но летний дождь проходит быстро.

Сергей Борисович Плетнев откинулся на спинку кресла и посмотрел на свою помощницу Машу. Она, усердно шурша шариковой ручкой, заполняла бумаги. Сергей Борисович — это я. Прошу любить и жаловать. Хотя можно и не любить. Я — частный детектив. А Маша — моя помощница. «Красивая и смелая», как поется в песне, но она дорогу никому не переходила, а просто была моей помощницей. Я любуюсь ею и до боли в сердце хочу ее обнять и поцеловать, но тогда бы все наши отношения — начальника, в моем лице, и

подчиненной, соответственно в ее хорошеньком личике, — стали бы уже не такими официальными и деловыми.

Мне сорок два, и я не женат. Конечно, не чурался женщин, но пока не нашел ту «единственную и неповторимую», о которой мечтаю. Ну не попадались мне на пути такие же, как моя мама, которая ВСЕГДА любила отца и меня, как она выражается, непутевого. Хотя под этим она подразумевала именно то, что я до сих пор еще не женат. А значит, и внуков «они с отцом могут не дождаться».

А Маша — моя подчиненная. Или, проще сказать, секретарь, делопроизводитель и так далее. Она готовит мне чай или кофе, приносит их в кабинет, она пишет все необходимые бумаги и даже когда-то лечила меня. Тогда, когда я заболел гриппом и почти две недели валялся в постели. Маме она тоже нравится, но я считаю, что я ее недостоин. А еще больше я боюсь за нее и ни в какие такие дела и передряги стараюсь ее не посвящать. Хотя это почти не получается. А работа частного детектива, так же как и работа в органах внутренних дел, где я отпахал двадцать лет и дослужился до майора, сопряжена с риском. И для здоровья, и даже для жизни. Служа в «органах», я побывал в «горячих точках» и не понаслышке

знал, что такое война. Страшная и свирепая. И я видел, как погибают люди, но, слава Богу, сам никого не убивал. Не хотелось бы, чтобы она видела это и знала.

Маша еще молода, ей всего девятнадцать, и я чувствую, что я для нее уже староват. Ей надо устраивать свою жизнь, рожать детей. Поэтому я и боюсь, что с ней что-то случится, и не хочу, чтобы из-за меня ей было плохо. «У нее вся жизнь впереди, и испортить ей ее, эту самую жизнь, я не имею права», — так думал я, глядя на сидевшую рядом такую знакомую и такую далекую женщину. А то, что я действительно ее люблю, я уже не сомневаюсь. Порой так хочется быть с ней и в будни, и в праздники, но неотвязная мысль о том, что я могу испортить ей жизнь, мешает мне. И порой кажется, что я не смогу дать ей того, чего ждут женщины от мужчин. В основном ведь все отношения между мужчиной и женщиной сводятся к продолжению рода. И свести все только к этому я не хочу. О детях мечтал, но ведь не только дети составляют смысл жизни мужчины и женщины. Мне хотелось, чтобы мы слились в единое целое и жили бы так до самой смерти, но опыт прожитых вместе с женщинами лет показывал, что рано или поздно это целое разлеталось,

причем вдребезги. Женщины, как существа более приземленные, хотели ровной жизни и сытого бытия, чего я им, работая в «органах», обеспечить не мог. И поэтому они уходили, а потом появлялись другие, и все начиналось снова. А Маша, так казалось мне, существо небесное, и я даже представить себе не мог, как мы будем жить вместе в одной квартире, как будем вести совместное хозяйство и воспитывать общих детей.

Наконец она отложила авторучку и взглянула на меня.

— Сергей Борисович, вот ваш отчет, посмотрите, поправьте, я распечатаю, и отдадим клиенту. По-моему, все грамотно и юридически верно.

Я встал из-за стола, приблизился к ней, взял отчет. Ее волосы приятно пахли, и сама она была так близко. Вот взял бы и обнял…

По прихоти клиента мы расписали все свои действия и теперь должны были отдать ему эти бумаги, чтобы человек удостоверился в нашей работе. В то же время этот документ, если даже и всплывет в суде, не должен быть как-то использован ни против нас, ни против клиента, ни против кого-то другого. Это так, филькина грамота. Которую, по прочтении, можно смело выбросить в мусорное ведро, а еще лучше сжечь или съесть.

Тут звякнул колокольчик, висевший над входной дверью в офис. Он изгонял духов, ведь колокольчик был не простой, а самый что ни на есть «фэн-шуйский». Его принесла Маша, а прикрепил к двери я. Специально притащил из дому дрель, чтобы продырявить неподдающуюся стену, забить «чопик», а потом вкрутить в него шуруп. И ведь продырявил, и вкрутил, и повесил. И теперь этот «чертов звонок» будоражит мне нервы. Тогда она сказала, что это поможет в нашей нелегкой деятельности. Пока действительно помогал. Злые духи не залетали. А насчет добрых было не совсем ясно, изгонял ли он их тоже или пропускал.

Затем через какое-то время, нужное для того, чтобы пересечь приемную, где обычно и находилась Машенька, в кабинет ввалились двое. Один высокий и широкий, словно шкаф, другой низкий, но тоже широкий, как комод. Оба в легких летних костюмах и совсем сухие, несмотря на то что капли дождя все еще барабанили по мостовой, видимой в зарешеченном окне. Низкий сразу, без приглашения, уселся в кресло, высокий остался стоять у двери. В левой руке он держал небольшой дипломат. Видно было, как играют его мышцы, а под левой подмышкой угадывалась

кобура с пистолетом.

Лицо севшего было круглым. Тяжелый подбородок, тонкие губы, глаза-угли, выдавали в нем властного человека, привыкшего повелевать. На вид можно было дать ему больше пятидесяти. Лицо стоявшего не выражало ничего, и, увидев его на улице, вы бы даже не обратили на него внимания, если бы не его рост и крепко сложенная фигура. Но, как говорят в народе, «фигура — дура». «Все ясно, — подумалось мне, — это хозяин, а это его телохранитель. Пушечное мясо, он и должен быть таким, чтобы прикрыть собой, если что, своего хозяина».

— Итак, господа, — сказал я, — что вам угодно?

Господа молча переглянулись. Машенька все поняла и, взяв только что написанные бумаги, вышла из кабинета. Телохранитель проводил ее долгим и тягучим взглядом, словно оценивая возможную угрозу для своего шефа. Надо сказать, что в эту минуту я его даже приревновал, потому что посчитал, что так смотреть на Машеньку могу только я.

— У меня убили жену! — сказал толстяк и напрягся. Желваки на его дородном лице заходили туда-сюда. — Об этом уже, пожалуй, и в прессе растрезвонили. Хотя официальная версия

— несчастный случай. Так, по крайней мере, говорит]следователь. А эксперт сказал, что ее смерть наступила между часом ночи и тремя часами утра.

— Подождите, подождите, расскажите, пожалуйста, об этом подробнее, — навострил я уши. В прессе я ничего подобного не видел, да и местные новости «радовали» лишь повышением коммунальных услуг и цен на продукты питания и лекарства.

— Позавчера вечером она на своей машине уехала в наш загородный дом. В поселок, называется он Дачный, да вы, наверное, знаете. Естественно, наши дома охраняются и въехать и выехать оттуда просто так никто не может. Там забор, охрана, видеокамеры…

«Колючая проволока, собаки». Я смотрел на толстяка внимательно и все никак не мог вспомнить, где же я его видел. Было в нем что-то неуловимо знакомое. Может быть, мы уже встречались с ним раньше?

— И вот, она приехала туда вечером. Охранник говорит, что Снежана была одна. Он открыл ей ворота, впустил на территорию. Она проехала. Дальше он, естественно, ничего не видел, потому как остался на воротах, а Снежана покатила

дальше, к нашему дому. Всего домов там, наверное, больше тридцати, кое-кто живет постоянно, кто-то приезжает лишь на выходные. Люди все обеспеченные, культурные, — толстяк как-то странно ухмыльнулся.

— Хорошо, а что же было дальше?

— А на следующий день рано утром в дом пришла убираться наша домработница и увидела Снежану, плавающую в бассейне. — Тут он всхлипнул. — Она была совершенно голая и уже… мертвая. Вызвали милицию, эксперт сказал, что она утонула. Но она не могла утонуть просто так, понимаете? Она хорошо плавала. Она… была молодая и здоровая женщина, да и зачем ей тонуть-то, у нее же все было… Да и бассейн у нас мелкий, в нем не утонешь! — Толстяк снова всхлипнул. — Я ее так любил.

Я, так и не вспомнив, кто передо мной, спросил:

— Вы уж простите, но с кем я имею честь разговаривать?

— Как, вы меня не узнаете? — толстяк удивился. — Я — Решетов Вениамин Петрович. А жену зовут… звали Снежана Игоревна. В желтой прессе о нас часто писали, всякую гадость, конечно, ни слова правды.

— Тот самый? — я удивился. А ведь действительно это был он. Уважаемый бизнесмен нашего города, руководитель огромной сети магазинов. Даже московская братва не смогла сломить его. И он не отдал столице не пяди своих «угодий». Хотя все же, наверное, что-то отстегивал и им, как же иначе, такова сейчас политика нашей правящей партии.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, бизнесмен, и все такое прочее. — Я действительно узнал этого человека и вспомнил его красавицу жену, которую не раз видел на страницах газет и даже на местном телевидении; правда, вся информация об этой чете была все время негативная.

— Хорошо, Вениамин Петрович, почему вы пришли именно ко мне? — спросил я, не особо лукавя.

— Вас мне порекомендовал один очень хороший человек. Он сказал, что уже обращался к вам и вы быстро решили его проблему. Моя жена не утонула, ее убили…

Я посмотрел толстяку прямо в его черные глаза-угли. И в них увидел настоящие скорбь и страдание. Наверное, этот человек действительно любил свою жену или играл это так искусно,

что его в этом было трудно заподозрить. Но почему он отпустил ее туда одну, да еще и без охраны? Может быть, он сам ее и укокошил, а теперь делает вид, что ему больно от утраты любимой? Но задать этот вопрос я не решился. У человека горе, и надо действовать деликатней.

Но толстяк истолковал мое молчание по-своему.

— Я хорошо вам заплачу. Пятьдесят тысяч долларов вас устроит? Только найдите убийцу. Пожалуйста. А уж я с ним сам разберусь.

И в его глазах я увидел полыхнувший огонь. Этот огонь способен был смести все на своем пути. Это же волк в шкуре ягненка, подумал я. Да ты, батенька, не так прост. Я спросил:

— Где вы были в ту ночь?

— Я? Вы что, подозреваете меня?

— Нет, просто спросил, скорее для проформы. Итак?

— В тот день ко мне приезжали мои партнеры из Владивостока, мы вели деловые переговоры, потом, как водится, отпраздновали это дело. Ресторан называется «Лагуна», там много людей меня видели, мы были там до самого утра. Можете проверить.

Конечно, проверим…

— Я понимаю, что в милиции вам многого не сказали, но как вы думаете, видел ли кто-нибудь из соседей, что происходило в вашем загородном доме?

— Не думаю. Все дело в том, что мой дом находится от соседских домов довольно далеко. И чтобы смотреть в наши: окна, нужна подзорная труба, бинокль или… оптический прицел. Мои парни уже всех обошли, всех расспросили. Если бы кто-то что-то и видел, уже бы сказали.

«Не сомневаюсь», — подумал я и спросил:

— А если я не найду убийцу? Ну, если его просто не существует в природе? Может быть, она действительно утонула, что тогда?

Толстяк тяжело задышал и даже приподнялся.

— Она не могла утонуть, ясно? — рявкнул он. Его живот упал на мой стол, и стол даже слегка скрипнул. Я понял, что мне повезло, потому что я не стол, а человек. Хотя иногда очень бы хотелось быть мебелью или чем-то еще. Например, камнем, лежать себе, ничего не видеть, не слышать и спокойно жить. Я сказал:

— Хорошо, половину денег вы даете мне сразу, половину после того, как я найду убийцу. И на карманные расходы. Но сначала мне надо осмотреть место происшествия.

— О, это пожалуйста. — Толстяк щелкнул двумя пальцами, и телохранитель вытащил из дипломата туго перетянутые купюры. Отсчитал три пачки и положил на мой стол. Деньги — это такая субстанция, которую надо либо любить, либо ненавидеть. Я относился к ним с любовью, но они почему-то не отвечали мне взаимностью.

— Вы поедете туда один или с нами? — Решетов уже улыбался.

Странный же все-таки человек, пронеслась мысль в моей голове, только что был чернее тучи, а теперь улыбается.

— Один. Я сам все посмотрю, но если мне что-то понадобится, могу ли я…

— Олег, — поедешь с ним и все покажешь. Если будут какие-то вопросы, поможешь.

Телохранитель молча кивнул.

— Что ж, до скорой встречи, Сергей Борисович, я надеюсь, что вы найдете его, — он сверкнул глазами.

Я понял его взгляд по-своему. Я сделаю свою работу, а там посмотрим. Если жену бизнесмена действительно утопили, то мы найдем убийцу. Будем рыть землю, но найдем. Хотя, может быть, Машу и не стоит вовлекать в это дело? Но доводить работу до финала меня научила работа в

милиции. К тому же здесь предлагают хорошие деньги, и отказаться было бы глупо. Я встал, Решетов тоже. Мы обменялись рукопожатиями, и он удалился. Телохранитель, проводив своего шефа до машины, вернулся. Он вошел в кабинет и встал у двери, заслонив ее собою почти всю. Как верный пес, готовый кинуться по велению хозяина куда угодно, хоть в воду, хоть в пламя.

— Э… Олег, не могли бы вы посидеть немного в приемной, мне с моим секретарем надо кое-что обсудить? — попросил я его.

Парень молча вышел. «Молчаливый, это хорошо, хотя в нашем деле лучше бы он был поразговорчивее».

Вошла Маша. Я изложил ей вкратце ситуацию, потом велел отнести деньги в банк. И спросил:

— Как вы думаете, Машенька, могла ли красивая и здоровая женщина быть в загородном доме одна?

— Сергей Борисович, вы думаете, что она специально уехала туда от мужа, чтобы… — она смутилась и покраснела.

— Именно так я и думаю. Зачем молодой и здоровой женщине, у которой, как говорит ее супруг, «все было», уезжать туда одной? Чтобы отдохнуть от мужа? Или встретиться с любовником?

— Но почему сразу с любовником, могли же у нее быть и близкие подруги, просто друзья, родственники, в конце концов. А может, ей действительно захотелось побыть там одной?

— Что-то меня наталкивает на мысль, что прав все же я. Ладно, мы выясним этот вопрос. Я поеду на место происшествия, а вы на сегодня можете быть свободны. Сходите в кино, к подружкам, развейтесь, вы, наверное, устаете от всей этой писанины, да и от меня тоже?

Маша посмотрела на меня удивленно…

Ей никуда не хотелось идти, а хотелось быть только с ним, но как ему об этом сказать? Она жила одна, ее родители погибли в автокатастрофе. Это случилось так внезапно. После их гибели она долго не могла прийти в себя. А потом увидела объявление в газете: «Частному детективу требуется помощник». Она не думец а и не гадала, что придет сюда, но ноги сами привели ее. Он понравился ей сразу. Был интеллигентен ив то же время прост. Сначала говорил, что быть детективом — это чисто мужская профессия и ему нужен мужчина, но когда их глаза встретились, он почему-то замолчал, а потом сказал: «Хорошо, мы работаем вместе, но ваша работа чисто бумажная, а моя — все остальное». И вот

так они уже работают полгода. Рука об руку. За это время к ним пришли всего десять клиентов. Денег на этом они заработали немного, но на жизнь хватало. Она училась на заочном отделении в педагогическом университете и пока успевала везде. Как только в ее жизни по- явился Сергеи Борисович, все другие мужчины дм нее существовать перестали. Но она видела, как он относится к ней, и не знала, найдется ли когда-нибудь выход из этой ситуации. В то же время она знала, что сейчас у него никого нет, и надеялась, что его бастионы в конце концов падут и он сделает ей предложение. Но пока бастионы не пали, а, наоборот, казалось ей, только крепли. И почему люди всегда все так усложняют?

Когда Плетнев и телохранитель Решетова уехали, Машенька взяла деньги, сложила их в дамскую сумочку и, закрыв офис, пошла в банк. Она не заметила стоявшую через дорогу серебристую «десятку», из которой на нее со злостью смотрел человек.

* * *

Черный джип, в котором сидели мы с Олегом, подкатил к высоким металлическим воротам. Как и говорил Решетов, попасть в поселок было

не так-то просто. Он был огорожен двухметровым кирпичным забором. Но колючей проволоки на заборе не было. Вероятно, пока. Телохранитель позвонил по мобильному телефону охраннику, и вскоре ворота с лязгом разъехались в стороны.

С правой стороны от них я заметил видеокамеру. «Значит, мы можем увидеть и машину убийцы, — подумал я, — если, конечно, убийца не пробрался в поселок через забор или по воздуху. И если он действительно все-таки существует. Ну кому могло понадобиться убивать жену бизнесмена? Хотя причин этому могло быть несколько. Те же деньги, а может, она слишком много знала… Хотя убить могут и за буханку хлеба». И вспомнил случай из своей милицейской практики. Один бомж укокошил старушку в подъезде дома всего лишь за ломоть хлеба, который эта старушка несла домой и никак не хотела с ним расстаться добровольно.

Загородный дом Решетова представлял собой двухэтажный особняк с красной черепичной крышей и башенками по углам. Средневековый замок, не иначе. Дом выделялся на фоне других коттеджей. Вокруг были газончики, почти такие же, как в американских фильмах. От соседей особняк отделяла невысокая прозрачная сетка из

металла. Но дома находились достаточно далеко друг от друга, и скорее всего Решетов был прав — соседи не могли видеть убийства Снежаны Игоревны.

Внутрь дома мы заходить пока не стали, а сразу направились к бассейну, который находился с другой стороны здания. Дождь уже прекратился, но дорожки из природного камня были еще мокрыми. Бассейн оказался довольно большим и, пожалуй, глубоким, но утонуть в нем действительно было бы проблематично, даже если изрядно выпить спиртного. Отметив это про себя, я посмотрел на телохранителя. И хотя вода в бассейне была прозрачная, сказал:

— Олег, мы можем спустить воду? Мне надо осмотреть дно бассейна. Вдруг да что-нибудь там найдем?

Телохранитель не возражал, он, как всегда молча, удалился, а через некоторое время вернулся с мужиком, одетым в спецодежду зеленого цвета, и по его лицу было понятно, что этот человек со спиртным дружит очень крепко. Мужик посмотрел на бассейн, потом что-то пробурчал, добавив несколько нелицеприятных слов в адрес страны и ее президента, и ушел.

— Это кто? — спросил я, слегка подивившись

такому политическому напору.

— Он здесь за всем оборудованием в поселке смотрит. Он и сантехник, и электрик. Мастер — золотые руки, сейчас все будет… А пока можно пройти в дом и отобедать.

Я удивился, не ожидая от Олега такого красноречия, ведь всю дорогу сюда мы ехали молча. Предложение отобедать я принял даже с некоторой радостью, тем более что уже был «рабочий полдень» и в желудке у меня урчало. Мы вошли в дом. Миновав просторный холл малинового цвета, оказались в просторной гостиной. На стенах висели картины, старинное оружие, а в мраморном камине тлели дрова. Было тепло и тихо. Несмотря на то что на улице воздух прогрелся до плюс двадцати пяти градусов, в доме было несколько прохладно. Я почувствовал это, проходя холл. В середине огромной комнаты стоял длинный стол, накрытый на одну персону. Я сел на резной стул и посмотрел на Олега, но тот остался стоять рядом. Сквозь высокие окна весело светило солнышко, и его лучи отражались в глазах телохранителя.

— Мне с вами нельзя. А вы кушайте. Может, водки? Коньяк, виски, бренди?

Я отказался, Олег вышел. «Голова должна быть

трезвой», — подумалось мне, и я с удовольствием принялся за еду.

* * *

Пообедав, я встал из-за стола, и, словно ожидая этого, откуда-то незаметно появился и телохранитель. Он произнес:

— Все готово, можете идти смотреть.

Я решил, что дом надо тоже обследовать, но потом, и поспешил к бассейну. По мокрым еще ступенькам бассейна спустился вниз и стал осматривать его дно. Что я ожидал там увидеть, и сам еще не знал. Но если женщину действительно топили, то она должна была бороться за свою жизнь, а значит, могла нанести какой-то урон своему убийце. Дно и стены бассейна было практически чистыми — видимо, драили его довольно часто.

Солнце после дождя уже палило нещадно. Мне, одетому в льняной костюм, становилось жарко. Я даже позавидовал телохранителю, стоявшему сверху. Тот от жары, видимо, не мучился. Вдруг у правого бортика что-то блеснуло. Сергей Борисович подошел поближе и увидел… перстень. Наклонился и поднял его. Перстень явно был мужским, и на нем были выгравированы две

буквы. «Н» и «М». Вот так удача. Ай да я, ай да молодец! Хотя еще рано радоваться — может быть, это вещица хозяев?

— Олег, — позвал я телохранителя, — подойдите сюда.

Тот приблизился и присел на корточки.

— Смотрите, что я нашел. Чей это перстень?

Олег удивился и взял его в руки. Покрутил, зачем-то понюхал.

— Не знаю, но явно не наш. Снежана Игоревна такое ни в жизнь не наденет, а шеф безделушки не любит. Кроме обручального кольца и нательного крестика ничего не носит. Говорит, как голым пришел в этот мир, так голым и уйдет.

— Ну что ж, тогда, может быть, он принадлежит возможному убийце. Хотя не факт. Вашему мастеру «золотые руки» он не может принадлежать?

— Да ну, у того руки вечно в перчатках, да и такая шайба ему не по карману, — здоровяк ухмыльнулся.

— Кроме него на участок кто-то из прислуги мог зайти?

— Конечно, но такие перстни, по-моему, у нас никто не носит.

— Возможно, ваш шеф и прав, его жену действительно могли утопить.

Я вылез из бассейна. Телохранитель смотрел на меня преданным взглядом, словно ожидая команды.

— Олег, а теперь я бы хотел осмотреть дом. И в частности, спальню Снежаны Игоревны. Это возможно?

«Шкаф» в рубашке и штанах утвердительно кивнул. Я положил перстень в целлофановый пакет и засунул его в карман брюк.

Мы вошли в дом. Поднявшись на второй этаж, я огляделся. Широкий коридор, по бокам шесть дверей.

— Это спальня шефа, это Снежаны Игоревны, — говорил Олег, когда мы двигались по коридору, — это две комнаты для гостей, а тут туалет с ванной.

Меня заинтересовала только спальня хозяйки. Мы вошли в спальню Решетовой. Там было две комнаты. В одной на стене висело круглое зеркало, возле которого хозяйка приводила себя в порядок. На туалетном столике, стоявшем рядом с зеркалом, расположились различные бутылочки и флакончики, а напротив громоздилась банкетка, на которой она сидела, разглядывая себя, любимую, в зеркале.

Мы прошли дальше и оказались в спальне. В

комнате находилась огроменная кровать, аккуратно заправленная, словно ожидавшая хозяйку. Неподалеку высился здоровенный шкаф-купе с изображением выпрыгивающих из воды дельфинов на дверях. Резной стол из красного дерева и два таких же кресла. Окно было закрыто, и стоял какой-то неприятный запах. Кондиционер не работал, иначе этого запаха не было бы. Здесь я обшарил каждый уголок, заглянул под кровать. Подставив стул, посмотрел и на то, что было сверху на шкафу. Ничего. Даже пыли не было. Я удивился.

— Скажите Олег, как часто здесь убираются?

— Каждый день, а что?

— Ваша домработница уничтожила все следы, даже если таковые и имелись. Сделала она это специально или по «долгу», так сказать, службы? Можно с ней поговорить?

— Сегодня она уже сюда не придет. А завтра утром будет у вас в офисе. Так пойдет?

— Хорошо. Спасибо вам, а я, пожалуй, поеду. Надо кое-что обмозговать. Хотя, стоп. Надо поговорить еще и с охранником, который дежурил в ту ночь, и желательно бы посмотреть видеозапись. Кстати, у Снежаны Игоревны был мобильный телефон? Могу ли я посмотреть все записи на нем?

— Без проблем. Завтра я привезу вам и телефон, и видеозапись. И охранник к вам приедет. Но только завтра. Вы не возражаете? Кстати, мобильник мы уже просмотрели, там нет ничего интересного. Для вас.

— Ладно, отставим мобильник, завтра в десять утра я буду вас ждать.

Олег достал свой сотовый и позвонил Решетову. Рассказал ему обо всем, в том числе и о моей просьбе. Выслушав оттого инструкции, улыбнулся.

— Шеф говорит, что вы найдете убийцу, он в вас уверен.

— У меня есть еще много вопросов. Например, я до сих пор не пойму, утонула ли она сама или ее действительно утопили.

— А перстень? Он же не наш, чужой, как он мог там оказаться?

— Это не улика. И где вероятность того, что он не лежал там до того, как тело Снежаны Игоревны было обнаружено в бассейне?

Телохранитель Олег лишь пожал плечами. Мы спустились вниз, вышли из дома. Сели в джип и покатили назад в город. А над домом Решетовых пролетела белая голубка. Она села на карниз соседского особняка и стала чистить свои пе-

рышки.

* * *

Вечером я заехал в ресторан «Лагуна», о котором мне говорил Решетов. Я опросил всех, кто работал в тот день, и алиби Решетова подтвердилось. Но с другой стороны этот влиятельный человек мог и подкупить работников ресторана. Я все еще не доверял моему нанимателю, но мысленно уже вычеркнул его из списка подозреваемых.

Приехав домой, я размышлял о том, что удалось нарыть. А жил я один, в двухкомнатной квартире. Квартиру помогли купить родители. Служа в «органах», я бы не получил отдельного жилья не в жизнь. Папа с мамой трудились за границей и не раз звали меня к себе. Но менять свою жизнь мне не хотелось. После армии я, не раздумывая, устроился в «органы», о чем мечтал с самого детства. Воспитанный на фильмах про Анискина и на «Следствие ведут знатоки», я думал, что эта профессия полна романтики, но, окунувшись в настоящее, понял, что романтики здесь совсем крохотный процент. А мне хотелось раскрывать преступления, и я их раскрывал, несмотря ни на что. Ни на маленькую зарплату, ни на происки начальства. Жизнь кипела вокруг меня, периоди-

чески пытаясь пнуть, да побольнее, но я устоял. Выйдя на пенсию, остался не у дел, но бульдожья хватка и охотничий интерес остались. Вот и организовал свое детективное агентство. Но приходили ко мне в основном обманутые мужья или жены, обмишуренные вкладчики или просто обворованные граждане. Почему-то народ думал, что частный сыск занимается только этим. Хотя было в моей практике одно громкое преступление, которое я раскрыл в одиночку, без помощи своих старых коллег по службе. Машенька тогда еще не работала, и вот теперь новое большое дело — гибель жены бизнесмена. Не видя трупа, я не мог сказать однозначно, действительно ли она утонула сама или ее утопили, но решил исходить из того, что ее все-таки убили.

Я сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги. Маркером накидал схему того, что имелось в наличии. Напротив Решетова поставил жирный вопрос. Вопросик поменьше — напротив обнаруженного в бассейне перстня. Неясен был и мотив преступления. Если бы убили самого Решетова, было бы понятно. Все-таки преуспевающий бизнесмен, ясно, что тут замешаны либо деньги, либо его финансовые интересы. А так… Может быть, она слишком много знала? Отра-

батывать следовало все версии, и я понял, что без своих коллег из милиции мне не обойтись. Рано или поздно придется обращаться к ним. Они, безусловно, помогут, но не хотелось бы их полностью посвящать в это дело. Скорее всего, уголовное дело официально закроют — ведь Снежана Игоревна Решетова утонула сама! Так, по крайней мере, сказал ее супруг, ссылаясь на заключение предварительной экспертизы. Но эксперты тоже люди, и могут ошибаться.

В это время по телевизору как раз передавали новости. Дикторша вещала о том, что где-то упал самолет, где-то произошло цунами, говорила о малом бизнесе, о том, что в городе открыли очередной развлекательный центр. О жене Решетова она не произнесла ни слова. Это тоже показалось странным. Все-таки супруга достаточно известного человека, которому лет десять назад уже перемывали косточки.

* * *

На следующий день Маша пришла в офис первой. Отключила сигнализацию. Приоткрыла окно, в офисе стало несколько прохладнее. Села за свой стол и включила компьютер. Сегодняшнее утро выдалось солнечным и ярким, и настроение

у нее было приподнятым. Она думала, что именно сегодня произойдет что-то хорошее. Но тут звякнул фэн-шуйский колокольчик, и в приемную вошла невысокая полная женщина с приятным и добрым лицом.

— Доброе утро, — сказала она. — Я домработница Решетовых. Меня вызывали… — Женщина слегка смутилась. — Меня зовут Светлана Семенова.

Маша предложила ей присесть, и женщина тут же плюхнулась на стул.

— Чаю или кофе?

Женщина отказалась. Тогда Маша сказала:

— Вы подождите, сейчас придет детектив, и вы ему все расскажете.

Семенова удовлетворительно кивнула. Но ждать себя долго я не заставил и появился буквально через несколько минут. Настроение у меня, в отличие от Машиного, было скверное. Всю ночь меня одолевали кошмары. Снился убитый в Чечне друг Виталий, который просил меня не связываться с Решетовой. Он говорил, что ее было за что убивать, потому что «тварь она порядочная», и им там, на небесах, это видно лучше, чем здесь, на земле. И я не выспался и чувствовал себя разбитым и подавленным. Я поздоровался с

женщинами и прошагал в свой кабинет.

— Это к нему, что ли? — спросила домработница, вставая.

Маша кивнула:

— Проходите, пожалуйста.

— Смурной он какой-то. — Семенова встала и направилась к кабинету. — А что говорить то? — спросила она.

— Все, что знаете…

Я восседал в своем любимом кресле и на вошедшую почти не обратил внимания. Она это сделала сама.

— Я — домработница Решетовых, — заявила женщина, — вы сказали мне прийти к вам.

Я чертыхнулся:

— Да-да, пожалуйста, присаживайтесь. Извините, что заставил себя ждать. Зовут вас?

— Светлана Семенова. Олеговна — по отчеству.

— Ну что ж, слушаю вас, Светлана Олеговна.

— Так вы спрашивайте, я вам все и расскажу.

— Давайте сначала. Светлана Олеговна, во сколько вы пришли в тот день на работу, когда обнаружили труп убитой хозяйки?

— В десять часов утра. Я всегда прихожу в это время. Хозяйка просила раньше не приходить. Чтобы не будила, значит.

— Даже когда они там не жили?

— Да. Так вот, пришла, начала убираться на первом этаже. В доме было тихо; я, конечно, знала, что хозяйка будет там ночевать, поэтому старалась сильно не шуметь, чтобы ее не разбудить.

— То есть она предупредила вас о своем приезде заранее?

— Ну да, она всегда звонит, чтобы я их не беспокоила.

— Дальше.

— Убралась, пыль везде вытерла, пропылесосила, полы помыла, цветы полила. В общем, все как всегда.

— Вы убираетесь там каждый день?

— Нет, раз в три дня. Хозяйка сказала, так можно. Да и зачем каждый день-то, коли и так везде чисто.

«А Олег сказал, что домработница убирается в доме каждый день», — подумал я.

— Что было потом?

Женщина смутилась.

— Потом я пошла на второй этаж. Убралась в комнате хозяина, в гостевых комнатах.

— Сколько времени у вас ушло на это?

— Ну, час где-то. И вошла в комнату хозяйки.

— То есть было около двенадцати часов дня?

— Наверное, я же на часы не гляжу. Хозяйка просила ее рано не будить, вот я время и выжидала. В комнату ее стукнула, а дверь открыта, ну, я и вошла.

— И…

— Вошла, посмотрела, а хозяйки-то и нет. Думаю, чего же я тогда столько времени зря потеряла? Все на цыпочках да тишком…

— Когда вошли в ее спальню, что увидели?

— А ничего. Постель разобранная, на столе бутылка. Один фужер.

— То есть, по-вашему, хозяйка была в доме одна?

— А с кем же еще?

— Хорошо, вот вы вошли, что делали дальше?

— Да как обычно, пыль, пылесос, полы…

— Ладно, а потом?

— Спустилась вниз, думаю, если хозяйки в спальне нет, значит, она на улице. Вышла, в беседке ее не было, подошла к бассейну. Смотрю, она там. Я обрадовалась, подбежала… Я сначала и не поняла, что она мертвая-то, а когда пригляделась, так мне страшно стало, я закричала и бегом к охраннику, что у нас на воротах сидит. Так и так, он вызвал милицию.

— Хозяйка голая была?

— Ну да, я же об этом уже говорила в милиции. Совершенно безо всего.

— И вам это не показалось странным?

— А что здесь странного, она голой часто купалась, бывалоча придешь утром, а она из бассейна выходит. Мокрющая вся и того… голая. Говорила, что так она к природе ближе. Полотенцем укроется — и в дом.

«Да, странная семейка, — подумал я, — муж хочет на тот свет нагим уйти, жена уже ушла».

— И она не боялась, что соседи на нее глазеть будут?

— Да какие там соседи. Они ж все богатые. Им не до подглядок. Днем и ночью работают, людей редко увидишь. Охрана одна да прислуга. А эти «деловые» то спят, то уезжают куда-то.

Да, нелегко богатым живется, мысленно ухмыльнулся я. Если убийство было совершено поздней ночью, этого действительно никто увидеть не мог.

— Хорошо, а вот этот перстень вам не знаком?

Я достал перстень, найденный на дне бассейна, и положил на стол.

— Нет. В первый раз вижу. А чей он?

— Мы пока не знаем. А вы живете на Дачном?

— Нет, что вы, там одни богачи живут, мы

рядом. Там село есть — Большие Извалы называется. Вот там я и живу.

У меня двое детей, мужа нет, вот и подрабатываю. Три раза в неделю у Решетовых, в другие дни езжу в город, тоже убираюсь у богачей.

— Решетовы платили вовремя?

— Да, никогда зарплату не задерживали, да еще и чаевые давали, я же не только дом убирала, но еще иногда и ужин им готовила. Когда они продукты с собой привозили. А в основном они еду в городе заказывали, в ресторане, им привозили. Так, говорят, удобнее, им почему-то моя стряпня не нравилась, хотя я уж так старалась…

— Спасибо за то, что пришли. Если возникнут какие-то вопросы, могу я снова вас увидеть?

— Конечно, конечно, я Снежану Игоревну уважала, никак не думала, что с ней такое может случиться. Вот мой адресок, если что…

— Светлана Олеговна, еще один вопрос, а как бы вы охарактеризовали самого… э… хозяина?

— Я его тоже уважала, но он когда трезвый — человек, а как напьется, может и нагрубить. Поэтому я старалась им особо на глаза не показываться, мало ли что ему в голову взбредет.

— И они часто ругались, скандалили?

— При мне почти нет, а так, откуда же я знаю?

Для них этот дом как дача, приедут раз или два в неделю, а то и в месяц раз, и все.

— Они приезжали одни или с друзьями?

— Обычно одни, но бывалоча и с товарищами. А когда у них такие мероприятия, они меня предупреждали, и я не приходила. На следующий день приходила, чтобы все убрать.

— Еще один вопрос, был ли у Снежаны Игоревны, скажем так, другой мужчина?

— Этого не знаю, не видала…

Я записал телефон и домашний адрес домработницы и проводил ее до выхода из кабинета. Но не успел вновь сесть в свое кресло и поразмышлять над тем, что узнал, как зазвонил мобильный телефон.

— Сергей Борисович, — произнесла трубка, — это Олег. Подъезжайте на улицу Московскую, дом тридцать шесть, здесь охранник, который дежурил в те сутки, когда погибла Снежана, он хочет с вами поговорить. Подъезжайте прямо сейчас, дело не требует отлагательств…

Я крайне удивился. Охранник должен был бы сам ко мне сегодня прийти. Ничего не понимая, я вышел из кабинета. Маша стучала по клавиатуре, даже не глядя в монитор. Увидев меня, повернулась, чувствуя интуитивно, что что-то

случилось.

— Маша, я поехал на улицу Московскую, дом тридцать шесть. Только что мне позвонил телохранитель Решетова, у него срочное дело ко мне. Если кто-то придет, договоритесь с ним на завтра, а сегодня я буду занят.

— Сергей Борисович, будьте осторожны, — в ее голосе слышалась тревога. — Но мне хотелось бы знать, удалось ли вам что-то найти у них в доме?

— В доме ничего, а вот в бассейне я нашел вот это, — я достал из кармана брюк целлофановый пакетик с перстнем.

Машенька поднялась из-за стола и посмотрела на находку.

— И вы полагаете, чье это?

— Пока не знаю. Если обронил убийца, то одна улика у нас уже есть.

— А если не убийца?

Я развел руками.

— Сие известно лишь Всевышнему.

Он посмотрел на прекрасное, милое личико еще раз. Безусловно, эта женщина волновала его все больше, но надо было подумать и о работе. Ионе тайной грустью покинул офис. Сел в свою машину и поехал по указанному адресу. По дороге он думец, что произошло, вероятно, нечто

неординарное. Он не заметил, как следом за ним тронулась серебристая «десятка».

* * *

Летний день был теплым и радостным, но порой люди делают этот мир холодным и ужасным. Подкатив к дому, о котором говорил Олег, я припарковал автомобиль и покинул уютный салон. Это был район новостроек, и впереди возвышалось здание, в котором многие квартиры еще пустовали. Тут в окне первого этажа показалась физиономия телохранителя Олега.

— Идите сюда, — поманил он и исчез.

Я огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил и пошел вперед. В подъезде было тихо. Естественно, лифт не работал и кошками пока не воняло, а пахло здесь свежей краской. Я подошел к двери еще не обжитой квартиры, толкнул ее, дверь легко распахнулась. Я оказался в широком коридоре, оклеенном очень дешевыми обоями. Такие клеят перед сдачей дома.

Олег высунулся из комнаты:

— Сюда.

То, что потом я увидел, когда вошел в комнату, заставило меня содрогнуться. Видел я и не такое, но всякий раз это вызывало во мне бурю проте-

ста. Посередине комнаты вверх головой висел какой-то человек. Лицо его было в крови. Руки стянуты ремнем за спиной. Я ненавидел насилие в любой его форме и поэтому рассердился.

— Кто это? И зачем вы это сделали? — спросил я Олега. Рядом с ним расположились еще двое верзил в летних костюмах.

— Это охранник, дежуривший в ту ночь. Он, зараза, не хотел с нами говорить, вот и пришлось развязать ему язык таким способом.

Парень застонал.

— Развяжите его!

Олег кивнул, и бугаи перерезали веревку, которой тот был подвешен к крюку, торчавшему из потолка. Парень с грохотом повалился на пол. Через некоторое время он слабо пошевелился. Быки отволокли его к стене и усадили там. Он открыл глаза. В них я прочел мольбу о помощи.

— И что же вам удалось узнать таким варварским способом?

Люди в костюмах переглянулись, а Олег сказал:

— Этот гад сначала скрыл от нас тот факт, что на территорию поселка два раза приезжало такси. Кто был в нем, неизвестно. Записи о такси в журнале нет. И видеозапись он пытался испор-

тить, но не удалось. Поэтому мы и узнали, что в тот вечер на территорию поселка приезжало такси. Целых два раза. Вечером и ночью. Почему он о нем нам ничего не сказал? Вот и пришлось его слегка попытать.

— Но так же нельзя, — я скрипнул зубами, — и почему вы думаете, что такси приезжало именно к Снежане Игоревне?

— Вы что, гуманист? Вам его жалко? А нам нет… Мы думаем, что в этом такси был убийца. И так считает шеф. А еще он велел сказать вам, что в мобильном Снежаны Игоревны мы нашли лишь один номер телефона, по которому она звонила в тот день. Можете его записать. Скорее всего, это и есть телефон убийцы.

Я с удивлением посмотрел на Олега.

— Вы действительно так считаете? Тогда я-то вам зачем? Вы практически нашли убийцу сами. Или вашего шефа все же гложут сомнения? Вы как будто специально подсказываете мне, где его искать. Это что, такая игра?

— Нет, но мы думаем, что… А вообще, Вениамин Петрович сказал, чтобы без вас мы никаких действий не предпринимали, — Олег слегка смутился. — Как вы распорядитесь, так и будет. Кстати, а что нам с этим делать? — он кивнул на

лежащего охранника.

— Отпустите и дайте денег на лечение. Этот человек объяснил вам, почему не сказал о такси?

— Да, сказал. Снежана Игоревна попросила его никому не говорить об этом.

— Хм, — я задумался.

Это меняло все дело. Значит, она сама кого-то пригласила к себе в гости, кого-то, кто приехал к ней на такси, а потом так же на такси и уехал. Вопрос в том, кем же был пассажир. Мужчина это или женщина, и кому звонила Снежана Игоревна в тот день? И если она попросила охранника не говорить о такси, значит, была еще жива?

— У вас есть номер этого телефона? Вы говорили, что только по одному номеру она звонила в тот вечер, я полагаю, что вы сами найдете этого человека. Только, пожалуйста, не бейте его тоже. Вдруг это вовсе не тот человек, которого мы ищем. К тому же неизвестно, может быть, она просто звонила своей подруге и этот звонок и такси между собой никоим образом не связаны.

Олег недоуменно пожал плечами:

— Мы его найдем. Из-под земли достанем! И если Вениамин Петрович прикажет…

— Тьфу ты, — чертыхнулся я, — буду ждать результатов ваших поисков у себя в офисе. А

парня больше не бейте. Если Снежана Игоревна действительно просила его не говорить о такси, значит, она что-то скрывала от мужа. А что она могла скрывать?

— Наверное, то, что у нее был… трахатель? — Олег зло ухмыльнулся.

— Заметьте, не я это сказал. Так что подумайте, стоит ли об этом говорить вашему шефу.

Олег сплюнул в сторону, но ничего не сказал. Стоявшие рядом «братки» тоже промолчали.

Я вышел из дома и направился к своей машине. Краем глаза заметил серебристую «десятку», стоявшую неподалеку, но значения этому не придал. Как потом оказалось, зря.

* * *

Хоронили Снежану Игоревну в закрытом гробу. Вениамин Петрович был хмур, видно было, что он переживает. Желваки то и дело ходили туда-сюда, а в глазах у него стояли слезы. Я заметил это и отвернулся.

Людей на похороны пришло много. Были подруги и близкие, друзья и знакомые. Как знать, вдруг среди них и затаился убийца? На всякий случай я пытался запомнить всех, кто подходил попрощаться с Решетовой. Конечно, больше меня

интересовали мужчины, но наблюдал я и за женщи-: нами и двух эффектных, несмотря на столь скорбное мероприятие, дам приметил. Как сказал потом Решетов, это были подруги Снежаны Игоревны. Я решил, что обязательно встречусь с ними при более подходящих обстоятельствах.

После похорон кавалькада из дорогих иномарок двинулась в ресторан «Вечерняя серенада». По городу ходили слухи, что в этом заведении частенько зависают местные бандиты. Я об этом тоже слышал, но ведь бандиты сейчас легализовались и стали удачливыми бизнесменами. К их числу, видимо, относился и Решетов. Писали про него в свое время много, и скорее всего, в этом была какая-то правда. Но в тюрьму его не посадили, а значит, перед законом он был чист. Я подумал, что неудивительно, почему его ребята так поступили с охранником. Удивляло другое, почему следствию было выгодно списать все на несчастный случай. Неужели жена Решетова действительно утонула сама? А как же тогда найденный перстень? Чей он и откуда взялся на дне бассейна Решетовых? Почему в милиции не догадались спустить воду в бассейне? Или не хотели?

Что-то во всей этой истории мне не нравилось. Допустим, Решетов к смерти своей жены не имеет

никакого отношения; допустим, ее все же утопили; было ли это связано с самим Решетовым, его делишками или это что-то другое? Стал бы он тогда обращаться к частному детективу? Но тут меня окликнули, и я погрузился в атмосферу скорби и чревоугодных поминок.

* * *

Вечером я подкатил к дому, в котором жил. Обычной панельной девятиэтажке. Вылез из машины. Набрал код на замке, открыл металлическую дверь, коими теперь оснащены практически все дома в нашем городе, и вошел в подъезд. На улице все еще было светло, а в подъезде хоть глаз коли.

«Какой-то козел разбил лампочку», — подумал я, услышав под подошвой ботинка хруст стекла. Не сделал я и двух шагов, как мне на голову опустилось что-то тяжелое. Удар был такой сильный и оглушительный, что я тут же рухнул как подкошенный.

— Где оно, сука? — произнес хриплым голосом нападавший. Он склонился надо мной, но лица не было видно. Я попытался его рассмотреть, но тут получил еще один удар. И почувствовал, как по моему лицу течет что-то липкое.

— Если не вернешь это, убью…

— Да что нужно-то?

Я еще раз посмотрел на нападавшего, но кроме радужных кругов перед глазами ничего не увидел. Тут сверху послышался шум приближающегося лифта. Третий удар опрокинул меня на каменный пол, и я потерял сознание.

* * *

— Как же вы так, Сергей Борисович? — хлопотала вокруг меня Машенька.

Я лежал у себя в квартире на кровати и смотрел на девушку. Как она была хороша…

Меня спас сосед, спускавшийся сверху. Это он ехал на лифте. Сосед не видел человека, напавшего на меня, но быстро сообразил, что случилось. Вызвал «скорую». Медики приехали довольно быстро. А потом они забинтовали мне голову, сделали укол. От госпитализации я отказался. Сосед помог мне подняться и довел меня до квартиры. Потом приехали бывшие коллеги из милиции, один шустрый опер все допытывался, могли я знать того, кто на меня напал. Если бы я знал этого человека, то знал бы и что ему было нужно. Это же объяснил и оперу. Тот чертыхнулся, попросил подписать необходимые бумажки и укатил.

А сегодня утром приехала Машенька. Откуда она только узнала, что меня избили? И вот сейчас хлопочет вокруг меня, побитого, и радостно мне оттого, что она сегодня со мной…

— Я почему-то думаю, Машенька, что мы движемся в правильном направлении, — сказал я. — Хотя я не понимаю, что же он от меня хотел? Бил наверняка, чтобы я даже не рыпнулся. Иначе бы ему не поздоровилось. А теперь вот я тут, в постели, а он где-то там…

— То есть вы считаете, что это убийца Решетовой напал на вас?

— Все может быть. Если бы это был просто грабитель, он бы выгреб из моих карманов все, что хотел, и ничего бы не спрашивал. А этому что-то было нужно. Но что? Это хотелось бы знать и мне. И далее, как он выследил меня? Откуда знал, что я живу в этом доме? Значит, ходил за мной. Машенька, вы к этому делу не имеете никакого отношения, но вы моя сотрудница, и я прошу вас пока несколько дней побыть дома и никуда не выходить. А еще лучше — оставайтесь у меня… Хотя я тоже не смогу обеспечить вам защиту. Если это действительно связано с убийством Решетовой, то надо этого человека найти быстрее, чем он найдет то, что требовал от меня.

Машенька принесла чаю, разлила по чашечкам. И лукаво улыбнулась:

— Сергей Борисович, спасибо за заботу обо мне, но я полагаю, что эти меры предосторожности излишни. Зачем ему я? И может быть, это нападение вовсе не связано с Решетовой, так что давайте не будем городить огород. Вы пока отлежитесь пару дней, никуда это дело от вас не денется…

Я решил, что действительно стоит отлежаться дома и Решетову ничего о нападении не говорить.

Потом позвонила мама. Маша принесла мне трубку и дала в руки.

— Сынок, с тобой все хорошо? — спросила мама. Даже там, далеко, ее сердце почувствовало, что с ее сыном что-то случилось.

— Да все нормально, мам.

— А кто это у тебя? Маша?

— Да. Ты уже узнаешь ее по голосу?

— Ну, я же иногда звоню тебе в офис. А почему она с тобой? С тобой все в порядке?

— Говорю же, да. Она просто приехала ко мне…

— А, понимаю. Ну наконец-то.

— Мама, это совсем не то, о чем ты подумала. Просто она, — я покосился на Машу, которая с чашками пошла на кухню, — привезла мне кое-

какие документы.

— Ты все что-то расследуешь? И охота тебе рыться в чужом белье? Отец передает тебе привет. Скоро мы приедем в отпуск. Не расслабляйся. И… жениться тебе надо, сынок. А Маша твоя, по-моему, тебе очень подходит.

— Она не моя, — я осекся, потому что в комнату вошла Маша. Мне очень захотелось, чтобы это было не так.

Вечером Маша уехала домой, а я остался один. Уснул быстро, и снилось мне, что бегу я по полю совсем маленький, а мама протягивает ко мне руки и говорит: «Возвращайся назад, сынок».

* * *

На следующий день позвонил телохранитель Олег. Голос его не предвещал ничего хорошего.

— Сергей Борисович, мы нашли того, кто звонил Снежане Игоревне. Пробили тот номер, с ее мобильника, и оказалось, что это, как бы так лучше сказать… в общем, проститут один. Зарабатывает на жизнь тем, что обслуживает богатых дам. Он у нас, приезжайте, пообщаетесь, если, конечно, он вам нужен. Мы вас ждем в ресторане «Вечерняя серенада».

— Вы его били? — Я поморщился, вспомнив о

побитом охраннике и о своем недавнем избиении в подъезде.

— Нет, что вы, как вы и сказали, даже пальцем не тронули. Но он нам и так почти все рассказал. Хотя и отпирается, сука, говорит, что приехал в девять вечера на такси, уехал также на такси в двенадцать. Только мы ему не верим…

Моя голова все еще раскалывалась, а на затылке был приклеен лейкопластырь. Несмотря на это, я оделся и подошел к окну. Осмотрел двор и, не заметив ничего примечательного, вышел из квартиры. Закрыл на два замка входную дверь и спустился по лестнице. Никто меня не караулил, хотя в подъезде было все так же темно. Коммунальщики явно не спешили облагодетельствовать жильцов этого подъезда и ввернуть разбитую энергосберегающую лампочку, о которых день-деньской твердили по телевизору. Я сел в свой автомобиль и поехал в ресторан. По дороге я то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, но ничего заслуживающего внимания не заметил.

«Наверное, выжидает чего-то», — подумал я про нападавшего. И что же ему было нужно? Я «шевелил своими серыми клеточками», но никак не мог понять что. Я понимал, что как только занялся делом Решетова, на меня напали, значит,

это нападение и убийство Снежаны Игоревны все-таки звенья одной цепи? И своими действиями я разбудил «зверя», но вот кто он, этот зверь?

* * *

Я подъехал к ресторану «Вечерняя серенада», где совсем недавно поминали жену Решетова. У входа в заведение меня встречал уже знакомый мне «браток». И он без лишних разговоров проводил меня на второй этаж.

Я вошел в небольшой кабинете зелеными успокаивающими обоями на стенах. Здоровяк, сопровождавший меня, остался за дверью. В кабинете на стуле сидел молодой парень в шортах и майке. У него было симпатичное лицо, длинные волосы и телосложение стриптизера Тарзана. Неудивительно, что богатые дамы использовали его для сексуальных утех. Он был связан по рукам и ногам. Рот заклеен скотчем. Олег расположился рядом в кресле, второй его подручный, с пистолетом в руке, сидел возле окна.

— Олег, я же просил, — сказал я, начиная звереть. А в гневе я страшен, тем более после недавнего нападения. — Зачем эта излишняя жестокость?

— У вас свои методы, у нас свои. А что это у вас

с головой?

— Упал. Случайно. Оставьте нас одних, мы поговорим. Кстати, что вы сделали с охранником?

— Отпустили, как вы и велели, — Олег слегка удивился. — Вы же сами сказали, что он вам больше не нужен, он и ушел.

— Сам? Вы его избили так, что он, наверное, долго будет лежать в койке.

Парни заржали.

— Нет, мы отвезли его домой, вот и все. — Олег сплюнул, и они нехотя вышли из кабинета.

Я приблизился к «Тарзану», сдернул скотч, «Тарзан» поморщился.

— Они вас били?

— Нет. Но хотели…

— Давайте так, вы рассказываете мне все, и мы вас отпускаем. Я частный детектив, фамилия моя Плетнев. Я расследую убийство Снежаны Решетовой. Теперь я уже не сомневаюсь, что это было убийство. А вас зовут?..

— Максим. Максим Онопко.

— Вы спали с ней?

— Да.

— Она платила вам за это?

— Да.

— В тот вечер в котором часу вы приехали к

ней?

— Я этим уже говорил, в девять. А уехал в двенадцать. Она вызвала мне такси.

— Кто это может подтвердить?

— Ну, то, что я в девять уезжал из города могут подтвердить в нашем агентстве «Голубая лагуна». Все звонки фиксируются, а то, что я в двенадцать от нее уехал, — наверное, только таксист, да, пожалуй, еще охранник на воротах.

— Номер такси, которое увозило вас оттуда, вы, конечно, не помните?

Максим сморщил лоб. А потом ответил:

— Нет, но я знаю номер телефона, по которому мы вызывали такси. Я думаю, вы легко его найдете. А увозил меня такой лысоватый мужик, с усами, как у Буденного. Всю дорогу анекдоты травил про хохлов. Наверное, он тоже с Украины.

Я записал приметы таксиста. А потом спросил:

— Сколько времени Снежана Игоревна была вашей э… клиенткой?

— Где-то с год.

— И ее муж об этом?..

— Да, он знал о ее связи со мной. Он сам ей меня и предложил. Он человек занятой, говорил, что очень ее любит, а в постели у них редко получалось хорошо, поэтому он и решил, что я могу его

заменять.

Я был удивлен! Нет, это мягко сказано, поражен до глубины души. Конечно, читал в некоторых «желтых» листках об этом, но в жизни такого не встречал. И вот, поди ж ты. Муж сам подбирает любовников для своей жены. Теперь понятно, почему они так быстро тебя вычислили, голубок. И номерок твоего телефона они уже знали. Но почему же Решетов мне об этом ничего не сказал? На миг мне показалось, что я всего лишь пешка в чужой игре и меня просто используют. Вот только зачем? Эти люди могли бы и без меня разобраться во всем.

— Как часто вы встречались с ней?

— Раз или два в неделю, когда она была в городе. Если уезжала куда-то, в том числе и за границу, мы, конечно, не встречались, хотя пару раз я ездил с ней на Кипр.

— И Решетов не возражал?

— Нет…

— Хорошо, если не врете и все подтвердится, вы будете свободны.

Я достал перстень.

— Ваш?

Жиголо удивился и покачал головой.

— Не мой и не видел такого ни разу.

— Вы выпивали в тот вечер?

— Да. Пили виски. Она любила.

— В бассейне купались?

— Нет. Прохладно было уже. Эти сказали, что ее утопили; наверное, они и правы, потому что утонуть в том бассейне просто нереально. Да вы, наверное, и сами видели тот бассейн?

Я кивнул.

— Вы, безусловно, правы, но убийца очень хотел, чтобы все выглядело как несчастный случай, и ему это почти удалось. В милиции считают, что Решетова утонула сама. Я полагаю, вы не причастны к ее гибели. Иначе все было бы слишком легко. Вы никого не подозреваете в ее смерти?

— Ее мужа. Этот гад на все способен, в том числе и на такое.

— Вы не знаете, были ли у нее еще мужчины, кроме вас?

— Нет. Мне она многого не говорила, да и зачем, я же так… исполнитель ее желаний и прихотей. Но про супруга говорила всякое. Я не очень-то ей верил, но и разглашать эти сведения боялся — кто он и кто я? Эти уроды меня быстро бы в порошок стерли, если бы что-то всплыло. Но про него и так всякое говорят…

— О том, что вы спали с ней, из охраны кто-ли-

бо знал?

— Нет, только Олег. Он у Решетова как правая рука.

— Хорошо, вопросов у меня больше нет. Если таксист подтвердит, что вы уезжали из поселка в полночь, они вас отпустят.

Я подошел к двери и открыл ее. Олег и его подручные стояли в коридоре.

— Значит, так, разыщите таксиста, который отвозил Максима от Снежаны Игоревны. Если он подтвердит, что время, которое называет Максим, именно двенадцать часов ночи, то он тут ни при чем. Вот приметы таксиста, а это телефон, по которому его вызывали. Я полагаю, вы легко с этим справитесь.

— И что? Нам этого кренделя тоже отпустить?

— Если подтвердится все то, что он сказал, то — да. Смерть вашей хозяйки наступила, по мнению экспертов, с часу ночи до трех часов утра. Следовательно, был кто-то еще, пришедший к ней после двенадцати. А теперь свяжитесь с вашим шефом. В свете открывшихся обстоятельств мне необходимо задать ему несколько вопросов.

Олег пощелкал по клавишам мобильного телефона и отошел в сторону. С шефом они перекинулись несколькими фразами, а потом Олег

сказал:

— Сергей Борисович, Вениамин Петрович приедет к вам в офис сегодня в шесть…

* * *

Когда пробило ровно восемнадцать ноль-ноль, колокольчик над входной дверью звякнул и бизнесмен ввалился в приемную офиса. Я отпустил Машеньку домой и сидел в приемной и читал газету. Толстяк вошел один, без телохранителя. Он, видимо, понял, что разговор будет серьезным, и не хотел, чтобы кто-то из посторонних нас слышал.

— Итак, вы хотели меня видеть?

— Присаживайтесь, Вениамин Петрович, я думаю, нам есть о чем потолковать.

Когда Решетов уселся, я спросил:

— Во-первых, зачем нужно было так жестоко поступать с охранником? Вы знаете, что ваши подопечные с ним сделали?

— Побили легонько, и все. Ничего страшного, до свадьбы заживет. Я ему две тысячи баксов сунул, он и рад. Ни в какую милицию не пойдет, так что все хорошо. Если бы сразу все рассказал, ничего бы этого не было.

— Я против таких методов.

— Но согласитесь, что они эффективны. Ведь что есть зло? Например, Гитлер и иже с ним, сколько людей извели, но я уверен, что и они обрели свое место в раю. Да, да, не удивляйтесь, потому что делали они это во имя того, чтобы другие люди поняли, что такое зло. Если бы всего этого кошмара не было, откуда бы тогда люди узнали, что такое зло? А вообще, как вы относитесь к смерти? На мой взгляд, смерть — это шаг в вечность, только и всего. И я смерти не боюсь. А вот Снежана боялась.

— Да вы философ?

— А как же иначе. Во всем надо видеть подоплеку, и здесь мои ребятишки поступили правильно. Он же рассказал про такси, верно? А приехал туда, вы тоже уже знаете кто. Значит, эти методы эффективны.

— Ладно, оставим философию. — Я нахмурился. — Почему вы не сказали, что у вашей жены был любовник? Вы же знали об этом и сами же его порекомендовали своей супруге.

— А что в этом плохого? Я вам говорю, что я ее любил. И хотел выполнять все ее прихоти, какими бы они ни были. Я не всегда удовлетворял ее в постели, и я об этом знал. Поэтому и подсунул ей этого жиголо. И я был спокоен абсолютно, зная, с

кем она и что делает.

— Но почему тогда она приказала охраннику не говорить об этом?

— Дорогой Сергей Борисович, об этом знали только мы трое: я, Снежана и этот… любовник. Если бы он кому-то вякнул об этом, ну, дальше понятно… А мой авторитет среди моих сотрудников? Поэтому никому об этом не было известно, даже моим парням. Ясно?

— Не ясно. Ваш Олег тоже об этом прекрасно знает, так?

Бизнесмен замялся.

— Ну, так, и что? Олег — мой соратник и друг. Мы вместе начинали с ним мой… э… бизнес. Но он туп, как автомобильная покрышка, и в финансовых делах ничего не соображает. Не мог же я его кинуть и оставить ни с чем. Поэтому мы вместе, я — босс, а он мой… телохранитель, и хватит об этом.

— Надеюсь, зарплату вы ему платите хорошую?

— Не беспокойтесь, он не жалуется. И он не хочет занять мое место, если вы на это намекаете.

— Хорошо, еще один вопрос. Вы рассказали мне о подругах Снежаны Игоревны. Могу ли я у них поинтересоваться о ее связях с… другими

мужчинами? Я полагаю, что кроме известного вам любовника у вашей жены были еще и другие мужчины.

Бизнесмен вскипел. Его лицо побагровело, руки затряслись.

— Вы что, о… ли? Какие мужчины? Почему вы так считаете? Моя жена порядочная женщина, а вы говорите, что она б… Да я…

Он встал, склонился надо мной, но потом передумал и снова сел в кресло.

— Ладно, я сам же вас нанял, но не думал, что все это зайдет так далеко. Думайте что хотите, только не болтайте на каждом шагу об этом.

— Кто мог убить ее? Мне кажется, тот, кто это сделал, тоже ее хорошо знал. И причин для убийства может быть несколько. Чужой человек к ней бы не пришел. Это раз. Охранник его тоже знает, это два, если, конечно, этот человек не перелез через забор или умеет летать. А в-третьих, зачем ему убивать женщину? Может быть, это как-то связано с вашей деятельностью?

— Что вы имеете в виду?

— Не прикидывайтесь невинной овечкой, ваш бизнес не шел бы так хорошо, если бы вы не пользовались услугами преступных элементов…

Решетов поднялся.

— Ну и что? Вы знаете, как достаются деньги? Во времена Советского Союза я начинал обычным снабженцем в обычном магазине. А когда началась перестройка, пришли хорошие ребята и помогли мне вылезти из этого дерьма. У меня появился свой магазин, потом еще один, а сейчас у меня их много. Тех ребят уже нет, а я есть. Да, я связан с криминалом, и очень тесно, ну и что? А кто с ним не связан? Назовите хоть одного честного бизнесмена в России, который бы своим потом и кровью заработал свои миллионы. Наша страна поставила нас в такие условия, при которых честно заработать большие деньги попросту нельзя. Если бы я не был связан с криминалом, меня бы задушили конкуренты. А сейчас у меня своя корпорация, своя нефтяная скважина и за мной стоят очень большие люди.

— Вашу жену могли убить как раз из-за этого. Вы не боитесь, что та же участь ожидает и вас? Что могла знать Снежана Игоревна?

— Если и знала, то уже никому не скажет. Я не знаю, почему ее убили, но уверен, что моя деятельность тут ни при чем. Конкуренты на это бы не пошли, мы сейчас со всеми дружим, и пока никто никому не мешает. И если кого и стали бы убивать, то это меня, а не ее… Я со своей стороны

делаю все, чтобы облегчить вам расследование, а вы начинаете лезть в мою жизнь и в мою душу. Остановитесь и занимайтесь своим делом! Найдите убийцу!

— Вы так хотите отомстить…

— А что в этом плохого? За все надо платить. А моя жена стоит дорого.

Я вытащил из кармана перстень.

— Это не ваш?

Решетов взял перстень ухоженной рукой, повертел. Снова сел в кресло.

— Нет, не знаю, но это не мое. А эти буковки на печатке, по-вашему, что они могут означать?

— Да все, что угодно, начиная от инициалов имени и фамилии, до каких-то мистических знаков. Но вещица эта дорогая, и вряд ли человек расстался бы с ней просто так. А нашел я его в вашем бассейне.

— То есть вы полагаете… Это значит, что убийца живет в нашем поселке?

— Скорее всего. Ну кто поедет на ночь глядя туда, да еще и не зная точно, дома ли Снежана Игоревна или нет? Значит, этот человек знал, что она находится там. Если, как вы говорите, перстень не принадлежит вам, жиголо Максиму тоже, кто еще мог его обронить в вашем бассейне?

Решетов шумно вздохнул. После минутной паузы он сказал:

— Не знаю. И если это все, о чем вы хотели со мной поговорить, то мне пора. Дела ждут.

Потом встал и молча удалился. Дверь за ним захлопнулась. Я облокотился на спинку кресла и посмотрел в окно. Мимо спешили люди, проезжали машины, жизнь шла своим чередом, и никому не было дела до Снежаны Игоревны, безвременно покинувшей этот мир.

* * *

Утром я проснулся от тревожного звонка. Снял трубку телефона.

— Значит, так, м… ак, твоя секретарша у меня. Верни перстень, и я обещаю, что она останется жива. Про ее целомудренность не говорю. — Звонивший ехидно рассмеялся.

— Кто это? — Я в ярости сжал трубку так, что пластмасса заскрипела.

— Какая тебе разница, вернешь цацку, получишь цацу. Жди дальнейших инструкций!

В трубке раздались нудные гудки. А я ударил кулаком по стене.

«Идиот, говорил же, что добром это не кончится. Не уберег…» Я вскочил с постели и, лихорадочно

соображая, заметался по комнате. Что же делать? В этой ситуации мог выручить только старый друг и бывший коллега Иван Карлович Загнойко. Полковник, начальник криминальной милиции. Я достал записную книжку, быстро нашел нужный номер и позвонил Загнойко. Вкратце изложил ситуацию.

— Могу дать тебе пока только одного человека, — говорил в трубку полковник, — остальные мои парни сейчас работают не покладая рук и ног. Сам видишь, в стране неспокойно, то террористов ловим, то наркоманов. В общем, пришлю тебе самого толкового — Колю Карамзина.]Ты с ним, по-моему, уже знаком?

— Да, знаком. Я буду ждать его у себя в офисе. Слушай, а вдруг этот похититель сделает с ней что-то плохое…

— Не думай о плохом, думай о хорошем! Эта девушка работает у тебя уже полгода, ты ей веришь?

— Как самому себе. Но это ты к чему?

— Она не может быть связана с похитителем?

— Нет. Ты что?

— А что, всякое бывает. Может быть, ей деньги нужны, вот они с сообщником и придумали ее похищение. Но если ты в ней уверен, то будем

надеяться, что он тебе скоро еще раз позвонит. Жди инструкций от похитителя, а потом будем думать, что делать дальше.

Я оделся и, даже не позавтракав, выбежал из квартиры. В голове была каша, мысли путались. Это могло выбить из колеи. Я решил сосредоточиться на главном. Выйдя из подъезда, оглядел двор и поспешил к своей машине.

«Значит, Маша у него, и ему, по всей видимости, нужен перстень, тот самый, что я нашел в бассейне, — думал я, открывая дверцу машины и садясь за руль. — Тогда получается, что, возможно, это и есть убийца Решетовой? Ведь это прямая улика, указывающая на него. Господи, неужели все так просто? Скорее всего, это он и напал на меня в подъезде. | Если мы возьмем его, значит, и делу конец? Пожалуй, Решетов обрадуется, но говорить об этом ему пока не стоит. Он может все испортить своей кровожадностью. И человека: убьют. А Маша, где она сейчас?»

Я выехал со двора и помчался на работу. Неизвестная ситуация с Машей пугала меня. За себя я не боялся, а вот за нее мне было страшно. С нами еще такого не происходило. Ее не похищали, мне не угрожали. Черт бы побрал это детективное агентство! Мы проработали вместе полгода, но

чего-то подобного переживать еще не приходилось. Все было спокойно и тихо. Приходили люди, требовали расследовать какие-то пустяшные дела, никак не связанные с убийствами. И вот на тебе, свалился на нашу голову этот бизнесмен.

«И зачем я только взялся за это», — корил я себя. Маша жила одна, и беспокоиться о ней, кроме меня да, пожалуй, еще немногочисленных подруг, было некому.

«Если хоть один волос…» — твердил я про себя, сжав зубы. Теперь бы я сделал с похитителем Маши то же, что парни Решетова с охранником. Но тут раздалась веселая мелодия мобильника, которая никак не соответствовала моему настроению. Держа руль одной рукой, я схватил трубку другой. Номер, который высветился, был неизвестен. Я зло крикнул:

— Какого черта?

— Ты не ори, дурик, это я, — услышал я так взбудораживший утром голос, — принесешь перстень на железнодорожный вокзал. Положишь в ячейку номер тридцать четыре, наберешь код 57345. И без фокусов. Как только перстень будет у меня, твоя женщина приедет к тебе целой и невредимой. Мне лишние проблемы ни к чему…

Я попытался что-то спросить, но телефон от-

ветил короткими гудками. Я подрулил к офису, вышел из машины. На душе у меня скребли кошки, а на улице было все тихо и спокойно. Так же порхали птицы, радуясь слепящим лучам солнца, мимо катили, блестя боками, машины, шли люди. Молодые мамаши выгуливали своих чад, встречались влюбленные, даже не подозревая, что совсем рядом происходит другая жизнь.

Я вошел в офис, снял его с сигнализации, а потом достал мобильник и еще несколько раз попытался дозвониться до абонента по высветившемуся номеру. Но абонент не отвечал, и я понял, что это бесполезно. Скорее всего, звонивший уже выбросил трубку в мусорный бак. Так, по крайней мере, поступил бы здравомыслящий человек. Я вновь позвонил Загнойко. Тот, выслушав, сказал:

— Сейчас отправлю к тебе Карамзина. Без него никуда. Ты отнесешь перстень, а он посмотрит, кто за ним придет. Я проинструктировал его, он знает, что делать дальше. Не беспокойся, если что, мы поможем. Времени у вас навалом, можете пока не спешить…

* * *

Коля Карамзин приехал почти через час, и все это время я не находил себе места. Он ввалился в офис и бодро спросил:

— Поехали?

Я только скривился.

— Почему так долго?

— Пробки, Сергей Борисович.

Я сдал офис на сигнализацию, и мы выскочили на улицу. Колины «Жигули» стояли неподалеку. Не сговариваясь, мы расселись в свои машины и покатили вперед.

Коля, двухметровый крепыш с лицом «ботаника», ехал сейчас на своей машине сзади меня. Отстав на приличное расстояние, он посматривал по сторонам, наблюдая за тем, ни прицепится ли за мной «хвост». Но за мной так никто и не увязался, и это Коле показалось странным. Наконец я подрулил к зданию железнодорожного вокзала, вышел из машины. Коля остановился на противоположной стороне дороги. Не заметив ничего подозрительного, вылез из салона и поспешил вперед.

Я уже скрылся в здании вокзала — трехэтажного строения из стекла и бетона. В зале ожидания

было много людей, и затеряться среди них было очень легко. Не оглядываясь и не смотря по сторонам, чтобы не выдать случайно Колю, я подошел к камерам хранения. Увидел открытую ячейку под номером тридцать четыре. Конверт с перстнем положил внутрь, закрыл дверцу ячейки, набрал код и бросил монетку. Раздался щелчок. Дело сделано!

Я развернулся и уже не спеша двинулся к выходу. Коля расположился в одном из кресел, откуда удобно было наблюдать за нужной ячейкой. Я кинул на него беглый взгляд и покинул здание вокзала. Сел в автомобиль и покатил вперед. Я пытался выяснить, наблюдают ли за мной или нет. Попетляв по городу и не заметив «хвоста», подкатил к зданию вокзала, но встал так, чтобы моя машина не бросалась в глаза. Солнце уже палило нещадно, и в салоне было душно. Я вылез из машины и, не зная, чем занять себя, пошел в близлежащий магазин. Оттуда через огромные окна наблюдал за зданием вокзала и видел всех, кто подъезжал к нему.

Коля сидел в той же позе, и со стороны могло показаться, что он спит, но сквозь прикрытые веки тот зорко наблюдал за происходящим. И наконец его бдение увенчалось успехом. Вот он

увидел яркую стройную шатенку на высоких каблуках. Она процокала мимо Коли и устремилась к камерам хранения. Парень насторожился. Женщина огляделась, затем кинула монетку, набрала код, и дверца ячейки под номером тридцать четыре бесшумно открылась. Она достала конверт с перстнем, сунула к себе в сумочку. Потом, оглядевшись, поспешила на выход. Коля выждал какое-то время и устремился за ней.

На улице шатенка села в красный кабриолет, и машина рванула с места, выпустив облако сизого дыма. Коля запомнил номер автомобиля, позвонил мне. Я выскочил из магазина, впрыгнул в свой автомобиль и помчался за кабриолетом. Через некоторое время я уже сообщал Коле, что вижу эту машину и преследую ее. Коля позвонил своему начальнику и доложил о том, что произошло. Загнойко соединился по телефону со своим коллегой в ГИБДД и попросил ввести план «Перехват», сообщив данные разыскиваемого автомобиля. И через пятнадцать минут красный кабриолет был задержан на посту ГИБДД, на выезде из города.

Я ворвался в небольшое здание поста. Шатенка сидела за столом и ничего не понимала. Рядом сидел сотрудник ГИБДД — лейтенант.

— Куда прешь? — заявил он, удивившись моей наглости.

— Свои, — я протянул ему свои пенсионные корочки сотрудника милиции.

— Ну и что?

— Эту женщину вы задержали, так сказать, и по моей просьбе тоже.

Тут раздался телефонный звонок. Лейтенант снял трубку, выслушал, а потом вопросительно посмотрел на меня.

— Выйдите, нам надо с ней поговорить тет-а-тет.

Он безропотно покинул помещение. В шатенке я признал одну из тех ярких женщин, которые были на похоронах Решетовой и с которыми очень хотелось поговорить, но все было недосуг.

— Фамилия, имя, отчество? — спросил я.

— Збруева Ольга Петровна, — шатенка была напугана.

— Кому вы везли вот этот конверт? — Я достал его из сумочки женщины, прекрасно зная, что внутри лежит перстень, найденный в бассейне у Решетова.

— Один мой старый приятель по имени Гена просил привезти, а что?

— Он вам не сказал, что внутри и зачем он ему

нужен?

— Нет, просто попросил привезти. Дал денег. Вот и все. — Женщина, оправившись от испуга, смотрела на меня, уже нагло ухмыляясь.

— Где вы с ним должны были встретиться?

— На двести шестьдесят пятом километре. Да что случилось-то?

Я был разъярен.

— А то, что вы являетесь сообщницей похитителя людей!

Женщина зажмурилась.

— Не может быть, — наконец произнесла она. — Гена такой добрый и отзывчивый человек.

— Ваш Гена подозревается в убийстве гражданки Решетовой. Она была вашей подругой?

— Откуда вы?..

— Мне об этом сказал ее муж. А увидел я вас впервые на похоронах Снежаны Игоревны. Так что, будем Ваньку валять и от всего отпираться или расскажете правду?

— Какую правду? То, что мы были, как вы выразились, подругами? Так мы не были таковыми. У Снежаны вообще подруг не могло быть по определению. Она была стервой, хотя и играла на людях в белого барашка. И муж ее кретин. Даром что бизнесмен. Она им крутила, как хотела, а он

ей в кровать любовников подкладывал. Вот такая уродская семейка. Да у нее половина города в кровати побывала, а он все из себя мачо строит.

Женщина вдруг зарыдала. Я удивился. Не тому, что женщина заплакала, а тому, что услышал. Значит, я был прав, муженек мог убить свою неверную супругу из ревности. Скорее всего, он сделал это не сам, нанял кого-то, но это ничего не меняет. Единственное, что не вписывалось в рамки этой версии, зачем тогда он все это затеял и нанял детектива, то есть меня?

— Она ведь у меня его увела, — продолжала Збруева, — я бы, может, жила сейчас как сыр в масле, а она его у меня отбила.

«Так-так, — подумал я, — начинают всплывать интересные факты».

— Мы же с ней действительно подругами были. Вместе в одном вузе учились. Когда перестройка жахнула, приехали в этот город. Устроились работать в магазин. Решетов тогда и бизнесменом-то не был. Так, снабженцем работал. Я первая с ним и познакомилась. Дружить начали, он за мной так ярко ухаживал. Потом у него бизнес пошел. Да что говорить, все про это знают. Это он с виду дурачок, а внутри — акула. И братва ему нипочем, и милицию прикормил. Деньги делают деньги.

Тут и Снежана проснулась. Меня он бросил, а ее подцепил. Сейчас у Решетова целая империя, и про тот магазин, где мы все вместе когда-то работали, он и не вспоминает… Гена в том магазине тоже работал, и со Снежаной у них были очень даже теплые отношения.

Я задумался. Конечно, почти ничего нового об отношениях Решетовых Збруева не сообщила, но бизнесмен и его покойная жена все меньше и меньше мне нравились. Я позвонил Коле и попросил его подъехать на пост ГИБДД. Когда Карамзин приехал, я сказал Збруевой:

— Значит, так, берите конверт — и едем к вашему Гене. Если спросит, почему задержалась, скажите, что попали в аварию, позвонить не смогли, потому что аккумулятор у телефона сел. На нас не смотрите, вы, по всей видимости, тут действительно ни при чем. И как только отдадите конверт, можете быть свободны.

Карамзин сообщил сотрудникам ГИБДД, что они забирают Збруеву, те не возражали. Ольга Петровна залезла в свой кабриолет и медленно тронулась вперед. Я забрался в машину к Коле, и мы двинулись за ней следом.

По дороге я раздумывал над тем, что узнал. Теперь получалось, что подозреваемым номер

один становился этот самый Гена, на встречу с которым мы сейчас ехали. Но если убийцей был он, то какова причина этого преступления? Что могли не поделить бывшие друзья? А может быть, и любовники?

* * *

Маша открыла глаза и огляделась. Она лежала на кровати в какой-то жалкой лачуге. Вокруг были навалены старые вещи, потрепанные книги. Неяркий свет проникал в небольшое оконце. Она приподнялась и села. В углу шуршала чем-то мышь. Маша не помнила, как оказалась здесь. Вот она вышла из офиса на улицу, потом прошлась по магазинам, затем хотела пойти домой. Но тут рядом остановилась серебристая машина, а дальше… провал в памяти.

Что случилось дальше, почему она здесь? Голова гудела. Она потрогала лоб, погладила себя по голове. Встала с кровати, которая жалко скрипнула, осмотрелась. Сумочки не было. Ни на обшарпанном столе, ни где-то еще. Ограбили и похитили? Или наоборот. Хорошо, что не убили. А в сумочке, кроме дамских «штучек» лежало всего двести рублей — невелика потеря. Кому они могли понадобиться? Она подошла к двери,

дернула за ручку. Дверь безмятежно открылась, впуская внутрь лачуги яркий солнечный свет. «Где я?» — подумала Маша, оглядываясь. Вокруг было поле, а дальше — лес. Вот вам и сказка про «Машу и трех медведей». Где-то вдалеке было слышно, как по дороге мчатся машины. Она постояла немного,» приходя в себя, а потом пошла вперед к дороге.

* * *

Между тем кабриолет Збруевой уже приближался к двести шестьдесят пятому километру. Но вокруг не было ни души. Вдоль трассы шумели зеленые деревья, и все. Ни машин, ни людей. Коля двигался за кабриолетом не отставая. Наверное, они зря сделали так, но что-либо менять было уже поздно. Я высунулся из машины, ожидая, что что-то произойдет, но… ничего не происходило. Збруева подкатила к указанному месту, остановилась. Вылезла из автомобиля. Через некоторое время подъехали и мы с Карамзиным.

— И где же ваш Гена? Может быть, вы должны были с ним связаться по телефону?

— Нет, он сказал подъехать ждать.

— Что будем делать мы? — Коля посмотрел на меня. Я понуро пожал плечами.

— Он не дурак. Сейчас, наверное, сидит где-нибудь с биноклем и за нами наблюдает. Поэтому вряд ли подъедет сюда.

— Скорее всего, так оно и есть.

— Что же будет с Машей? — Я тяжело вздохнул.

В это время из-за поворота появилась патрульная машина ГИБДД. Я не обратил на нее внимания, потому что смотрел во все глаза на деревья, словно действительно где-то там мог спрятаться Машин похититель. Коля интуитивно напрягся. Как у каждого водителя, даже пусть и сотрудника милиции, машина с мигалками вызывала у него тревогу. И хотя мы ничего не нарушили, Коля подумал, что это по их душу. Он вылез из своего автомобиля и приготовился объясняться с сотрудниками ГИБДД. Те действительно подкатили к нам и остановились, перекрыв таким образом путь к отступлению. Из машины вылез один из сотрудников, второй остался за рулем.

— Ваши документы? — произнес он, подходя ближе.

Коля достал права, техпаспорт на машину. Почему-то он решил, что не стоит в данной ситуации размахивать своими милицейскими «корочками». В это время из патрульной маши-

ны вылез второй милиционер и направился к кабриолету Збруевой. Я увидел это в зеркало заднего вида и насторожился. Между тем сотрудник ГИБДД подошел к Збруевой и посмотрел на нее. Она как-то странно отшатнулась. Меня это удивило, и я заметил, как милиционер быстрым движением поднял с сиденья сумочку Збруевой, в которой лежал конверт с перстнем.

— Коля, это он! — крикнул я и попытался открыть дверцу машины. Но милиционер предвидел это, и в его руке тут же оказался пистолет.

— Сидеть! Если не хочешь пулю в башку, сиди тихо.

Коля оттолкнул его напарника так, что тот повалился на землю, и перемахнул через капот автомобиля. Прогремел выстрел. Збруева закричала. Я воспользовался этим, распахнул дверцу машины и кинулся на патрульного. Ударом правой я сбил его с ног, и он повалился в придорожную траву. Я ногой отбросил выпавший у него из руки пистолет. Затем нанес еще пару ударов, от которых милиционер затих. Коля в это время уже скручивал его напарника. Документов у «сотрудников ГИБДД» не оказалось.

— Что вы сделали, — закричала Збруева, — вы убили его!

Она выбралась из машины, склонилась над лежащим и заплакала.

— Нет, только оглушил. Минут через пять отойдет. Это ему за подъезд и за разбитую лампочку. Которую, кстати, недавно вкрутил сосед с первого этажа, а не работники коммунальной службы.

* * *

— Где она?

Геннадия Бойко и его напарника в форме сотрудников ГИБДД Колины коллеги доставили в отделение милиции, и сейчас он сидел в кабинете Загнойко. Кроме полковника здесь были я и Коля.

— Кто «она»?

— Та женщина, которую ты похитил, — я начинал вскипать.

— А, эта. Я ее в деревне Вешаловке высадил, там и ищите. В заброшенном сарае. Я в нем иногда останавливался, когда на охоту ходил. Там неподалеку лесок. Но и от дороги он не далеко, так что она найдется. Я ей снотворного вколол, скоро отойдет и очень удивится…

Загнойко поманил Колю и велел ему и еще одному сотруднику быстренько смотаться туда. А я между тем наседал на псевдогибэдэдэшника.

— Откуда форму взяли?

— Да это брат мой, он раньше в ГАИ работал, вот форма и осталась, а машину… угнали.

— Оружие где взяли?

— Купили, у кого не скажу, хоть режьте.

— Ладно, это нас пока не очень-то интересует. Зачем тебе перстень понадобился?

Геннадий прищурился, словно раздумывая, говорить ли ему правду или соврать.

— Что молчите, срок вы себе уже намотали, — подключился к разговору Загнойко, — так что будьте откровенны.

— Ну, это давняя история. Этот перстень мне жена подарила. Она у меня бизнесвумен. Это мы в ее доме на Дачном живем и ее деньги тратим. А я так, пропащий, как она говорит. Когда ее папа умер, тесть то есть, этот перстень она подарила мне. А буковки на нем — это инициалы ее деда, с которого, как она считает, и начался их род. Его в революцию раскулачили, он богато жил, а перстенек где-то заныкал. Когда из лагерей вернулся, откопал и носил до самой смерти. А мне она его подарила, будто бы этот перстень удачу приносит. Мне не приносил, а ей фора шла.

— Похоже, что вы не очень-то любите свою жену?

— А за что ее любить, курва она. Вот я и боялся, что если она узнает, где был найден перстенек, то разведется со мной. Я ведь сразу понял, где его потерял.

— Значит, вы подтверждаете тот факт, что в ту ночь, когда убили Решетову, были вместе с ней?

— Подтверждаю, но я ее не убивал!

Я аж поперхнулся от такой наглости.

— Вот наглец, мало тебе одной бабы, так ты еще и на жену Решетова позарился. Збруева тоже была твоей любовницей?

— Почему была? Я ее до сих пор люблю. А к Решетовой порой захаживал по старой памяти. Мы же с ней и с ее мужем в одном магазине начинали. Только он сейчас вон кто, а мы с Ольгой так никем и остались.

— А убивать-то Решетову было зачем?

— Да не трогал я ее, ну, покувыркались мы с ней, и все. Когда ее любовник укатил, я это увидел, решил зайти. Моя жена в командировке, почему бы не пообщаться со старой приятельницей? Пришел, она обрадовалась, выпили. Я уже был подшофе, она тоже. Посидели немного, переспали, и я ушел.

— А сидели где?

— Да у нее в комнате на втором этаже. А что, вы

перстень где-то в другом месте нашли?

— Да. В бассейне.

— Но мы с ней не купались. Зачем мне лишние разговоры, вдруг кто-то бы нас там увидел? Решетов если бы узнал, наверное, тут же меня и похоронил бы.

— Во сколько вы ушли от нее?

— Ну, не знаю, часа в два, наверное. Спать очень хотелось, а с ней я оставаться не хотел. Ну не люблю я после секса оставаться с бабой в одной постели.

— А как же с женой? Будете врать, отдадим вас Решетову.

— Честное слово, — Геннадий даже перекрестился. — Мы и с женой-то после этого спим в разных комнатах. Ну, бзик у меня такой…

— Откуда вы узнали, что перстень у меня? — Я сел напротив Бойко.

— Так я за Решетовым следил. Он фигура заметная, не перепутаешь. Я наутро узнал, что его жену нашли в бассейне мертвой. Подумал, все, конец мне. А потом оказалось, что менты считают, что она сама утонула. В доме никаких отпечатков не нашли, ни моих, ни этого, ее любовника. Все кто-то как будто специально стер. Почему она в бассейне оказалось, для меня тоже было загад-

кой. Утром я обнаружил и то, что перстень мой пропал. Все в своем доме облазил — нет его! Я тогда сильно пьян был и не помнил, надевал я его, когда к Решетовой шел, или нет. Дома не нашел, ну и подумал, что мой перстенек у нее в комнатке остался. Если его Решетов найдет, все равно ведь узнает, что это мой, тогда похоронит меня заживо, и наше прежнее знакомство не поможет. Следить за ним начал сразу же и увидел, как он к вам в офис приехал. Потом прислуга ихняя проговорилась, что вы перстень какой-то с буковками нашли, я сразу понял, что это мой. Захотел вернуть. Вы же его просто так не отдали бы?

— Так ты бы вразумительно сказал, что тебе было нужно, а то «где это?», «что это?», догадайся, мол, сам. Отдать бы не отдал, но хотя бы мы знали, чей он. — Я потер ушибленную голову.

— Ага, и меня бы все равно в кутузку.

— Один перстень — это еще не доказательство. Прямая улика, да.

— Вот и я говорю. Алиби-то у меня нет. Никто ведь меня у нее не видел.

— Хорошо, допустим, мы вам верим, но теперь вы себе не помогли, а только навредили, и срок вам все равно светит.

Загнойко вызвал конвой, и Геннадия увели.

— Ну что, тупик? — Полковник сел в свое кресло. Я нервничал и расхаживал по кабинету. И словно не слышал вопроса своего друга.

— Что-то долго твои орлы не звонят, нашли они Машу или нет.

— Обожди, рано еще. Сейчас попрошу чайку нам сообразить. Или лучше водки?

Я отказался и оттого и от другого.

— Не знаю, Ваня, что-то во всей этой истории не стыкуется, — сказал я. — Перстень я нашел в бассейне, Бойко говорит, что они в бассейне не были. Как же он тогда там оказался? Значит, он все-таки врет? Далее, зачем ему действительно ее убивать? Из-за того, что она стала женой Решетова? Может, это дело рук конкурентов Решетова?

— Мы отработаем эту версию, но ты знаешь, сколько у Решетова конкурентов? Боюсь, пока мы вычислим потенциального убийцу, пройдет куча времени и Решетова самого могут убрать… А по большому счету, зря ты ввязался в это дело. Деньги он тебе хотя бы заплатил?

— Заплатил, не пожадничал. Пожалуй, он действительно хочет найти убийцу. В отличие от вас.

— Ну, это ты зря. Повторная экспертиза показала, что сначала жену Решетова усыпили, а потом

бросили в бассейн. Так что мы тоже не сидим, сложа руки.

Тут у Загнойко заголосил мобильник. Он достал его из пиджака и поднес к уху. Выслушав, полковник сказал:

— Ребята говорят, что Маши там нет…

Я молча выскочил из кабинета.

* * *

Я гнал так, словно боялся опоздать. Выехав из города, помчался по трассе со скоростью, намного превышающей установленную правилами. Обгоняемые машины исчезали одна за другой, а встречные недовольно сигналили, удивляясь такому идиоту, который, видимо, очень хотел попасть на тот свет. По пути мелькали названия населенных пунктов и сами населенные пункты, и до Вешаловки оставалось уже всего ничего. И тут я увидел ее. Маша брела вдоль трассы по другой стороне дороги. Я резко развернул машину и подкатил к ней. Открыл дверцу. Маша сначала испугалась, но увидев знакомый автомобиль, удивилась. Села в салон. Я обнял ее она прижалась ко мне и заплакала. Я никогда не видел ее такой, погладил по голове. Внутри у меня все переворачивалось от жалости к ней, и я принялся

ее утешать.

— Все хорошо, все обошлось, — говорил я, целуя ее.

Она перестала плакать, слегка отстранилась и спросила:

— Почему?

— Ему нужен был перстень, который я нашел в бассейне у Решетовых. Но мы его поймали. Он рассказал, где ты, но опера тебя не нашли.

— Я так испугалась и не поняла, почему оказалась в каком-то сарае. Шла по улице, и вдруг, раз, я уже в другом месте. Наверное, он усыпил меня, и я ничего не помню.

— Это пройдет. Едем домой?

Она улыбнулась.

— Поедем к тебе?

Машина медленно тронулась, и мы поехали в город. Теперь я не гнал, а ехал тихо и осторожно. Она была со мной, и это было так славно. Я позвонил Загнойко и рассказал, что Маша нашлась и мы едем ко мне домой. Полковник был рад и сказал, что если выяснится что-то новенькое, он обязательно об этом сообщит.

Ночь мы с Машей провели вместе. Нам было хорошо вдвоем, и все невзгоды и печали остались далеко позади…

* * *

Утром меня разбудил тревожный звонок. Я вскочил с кровати, на которой спала Маша, и, взяв трубку радиотелефона, вышел на кухню. Звонил Загнойко.

— Привет, Серега, разбудил?

— Не важно, что-то стряслось?

— Мои ребята нашли неопознанный труп в лесополосе. Точнее, не они нашли, а местные жители, но это не столь важно, а важно другое. У него в кармане брюк обнаружилась бумаженция. На ней твоя фамилия и телефон твоей конторы. Подъезжай, посмотришь, может быть, узнаешь, кто это.

Я удивился. Загнойко отсоединился, а я все еще стоял с трубкой телефона в руках, а из нее доносились короткие гудки.

— Что-то случилось? — спросила Маша, когда я вернулся в спальню. Она уже не спала и была так хороша и притягательна, что я подумал, если бы не этот звонок, то обязательно бы занялся с ней любовью. Но…

— Звонил мой приятель из милиции, Иван Загнойко, и сказал, что они нашли убитого, у которого в штанах была обнаружена бумажка с

моим именем и телефоном. Что это может значить? Может быть, этот человек что-то хотел мне сказать? Кто ему дал мой телефон? Надо ехать, попробуем разобраться, что к чему.

— Давай я сделаю тебе кофе или чай?

— Завтракай без меня, Загнойко не любит долго ждать. Придется поторопиться.

Я сходил в ванную комнату, умылся, потом оделся и, поцеловав Машу, поспешил в отделение милиции к своему другу полковнику.

Загнойко радушно улыбнулся. Хотя веселиться повода не было.

— Рад тебя видеть живым и невредимым. Значит, так, сейчас поедете с Николаем в морг, труп неизвестного уже там, а на записочку ты можешь взглянуть, вот она.

Он подошел к своему столу, поднял папку, раскрыл ее и извлек оттуда двумя пальцами обрывок тетрадного листа. В руки мне листочек не дал, но я и так увидел на нем свою фамилию и номер телефона, написанные корявым почерком.

— Почерк мне неизвестен, — сказал я. — Ты думаешь, этот человек что-то хотел мне рассказать?

— Скорее всего. Иначе зачем ему твои координаты? Езжайте в морг, разгадка кроется там. Если

этот человек тебе известен, ты все поймешь сам.

В морге, холодном и светлом от кафеля на стенах и на полу, нас с Колей встретил санитар. Проводил к столу, где лежал труп. Странное это все же слово. Как бы это уже и не человек вовсе, а лишь одно тело. Так оно, в принципе, и есть, но можно было бы сказать об этом как-то теплее. Николай остался у стены, а я подошел к столу. Тело было накрыто белой простыней. Я поднял ее и отпрянул. Передо мной лежал… «Тарзан» — Максим Онопко. Его лицо резали ножом — несколько глубоких шрамов даже успели затянуться. А тело было покрыто синяками. И тут словно что-то щелкнуло в моей голове. И все стало складываться в единую картинку. «Так вот почему он так усердно хотел, чтобы мы вышли на так называемого убийцу!» Я схватил мобильник, быстро набрал номер Решетова:

— Вениамин Петрович, вы где?

— О, Сергей Борисович, рад слышать. Что случилось?

— Нет времени говорить. Где ваш телохранитель Олег?

— У него сегодня выходной, а что?

— Скажите, в ту ночь, ну, когда погибла ваша жена, он был с вами?

— Нет, а что? Я его отпустил. Он говорил, что у него мать заболела. Да что случилось-то?

— Спасибо, я вам потом перезвоню.

Я набрал номер Загнойко.

— Ваня, я узнал человека, которого нашли местные аборигены в лесу. Это любовник Решетовой, тот, которого ей подкладывал ее муж в постель. Ну, помнишь, я тебе о нем рассказывал? У меня к тебе просьба, не мог бы ты послать кого-то ко мне в офис. Маша там одна.

— Что за паника? Есть основания чего-то опасаться?

— Есть.

— Слушай, мои все на происшествии, я сейчас сообщу дежурному, он пошлет туда наряд милиции. Да ты не беспокойся, все будет тип-топ.

Николай озадаченно посмотрел на меня.

— Все в порядке?

— Да ни черта не в порядке. У тебя оружие с собой?

— С собой.

— Едем к нам в офис, я уверен, что он придет туда.

— Кто?

— Убийца Решетовой.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я уже знаю, кто он, а он придет туда за мной. А Маша приедет на работу. Что она сможет сделать одна против здоровенного мужика?

Мы выскочили из морга и резво забрались в мою машину. Взревел мотор, словно потревоженный зверь, и мы помчались по дороге в офис. Слава богу, в это время «пробок» на дорогах еще не было, и через двадцать минут мы благополучно подкатили к моему офису.

Неподалеку стояла патрульная машина милиции, но самих сотрудников там не было. Сердце у меня ушло куда-то вниз и застучало быстро-быстро. Я вдруг отчетливо понял, что опоздал. Он уже там… с Машей.

— Что за черт? — ругнулся Николай.

Мы вошли в офис. Один из милиционеров лежал на полу, второй с пистолетом в руке пытался оказать ему помощь.

«Окна в кабинете зарешечены, значит, ему отсюда не уйти, — пронеслось у меня в мозгу. — Из нашего офиса есть только один выход, но его перекрываем мы. Что же он предпримет?»

— Он там? — спросил я у постового.

— Да, но… он не один, там какая-то девушка. Мы когда вошли, он схватил ее и… вот.

— «Скорую» вызвал? — спросил Николай, доставая из кобуры пистолет.

— Да рацию мы в машине оставили, мы же не думали, что здесь такое, а мобильники мы в дежурку сдаем, приказ начальства. А ваш аппарат…

Я кинулся к телефону, поднял трубку, но там царила оглушающая тишина. Провод был перерезан и болтался, словно хвост крысы.

— Черт знает что, — выругался я в сердцах. Достал свой мобильник и позвонил Загнойко. Николай в это время со своего уже звонил в «скорую».

Раненый милиционер тихонько застонал.

— Куда его? — спросил Николай и наклонился над патрульным. Синяя рубашка того медленно темнела.

— Вот блин.

— Эй ты, — заорал я, — если с ней что случится, я сам тебя убью!

— А это ты, — раздалось из-за закрытой двери. — Где же ты был? Пришлось вот твою сучку взять. Отпустите меня, и она мне не нужна.

Я озверел. Мою Машу, МОЮ Машу уже второй раз берут какие-то уроды! Разве такое может быть? Я представил на миг, что почувствовала

она, когда опять случилось страшное. И мне стало не по себе.

— Дай мне пистолет, — закричал я Николаю, — я сам его Убью.

— Без паники. — Коля оказался более рассудителен. — Что сказал вам мой начальник?

— Сказал, что сейчас приедет ОМОН. А ты «скорую» вызвал?

— Конечно.

В это время в кабинете раздалось какое-то шевеление.

— Значит, так, — послышался голос телохранителя Олега, — вы даете мне машину, полмиллиона зеленых, и я ее отпускаю.

— Ты, сволочь, ты не боишься, что я позову твоего хозяина? Он тебя в порошок сотрет за свою жену, — бросил я.

— Не сотрет. Он козел. Я, может быть, ради него и старался. Она же, сучка, под любого ложилась, только пальцем помани. Я тоже ее трахал. Она мне в любви клялась, а сама… А он? Он же ей сам любовников подыскивал. Разве это мужик? Он считает меня идиотом, но я не идиот. Она говорила, убей его — и все будет наше, а сама, падла, пообещала этого своего любовника облагодетельствовать. Он мне во всем сознался, когда мы его

на ремни резали. Но я об этом уже знал. Как после этого верить бабам? Все они мрази, и твоя сучка тоже мразь…

— Ты что, ее утопил? — Николай отстранил меня, уже еле сдерживающегося.

— А вы разве до сих пор так и не поняли? — Олег засмеялся. — Я сначала налил ей снотворного в стакан в ее комнате на втором этаже, потом все следы стер, думал живьем закопать, чтобы помучалась, когда проснется. Когда следы везде стирал, нашел перстень очередного ее трахателя, тогда и подумал, что лучше Снежану Игоревну бросить в бассейн, чтобы подумали, что она утонула. Я его видел у ее корешка. Раздел ее, она ведь любила голой купаться. Туда же кинул и перстенек, чтобы ясно было, кто ее убил. Вот так. А ментам оказалась выгоднее моя версия, и никто кроме тебя, козла, не стал ничего искать. А ты нашел. Упорный.

В это время звякнул колокольчик, и вошли медработники. Один из них быстро сообразил, в чем дело, и жестом указал на улицу.

— Эй, вы чего там? Если будете меня штурмовать, я ее прикончу.

— Это за раненым приехали, — прокричал Николай. — Зачем же ты постового подстрелил-то,

чудила, это же уже другая статья.

— А чтоб не лезли, мудаки… Мне теперь на все насрать с высокой башни. Всю жизнь меня за дурака держали, да зря. Иван тоже был дурак, да всех вокруг пальца обвел. Вот так!

«Люди в белых халатах», а точнее, в синих комбинезонах подняли милиционера, погрузили на носилки и молча вынесли его на улицу. Я придержал дверь ногой, чтобы не звякнул чертов колокольчик. Черных духов он все равно уже впустил и не уберег Машу от них. Санитар обернулся и показал на подъехавший минивэн, из которого вылезали омоновцы. Те уже были в курсе дела, поэтому действовали слаженно и организованно. Последним из фургончика выбрался Загнойко. Лицо его было сосредоточенным и хмурым.

— Коля, подержи дверь, — прошептал я и вышел из офиса.

— Штурмовать нельзя, он с ней внутри в моем кабинете. Он ее убьет.

— Что ты предлагаешь?

Я сощурился от яркого солнца. В офисе было прохладно и полутемно.

— Не знаю.

— Снайпер?

— Там в кабинете жалюзи, боюсь, он ничего

не увидит.

— Тогда что?

— Он хочет машину и полмиллиона долларов. Можно сказать, что все есть. Когда выйдет будете брать.

— Ты же знаешь, что на уступки таким ублюдкам идти нельзя. Да и где ты такие деньги возьмешь?

— Деньги я возьму у Решетова. А может быть, его сюда пригласить? Пусть посмотрит, чем занимается его телохранитель. Ведь это он убил его жену. Они, оказывается, тоже были любовниками. Но она ему предпочла Максима, ну, того, жиголо, о котором я тебе рассказывал. Это Олег ее сначала усыпил, что и показала ваша экспертиза, чтобы потом живой закопать, но передумал и скинул в бассейн. Все просто. Говорит, что сделал это для пользы хозяина. Ведь она предложила ему убрать Решетова, он не согласился, тогда она предложила себя и все состояние Максиму, если тот уберет Решетова. Не получилось…

В это время в офисе что-то произошло, раздался звон разбитого стекла, потом жуткий женский крик.

Я тут же бросился внутрь, Загнойко поспешил за мной. Омоновцы тоже.

Дверь в кабинет была распахнута настежь, Коля уже был там. На полу лежали два тела. Телохранителя с размозженной головой и Машеньки. Она была бледная, но живая. Я ворвался в кабинет, кинулся к ней. Схватил на руки, приподнял. Поцеловал. Она открыла глаза.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю, Сережа. Он сидел напротив меня в твоем кресле, потом вдруг разбилось окно, а он… он упал. Я закричала и тоже… упала.

— Стреляли оттуда, — Николай махнул рукой на разбитое окно. — Что у вас там?

— Жилой дом.

— Это не наши, — сказал заглянувший в кабинет Загнойко, — ты же сам сказал, что снайпер ничего оттуда не увидит.

— Значит, увидел.

Загнойко скомандовал, омоновцы кинулись к дому, из которого стреляли. Но, как потом оказалось, зря. Киллер скрылся, оставив напоследок лишь винтовку с оптическим прицелом.

* * *

— Не может быть! — закричал Решетов. Вот уже несколько минут он, Загнойко и я беседовали в кабинете полковника в отделении милиции.

— Я вам еще раз говорю, — сказал я, — что вашу супружницу убил ваш же телохранитель. А потом кто-то убрал и его. Естественно, мы полагаем, что это было сделано с вашего ведома. Разве не так?

— Ну, вы даете, зачем же мне его убивать?

— Так вы же сами сказали, что любого уничтожите за свою жену. Вот и…

— У вас нет доказательств. Даже если это сделали и по моему приказу, вы ничего не докажете. Я тут ни при чем.

Поэтому разрешите откланяться. Вторую часть заработанных вами денег вам отдаст мой новый телохранитель.

Бизнесмен поднялся и, зыркнув своими глазами-угольками, вышел из кабинета.

— Каков наглец, а? Иван, и ведь он прав. Косвенных улик сколько угодно, а прямой — ни одной.

Загнойко улыбнулся.

— Понимаешь, за все надо платить. Телохранитель убил его жену, киллер положил его телохранителя. Я думаю, цепочка когда-нибудь замкнется, и об этом человеке мы услышим, что его тоже уже не существует в этом мире. Да, привлечь его мы не можем, но судьба и время все расставят на свои места. Поэтому успокойся и радуйся жизни.

В это время в дверь кабинета постучали, и вошел новый телохранитель Решетова. Такой же громадный и крепкий. В руках у него был дипломат. Он положил его на стол, открыл, достал деньги. Все это он делал молча, а мы с Загнойко наблюдали за ним с интересом. Когда он удалился, я хмыкнул:

— Не понимаю, где он находит таких вот бугаев. У вас в органах таких, пожалуй, и нет, а?

Загнойко усмехнулся.

— Вот, ты уже и шутишь — значит, все нормально.

— Да, Иван, спасибо тебе за помощь, можешь эти деньги оставить себе и своим ребятам. Вы нам здорово помогли.

— Ты знаешь, что денег нам брать не положено, скажут, что это взятка, лучше ты нам на них ремонт сделай в отделении, сам знаешь, как мы тут живем.

— Хорошо, как скажешь.

— Кстати, а как ты догадался, что это сделал Олег? — Загнойко слегка прищурился.

— Во-первых, он все время подталкивал меня к раскрытию этого преступления. Мнимому раскрытию. Сначала подсунул мне охранника, который дежурил в ту ночь в поселке, потом

жиголо, алиби которого, кстати, действительно подтвердил усатый таксист. Я его разыскал, и он все удостоверил. Во-вторых, он знал и о перстне, найденном мною на дне бассейна. И тогда он решил, что все — Дело пошло по нужному пути. Я найду владельца перстня, им окажется Геннадий, которого Олег тоже очень хорошо знал, и Решетов на этом успокоится. То, что произошло между ним и Снежаной Игоревной, в его расчеты не входило; он, похоже, очень сильно рассчитывал на ее помощь и, похоже, задумал убрать Решетова, а тут вдруг она ему как бы изменила. Предложила то же самое Максиму Онопко. Мне Онопко про это не сказал — видимо, думал, что Олег об этом ничего не знает. Но, как оказалось, тот уже знал о «лестном предложении» Снежаны Игоревны. Почему она изменила это свое «коммерческое предложение», не совсем понятно. Скорее всего, Олег где-то допустил ошибку. Женщины порой бывают так коварны! Онопко хотел мне об этом поведать, но не успел… Ну, а в-третьих, когда я увидел труп Онопко, я позвонил Решетову, и тот сказал, что Олега в тот день и ночь рядом с ним не было. И тогда я понял, что убийца Снежаны Игоревны — он. Я понял, что он это тоже понял, и помчался к себе в офис. Но он меня опередил.

— Хорошо то, что хорошо кончается.

Мы обменялись рукопожатиями, и я вышел из кабинета.

* * *

Маша ждала меня дома. Она приготовила ужин, накрыла на стол. И села на диван. После всего пережитого, ей хотелось одного: чтобы я был рядом и больше никуда не уходил.

Я по дороге заехал в магазин, купил огромный букет ярко-красных роз, шампанского. В ювелирном — кольцо с бриллиантом. И поспешил домой. По дороге позвонил матери.

— Мама, я женюсь!

— Ты это… действительно? Ты не болен?

— Я болен мама, я болен ею!

— Это Маша?

— Да, она!

— Мы рады за тебя. И скоро приедем. Без нас свадьбу не играйте, хорошо?..

— Обещаю.

Я ворвался в свою квартиру как вихрь, как ураган, и подхватил женщину своей мечты на руки. Она поцеловала меня и заплакала.

— Какой же ты дурачок, ведь я сразу тебя полюбила.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Мог бы и не спрашивать, конечно да!

— Наша жизнь изменилась. Если бы не Решетов, мы бы так и оставались чужими друг другу, но теперь ты моя, и я рад этому и очень тебя люблю.

Вот и все…

История вторая
ПЕРСТЕНЬ С БУКОВКАМИ

Он сидел на лавочке в Нижнем парке и жмурился от яркого солнца. Была весна. Снег почти сошел, обнажив многочисленные окурки, пластиковые бутылки и собачьи фекалии, но это никак не отражалось на его настроении. Ему было хорошо. Просто хорошо. Жена уехала в командировку, оставив его одного, и он радовался этому. Как радуются свободе зэки, выглядывая из-за зарешеченных окон тюрьмы. Иногда ему хотелось развестись, но, если бы он расторг семейные узы, пришлось бы довольствоваться низкой зарплатой и, вероятнее всего, отсутствием жилья. Ведь это жена обеспечивала их семейный достаток, и обеспечивала его, надо признать, неплохо. Он ездил на пятисотом новеньком черном «Мерседесе», а жили они в двухэтажном особняке в элитном поселке на Дачном. Недавно, правда, его чуть не упрятали за решетку. Был грешок, но деньги супруги решили все проблемы. Он отделался легким испугом и условным сроком. Жена, конечно, ругалась, но почему-то не подавала на

развод. Кто их поймет, этих баб?

А сейчас он на две недели остался один. И было ему хорошо. В кармане куртки лежал лопатник с неплохой суммой денег, на работу идти пока было не надо. Вот оно, счастье загнанного и забитого семейными узами мужика. И он решил оторваться в эти две недели по полной. Склеить каких-нибудь девок и спать с ними все эти дни, пропивая заработанные честным трудом супруги деньги.

Ее он заметил сразу. Он еще этого не понял, а мозг уже сработал. Она шла по уютной аллее парка и улыбалась. Чему-то своему, известному только ей. Ее красивые стройные ножки вызвали в нем непреодолимое желание, и он, повинуясь этому желанию, встал и двинул за ней. Вся ее точеная фигурка, облаченная в сиреневое пальтецо, была, можно сказать, на виду, и ему очень сильно захотелось обнять ее за талию. Но правила приличия, еще сохранившиеся в подсознании, все же пересилили, и он просто спросил:

— Девушка, а девушка, а как вас зовут?

Она обернулась.

— Лена.

— А меня Гена. (Чуть не добавил: «ну и дура», как в фильме «Джентльмены удачи», хотел

схохмить, но вовремя одумался.) Можно с вами познакомиться?

— Так вы уже познакомились.

— Тогда давайте не будем ходить вокруг да около. Можно пригласить вас сегодня в ресторан?

— Можно. Но…

— Вы «придете не одна, а с кузнецом»?

Она рассмеялась.

— Нет, просто мне надо съездить домой, переодеться, например.

— Давайте так, сегодня в семь часов вечера я буду вас ждать у ресторана «Вечерняя серенада». Согласны?

— Согласна. Но я могу и опоздать.

— Я подожду…

* * *

— И вас не насторожило, что она вот так сразу согласилась пойти с вами в ресторан? — спросил я. А я — это, как вы уже, наверное, догадались, частный детектив Сергей Борисович Плетнев.

— Не знаю, редко ведь встречаешь таких женщин. Ярких и красивых.

Геннадий Бойко, а это был именно он, сидел сейчас в моем кабинете и рассказывал мне слезную историю, про то, как… впрочем, вот его рассказ.

— Она приехала в начале восьмого. И выглядела даже лучше, чем там, в парке. Я понял, что она послана мне судьбой. Мы вошли в ресторан. Я заказал устриц, шампанского, но много не пил — я же был за рулем. Она, кстати, тоже, что мне даже понравилось. Не люблю сильно пьющих баб. Они в постели становятся либо очень пассивными, либо чересчур агрессивными. В кабаке этом мы просидели часа три, а потом я пригласил ее к себе домой. И не удивился, когда она согласилась. Такое бывает редко, но я думал, что это тот самый случай, когда наши сердца запели в унисон. Мы сели в мой «мерин» и покатили ко мне на хату. Я специально снял на две недели квартирку, чтобы не водить девок в наш дом. Если жена узнает…

Приехали, машину я оставил во дворе, мы поднялись ко мне. С собой я взял еще шампанского. Выпили, а потом… как отрубило. Утром проснулся, а ни лопатника с деньгами, ни часов золотых, ни перстня с буковками, уже известного вам. Что делать? В милицию не пойдешь, жена узнает, а вы все же частный детектив. Помогите, а? Мне денег не жалко, часов тоже, перстень бы вернуть…

— Да уж, — сказал я, потирая затылок, по которому этот самый Геннадий саданул меня в подъезде моего же собственного дома прошлым

летом. И все из-за этого перстенька. А еще он похищал у меня мою невесту, Машу, которая сейчас сидела в приемной нашего офиса. И после всего этого помочь ему?

— Ладно, кроме имени, что известно об этой девушке?

— У меня вот фотография ее есть. Снял ее на мобильник, когда она этого не видела. Сам не знаю, как получилось, но, наверное, как чувствовал…

— Фотография? Это хорошо. Это уже меняет дело.

Бойко достал распечатанную с мобильного телефона фотографию и положил передо мной. Качества она была неважнецкого, но лицо различить можно.

«А девушка и впрямь хороша. Неудивительно, что Бойко позарился на нее», — подумалось мне.

— Ну, беретесь? — Геннадий умоляюще посмотрел на меня.

— Хорошо, — сказал я, — берусь. Но деньги вперед.

— Конечно, конечно. — Он полез в карман и вытащил перевязанную пачку долларов.

— Здесь две тысячи.

— У меня к вам еще один вопрос, Геннадий. В городе несколько детективных агентств, почему

вы пришли именно ко мне?

— Репутация у вас незапятнанная, да и в некотором смысле мы уже с вами как бы знакомы…

— Да уж. Познакомились…

— Ну, простите, не со зла я все это делал. Я же вам говорю, жена, стерва, если прознает, что я опять… в общем, кранты мне тогда. Выгонит без выходного пособия. А то еще мужиков наймет, чтобы меня избили, чтобы я инвалидом помер.

— Не наговаривайте на вашу супругу, она и так уже, наверное, икает.

Мне на миг показалось, что Бойко чего-то недоговаривает, но мысль эта как-то промелькнула, а потом спокойно улеглась в тайниках моего мозга.

— Еще мне необходимо осмотреть место, так сказать, происшествия. То есть квартиру, где вы встречались с ограбившей вас девушкой.

— В любой момент. Могу даже ключи оставить, сами туда съездите и все посмотрите. Запишите адрес.

Я записал адрес, Геннадий положил ключи на стол.

— Сергей Борисович, сами понимаете, что это должно остаться только между нами. Хорошо?

— Об этом не беспокойтесь. Но у меня еще один

вопрос к вам. Там, в ресторане, где вы кушали устриц, к вам никто не подсаживался? Вы никого не запомнили?

— Нет. Все время сидели одни. И еще я заметил, что она вела себя там так, будто не впервые пришла в это заведение. И если вы думаете, что у нее был подельник и он находился в этом же ресторане, то это, наверное, зря. А запомнился — бармен за стойкой. Щуплый такой мозгляк. Я к нему несколько раз подходил. А он, наверное, нас тоже запомнил, потому что вышла у нас с ним не очень хорошая история.

— В каком это смысле?

— Да он на Ленку так смотрел, что я не выдержал. И раз его предупредил, и два, а потом и саданул по морде.

— Понятно. Тем более я полагаю, что побывать в «Вечерней серенаде» очень даже стоит. И если эта барышня занимается такими делами, то она могла попасть в поле зрения милиции. Ладно, Геннадий, мы все проверим и с вами свяжемся.

Бойко, поняв, что аудиенция окончена, вышел. Я положил его ключи в карман и решил, что сначала съезжу в ресторан, а уже потом к нему на квартиру. Вошла Маша.

— Сережа, — сказала она, — зачем он прихо-

дил?

— Видишь ли, его обокрали.

— И ты станешь ему помогать после всего, что он сделал? Ты забыл, как он похитил меня?

— Не забыл, а еще я помню, как он напал на меня в подъезде, но такова жизнь.

— А почему он не пошел в милицию?

— Не хочет, чтобы об этом узнала его супруга. Она у него ух!.. — Я сжал кулак и улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, что я не такая?

Маша кинулась ко мне. Я обнял ее и поцеловал.

— Ты другая, ласковая и добрая. Кстати, ты не забыла, что через две недели у нас свадьба?

— Такое не забудешь… Ладно, выкладывай, что у него похитили?

— Деньги, часы и снова перстень.

— Господи, да кому он нужен-то?

— Вот и я об этом подумал, но так и не понял, кому и зачем? Полагаешь, что с этим перстенечком что-то нечисто?

— Как знать, как знать. А чья это такая позорная фотка? — Маша увидела лежащую у меня на столе фотографию.

— С этой женщиной он и провел чудно время, а потом его обокрали.

— Она что, клофелинщица?

— Вот это, дорогая моя, тебе и предстоит выяснить. Пробей по милицейской базе данных некую Елену, и это фото тебе в придачу, а я поеду в ресторан «Вечерняя серенада». Может быть, ее там тоже кто-то видел?

— Сейчас размножу этот «удивительный лик»…

Я подождал, пока Маша из одной фотографии сделала две, и, когда она отдала мне образец, поехал в ресторан.

* * *

Весна все же удивительное время. Ото сна просыпается природа, да и люди начинают смотреть друг на друга несколько иначе. Пока я ехал к ресторану, подметил про себя сей удивительный факт. А сколько красивых женщин стояло на тротуарах или ехало в машинах. Смотреть на них было одно удовольствие, но только смотреть, потому что дома меня ждала самая лучшая из женщин — пока еще моя невеста, Маша.

Возле ресторана я припарковал свой автомобиль, вылез из уютного и теплого салона машины. Место парковки было расчищено до самого асфальта, и я, не опасаясь испачкать

туфли, двинулся к питейному заведению. У входа я остановился, на брелоке нащупал кнопку сигнализации. «Мало ли что». Нажал. Машина отозвалась веселым переливом. И вошел в ресторан.

У барной стойки сидели двое парней в кожаных прикидах. В зале за столиками еще несколько человек. Я вспомнил, как приезжал сюда летом, теперь обстановка слегка изменилась. Видимо, все же сказывался кризис. Люди по ресторанам стали ходить меньше.

Негромко музыка играла…

Я подошел к барной стойке.

— Что угодно? — спросил бармен. Оставив «кожаных», он оказался рядом даже слишком быстро.

— Апельсиновый сок, пожалуйста.

Бармен несколько поскучнел, но сок налил. Я достал фотографию разыскиваемой девушки.

— Не видел здесь такую?

Бармен глянул на фотографию, потом покачал головой:

— Не, такие к нам не ходят.

Я посмотрел на него внимательнее и понял, что, скорее всего, я на правильном пути. «Щуплый мозгляк» — это описание из уст Бойко подхо-

дило к бармену как нельзя лучше. Да и глазки у бармена сверкнули — по всей видимости, он все же узнал девушку. Я достал пятьсот рублей и положил на стойку.

— А теперь?

Бармен взял фотографию в руки, посмотрел внимательно.

— Честное слово, не видел. — Но деньги со стойки исчезли.

Я достал еще пятьсот рублей.

— Если хотя бы намекнешь, получишь и эту купюру. — Итак?

Но бармен не успел ничего сказать. Рядом со мной оказались двое парней в кожанках. Они были сильно пьяными.

Один еле стоял на ногах, но еще хорохорился, а второй поддерживал его под локоть.

— Тебе чего надо, чувак? — спросил тот, что еще хорохорился.

— Да вот бабу свою ищу, а что?

— Ищи ее в другом месте, понял?

— А иначе что?

— Ну, ты достал…

Кожаный попытался ударить меня в лицо, но я отскочил в сторону и ответил контрударом. Надо сказать, что координация у кожаных была

нарушена. Поэтому нападавший от моего удара стал валиться на спину. Его товарищ еле успел его удержать. Оттолкнувшись от него, буйный выпивоха вновь бросился на меня. Я встретил его кулаком в челюсть. Мужик пошатнулся и отступил. Но потом вновь ринулся в атаку. Его собутыльник едва успевал ловить своего товарища, не давая ему упасть на каменный пол. А тот вновь и вновь кидался на меня и все время получал достойный отпор. В конце концов удачным апперкотом я послал его в нокаут. Кожаный упал, собрав по пути барные стулья. Его товарищ повалился следом за ним. Потом приподнялся и, склонившись над упавшим, попытался привести его в чувство. Тот что-то промычал и вдруг захрапел.

Я повернулся к бармену, тот испуганно отпрянул от меня.

— Итак?

— Ну, была она здесь пару дней назад. Веселая такая, с каким-то кренделем. Я его почему запомнил, он ко мне несколько раз подходил, требовал, чтобы я на его женщину не смотрел. А я и не смотрел, нужна она мне. А ему почему-то вздумалось, что я от нее чего-то хочу. Ну, мы и подрались.

«Пожалуй, до драки дело не дошло. В Бойко как

минимум сто двадцать килограммов, он бы уложил тебя одним ударом», — подумал я и спросил:

— А сидели они где?

— Вон за тем столиком, мне отсюда их хорошо было видно. Людей сейчас не много ходит, вот и запомнились. А еще эта девица все время подмигивала какому-то парню. Он вон там сидел. Но лица я его не запомнил, там темно было.

— А девушка эта к вам часто приходит?

— Нет, раза два-три была, и все. Но хорошенькая такая, я бы ей…

«Ну вот, а говорил, что не смотрел…»

Я отдал ему пятисотку и вышел из ресторана. Я посчитал, что прокатился сюда не зря. И то, что узнал, подтверждало мою версию о том, что девушка эта специализируется на кражах у таких, как Бойко, ловеласов. Только вот искать ее было проблематично. В городе более сотни кафе и ресторанов. Где в очередной раз она поймает в свои сети очередную жертву? Оставалось уповать только на то, что эта деваха действительно засветилась в базе данных милиции.

Я сел в автомобиль и позвонил по мобильнику Маше.

— Знаешь, дорогой, ты оказался прав, я нашла ее. Только я уже дома, приезжай, здесь все об-

судим.

Интуиция меня не обманула…

* * *

Пока я ехал домой, позвонила мама. И хотя жили они с отцом за границей, слышал ее великолепно.

— У вас все нормально? — спросила она.

— А почему ты интересуешься? — удивился я.

— Да вот отец наслушался новостей про вашу Россию и теперь боится, что свадьбы не будет.

— Мама, он как всегда паникует. Свадьба состоится в любом случае, даже если взорвется весь город или случится конец света.

— Ты так ее любишь? — Мне показалось, что она улыбнулась.

— Да, жить без нее не могу.

— Желаем вам счастья, сынок. И на свадьбу мы обязательно приедем… Но только, пожалуйста, не откладывайте, а то мой шеф говорит, что больше меня не отпустит.

Свадьбу мы действительно откладывали уже два раза, возникали различные обстоятельства, но теперь она должна была состояться точно.

Подъехав к дому, я вылез из машины и поспешил к себе. У подъездной двери я обернулся и

заметил сдающий задом черный «Мерседес». Номер был залеплен грязью, а кто сидел за рулем, через тонированное стекло было не видно. Да мало ли их тут ездит…

* * *

— Итак? — спросил я, присаживаясь на стул на кухне в предвкушении чего-то вкусненького.

Маша открыла духовку, осторожно достала оттуда глиняные горшочки. Поставила их на стол.

— Сегодня у нас картошка с мясом, — сказала она, снимая рукавицы, которые надевала, чтобы не обжечься.

— Обожаю. Но не томи, нашла ты нашу красавицу?

— Да. Зовут ее Вера Селезнева. А вовсе не Елена, как она представилась твоему товарищу.

— Да не мой он!

— Не важно. Но оказалась она не совсем в той базе данных, где ты велел мне ее искать. Но это тоже не столь важно. Ты кушай, кушай. А важно то, — Маша подняла палец вверх, — что живет она на улице Космонавтов, дом сорок. То есть недалеко от ресторана, где с этим твоим товарищем и сидела.

— Ну и что? — Я отложил вилку.

— Может быть, и ничего, это простое совпадение, а может, это и не случайно.

— То есть ты хочешь сказать, что где живет, там и крадет?

— Хм, получается так. Смешно?

— Не очень. Но что это нам дает? Геннадия обчистили на его собственной квартире, а не в ресторане. И это он предложил ей поехать в «Вечернюю серенаду», а не она ему.

— Это с его слов, а мне кажется, что это она ему предложила поехать именно туда. И подельнику хорошо, далеко ходить не надо. Вышел из дома, посмотрел, кого его зазноба «захомутала», оценил, дал добро. И все, мужик «попал».

— Ерунда какая-то.

— Может, и ерунда, но что-то в этом определенно есть. Ладно, ты кушай, а то все остынет. А что это у тебя с руками?

Я взглянул на свои сбитые костяшки пальцев.

— Ты дрался?

— Да. В ресторане двое пьяных привязались, пришлось их слегка утихомирить. Ничего, до свадьбы заживет.

Она улыбнулась, а я с усердием принялся за картошку с мясом, прокручивая в голове все, что узнал сегодня. А прокручивать было что.

* * *

На следующий день я съездил на квартиру, которую снимал Бойко. Ничего примечательного там не нашел. Обычная квартирка, какую может позволить себе снять человек, зарабатывающий больше тысячи долларов в месяц. Потом позвонил ему и сказал, что его нехорошая «зазноба» нашлась.

— Так быстро? — удивился он. — Вы просто специалист своего дела. Не зря я обратился к вам.

— Да ерунда, старые связи и так далее… — брякнул я, отмечая, что Бойко мне льстит. — Я предлагаю вам подъехать часикам к семнадцати на улицу Космонавтов, дом сорок. Я тоже подкачу туда. И мы вместе посмотрим на вашу «красавицу». Годится?

— Конечно, конечно. Мне бы перстенек вернуть, и больше ничего не надо.

Дом, где жила Елена, или Вера Селезнева, представлял собой обычную серую пятиэтажку с унылыми окнами. Во дворе все еще лежал грязный снег, и к трем подъездам этого дома вели присыпанные песком дорожки. Я подкатил к одному из подъездов, вылез из машины. Бойко запаздывал.

Я прошелся вдоль дома, отмечая про себя, что такая «хрущоба» явно не вяжется с образом «Елены Прекрасной», обманывающей бестолковых мужиков. Хотя как знать. Я вспомнил, как, работая в органах внутренних дел, столкнулся с интересным случаем. В общаге жил пенсионер. Старика убили, и все, что злоумышленники нашли ценного в крохотной квартирке, унесли. А при осмотре места происшествия один из оперов в старом, провонявшем матрасе случайно обнаружил более миллиона рублей. Зачем старик мучился, живя в таких стесненных условиях, при этом почивая на приличных, даже по сегодняшним меркам, деньгах, было не совсем понятно. Родственников у него не нашлось, и хоронить бедолагу пришлось за казенный счет. А деньги и крохотная квартирка отошли государству.

Наконец к дому подъехал и Бойко. Он вылез из своего «Мерседеса», сверкавшего на солнце полировкой, и, наступив ногой в прошлогоднее собачье дерьмо, недовольно поморщился.

— Рад приветствовать вас, Сергей Борисович, — сказал он. — И вы полагаете, что она здесь живет?

— Не полагаю, а знаю. Этот адрес числится в милицейской базе данных, и девушка с вашей

фотографии живет именно здесь. В квартире пятнадцать. Это пятый этаж. Так что пойдемте.

Бойко вытер ботинок о снег и поспешил за мной. Здесь металлической двери не было, и мы беспрепятственно вошли в подъезд. Обшарпанные стены, мусор на лестничных площадках. Да, нелегкая жизнь у жильцов этого дома. Дверь в квартиру пятнадцать говорила о хозяевах квартиры как нельзя лучше. Было видно, что замок здесь меняли много раз, и сейчас она держалась на честном слове. Ни звонка, ни глазка в двери не было.

— Притон здесь какой-то, что ли? — Бойко скривился.

Я громко постучал в дверь. Некоторое время было тихо, потом за дверью кто-то зашевелился.

— Чего надо? — раздалось оттуда.

— Это соседи ваши снизу. Вы нас топите. — Я посмотрел на удивленного Бойко и добавил шепотом: — Иначе не откроют.

— У нас все нормально. Можете сами убедиться.

Дверь распахнулась, и на пороге возник опухший от пития мужик в семейных трусах.

— У нас и в ванной льет, и на кухне. — Я вошел в коридор с облупившейся краской на стенах.

— Ну, иди смотри.

Бойко остался в коридоре, а я пошел вперед. В одну комнату дверь была закрыта, а в другой я увидел сидящую ко мне спиной на диване женщину.

— Геннадий, идите-ка сюда. Вот она — ваша «красавица».

Мужик в трусах, ничего не понимая, устремился к нему. Подошел Бойко. Женщина обернулась. Вроде бы это была она, а вроде бы и нет. Одета она была неряшливо, сальные волосы спадали до самых плеч. За три дня она не могла так измениться.

— Вам чего? — прошамкала она.

Бойко отшатнулся.

— А… вы кто? — спросил он.

— Нет, это вы кто? — мужик в трусах словно очнулся ото сна. — А ну пошли отсель.

Он кинулся на меня, и мне ничего не оставалось, как применить силу. Мой кулак врезался в челюсть выпивохи, и тот с грохотом повалился на пол. Женщина вскочила.

— Ты чего делаешь, падла! — завопила она.

— А ну, рассказывай, где мой перстень? — сказал Бойко.

— Чего? — косматое чудо оторопело.

— Куда мои вещи дели? Что, не помнишь, как три дня назад меня со своим фраером обчистила?

— Это не она, это сестра ее. — Мужик присел на корточки. — Так бы сразу и сказали, что менты, а то текет у них… Сестры они, близнецы. Только Верка уже давно этим не занимается. Сами видите, не товарный вид у нее. А сестра ее все остановиться не может. Уже пять лет как. Мы ей сколько раз говорили, что добром это не кончится.

— То есть вы хотите сказать, — удивился я, — что у вашей… э… супруги есть сестра? Которая тоже занимается кражами?

— Да, а что? Кто как может, так и живет. Верка два раза была судимая. Сейчас с этим делом завязала. А сеструха ее на свободе гуляет. Иногда вещички украденные нам приносит. Мы их продаем. На то и живем.

— Ничего не понимаю, — Бойко почесал затылок. — Значит, перстня тут нет?

— Ваша сестра была здесь два или три дня назад? — спросил я у женщины.

— Ну, была, а что?

— Приносила что-то с собой?

— Приносила.

Я кивнул Бойко на закрытую дверь в другую комнату.

— Посмотрите там, вдруг да что найдется. Наверняка краденое они туда прячут.

Бойко ушел в другую комнату. Мужик поднялся и сел рядом со своей ненаглядной на продавленный диван. На журнальном столике громоздились водочные бутылки и две открытые консервные банки собачьего корма.

— Ваша сестра сказала, когда придет еще?

— Нет, не сказала. Она приходит, когда захочет. И вообще, пошли вы на фиг. Что вам всем надо? Я свое уже отсидела, а что у сеструхи в голове, мне неведомо.

Из другой комнаты появился Бойко. Он улыбался.

— Представляете, вы оказались правы. Я вот свои часы нашел. Точно, мои. У, гады, хорошо, что не успели их пропить. А вот перстня нет.

Я приблизился к женщине.

— Где можно найти вашу сестру?

— Хрена тебе лысого, а не Ленку.

— О, значит, она все-таки назвала вам свое настоящее имя, — сказал я Бойко.

Мужик встал и незаметно для своей женщины поманил меня за собой. Мы вышли на кухню.

— Слушай, выручи, дай пятьсот рублей, а? Выпить хочется, а не на что. Башка трещит, сил нет. А я тебе скажу где ее сестру искать.

— Не много ли пятьсот-то?

— Да не жмись, затарюсь на неделю. Кто его знает, когда ее сестра еще придет. Те шмотки, что в той комнате лежат, она сказала не лапать. Нужны ей для чего-то.

— А что там лежит?

— Да барахло всякое, но велела не брать.

— Значит, вы там ничего не трогали?

— Нет. Ее сестра девка крутая, узнает — убьет. Ну что, даешь лаве?

Я достал пятисотенную бумажку.

— И где нам ее искать?

— А живет она в селе Подгорном, что от города нашего в пяти километрах. В двухэтажном доме с зеленым забором. Найти его легко, потому что на крыше дома большущая круглая антенна. Спутниковая.

— А ты откуда знаешь?

— Да как-то бывал там. Но учти, ее дружок человек крутой. Будь осторожен.

— Дак если он такой крутой, что же она этим дерьмом занимается?

— Этого не знаю. Дура, наверное, а может,

больная. Да и нас она содержит. Свой долг перед сеструхой отрабатывает. Ведь это она воровала, а сеструха за нее на зоне парилась. Мало ведь кто знает, что они сестры. Фамилии у них разные. А похожи они друг на друга как две капли воды. Теперь Верка как бы на заслуженном отдыхе.

— Ладно, если не врешь, дам тебе еще пятьсот рублей, но сначала хотелось бы взглянуть на вещички, что у вас в той комнате лежат.

— Иди, смотри.

Я вышел из кухни, прошел мимо комнаты, где сидела Селезнева. Она даже не повернула головы. Бойко стоял в коридоре, и по его лицу было видно, что он очень хочет покинуть эту квартиру.

— Еще не все? — он умоляюще посмотрел на меня.

— Минутку.

Я вошел в комнату. На столе лежало несколько наручных часов, мобильные телефоны и брелоки с ключами. Больше в этой комнате кроме торчащей на проводе лампочки, ничего не было. Мне это показалось странным. Почесав подбородок, я покинул помещение. А по обшарпанной стене прополз хмурый таракан, потревоженный незваными гостями.

* * *

Дома я все рассказал Маше.

— И не страшно вам было? — спросила она. — А вдруг бы это действительно оказалась та самая Елена.

— Ты что, ревнуешь? — удивился я и поцеловал ее в щеку.

— Нет, просто непонятно, как это все так получилось. Две сестры. Близнецы. Но одна ворует, а вторая за нее сидит. Одна богатая, а вторая — нищая, да еще и алкоголичка. Почему?

— Что «почему»?

— Почему они так живут? Может быть, я чего-то не понимаю?

— Не знаю. Так им, наверное, нравится. А ты разве не знала, что близнецы воспринимают себя как одно целое? Если у одного болит зуб, то он начинает болеть и у второго. Да, это совершенно разные люди, но в то же время, отделить их друг от друга очень сложно. Вера очень любит свою сестру и готова для нее на все. Хоть человека пришить, хоть под поезд. Скорее всего, Елена этим и пользуется.

— А если бы они накинулись на вас? Ну, она и ее сожитель? Что тогда?

— Но ведь не накинулись же. Мне интересно другое — то. что я обнаружил в соседней комнате. Какие-то часы, мобильники. Все это не стоит больших денег. Но зачем они им нужны?

— И что ты решил предпринять?

— Конечно же, поеду в Подгорное и найду этот дом с тарелкой. А что?

— Я бы советовала тебе позвонить твоему другу, Загнойко. Мне кажется, что в одиночку ты можешь попасть в неприятную историю. И помочь тебе будет некому.

— Да ну. Что я, мальчик, что ли? Я все сделаю сам. Мне кажется, найти перстень Бойко будет не трудно.

— Ты знаешь, у меня предчувствия…

— «Которые тебя не обманули»?

— Дурачок. — Маша улыбнулась. — Нет, правда, какова вероятность того, что ты справишься в одиночку? Тебе же сказали, что Ленкин «дружок» — крутой и следует быть осторожным.

— Милая Маша, — сказал я, устав от этого разговора, — может быть, лучше мы ляжем спать? Деньги уплачены. И я должен найти этот перстень. Хочу я этого или нет. Одно меня смущает: Бойко говорит, что это подарок жены. Но неужели он ему так дорог?

— То есть ты имеешь в виду, что ради раритетного перстня не стоит так рисковать?

— Ну, наверное.

— А ты знаешь, что люди издревле охотились за всякими раритетами? Которые, может быть, и гроша ломаного не стоят, но для кого-то их стоимость выражается в многомиллионных суммах? Например, чаша Святого Грааля. Она тебе нужна?

— Лично мне — нет.

— Ага, а люди за ее поиски платят немалые деньги. Потому что считают, что испивший из чаши Грааля получает прощение грехов и вечную жизнь.

— А зачем жить вечно?

— Это уже другой вопрос. Может быть, и для твоего Бойко перстень — нечто великое и святое. Тем более что это подарок супруги. Вот она вернется из командировки и увидит, что перстня нет. Как ты думаешь, что будет с Бойко? И что я сделаю с тобой, если увижу, что на твоем пальце не будет кольца, которое я тебе скоро надену, а?

Маша улыбнулась и прижалась ко мне. Я схватил ее на руки, и мы упали на мягкий матрас нашей кровати. А потом… Я считаю, то, что происходит между мужчиной и женщиной в постели,

не должен видеть никто. Иначе это не интим, а порнография какая-то…

А ночью мне снился сон, где меня жестоко били. Я отражал атаки, но врагов было все больше и больше. И когда силы меня покинули, меч какого-то смутного существа упал на мою шею, моя голова отделилась от тела и, разбрызгивая кровь, полетела на землю. В черный и твердый снег. Я понимал, что такого снега не бывает, он должен быть белым и пушистым. А голова моя меня совсем не интересовала.

* * *

Утром я все же рискнул и отправился в село Подгорное, чтобы найти «дом с зеленой крышей» и тарелкой спутникового телевидения. Бойко на этот раз я звонить не стал. Загнойко, как просила Маша, тоже. Зачем впутывать милицию ради какого-то перстня.

Маша отправилась в офис ждать, что кто-то из новых клиентов к нам придет, а я сел в свою машину и покатил в село Подгорное. Находилось оно в получасе езды от города. Правда, село это оказалось не совсем обычным. Двухэтажные кирпичные особняки за метровыми глухими заборами говорили о том, что это поселок для

«новых русских». Если бы все наши села так выглядели…

Друзья из Германии, прилетев в Москву, ехали из столицы к нам на машине. По пути они увидели немало российских сел и деревень. Приехав к нам, они говорили, что словно попали в другой мир. Таких лачуг нет, пожалуй, уже нигде. Нищета наших сел и деревень просто поражает, а наше правительство говорит нам, что мы живем уже хорошо. Кто-то заметил, что Россия начинается за сто первым километром от Москвы, и это действительно так. В столице небоскребы, а в провинции — жалкие лачуги.

Тем не менее домище с зеленой крышей и огромной «таредкой» наверху я все же нашел. Забор из каменных плит вокруг этого особняка тоже был зеленого цвета. Перемахнуть через него было, конечно, сложновато. Я проехал вперед. Из колонок в салоне моей машины лились слова: «Я любил тебя, а ты сказала: не лезь…» Как нельзя лучше эти слова подходили сейчас к ситуации. Я оставил машину в небольшом проулке и вернулся назад. Время клонилось к обеду. Солнце жарило нещадно. В небе пронесся самолет, оставив длинную белую полосу, и мне показалось, что он качнул крылом именно мне.

Я обошел вокруг дома и в одном месте увидел свисающий к земле толстый сук дерева. Подпрыгнул, схватился за него. Подтянулся и оказался на дереве. Потом по другому суку добрался до забора. Моим глазам предстал огромный двор с черной землей, деревьями и кустами. Дом я тоже видел. Оттуда никто не выходил. Недолго думая, я спрыгнул с забора и ринулся к особняку. Как я собирался туда попасть, я и не предполагал. Но все равно подбежал и остановился у одного из окон. Окна были в человеческий рост, но, видимо, это были зеркальные окна, потому, что внутри дома я ничего не увидел, зато вдоволь насладился, наблюдая свою физиономию.

— Эй, тебе чего? — вдруг окликнул кто-то меня.

Я резко повернулся. Недалеко от меня стоял молодой парень в камуфляжном костюме и такой же куртке. В правой руке он держал пистолет. И направлен он, между прочим, был на меня. Откуда он взялся, я так и не понял.

— Ничего, а вы… кто? — почему то спросил я.

— Я-то? Я вообще-то охранник. А ты кто?

— Да вот, собачку свою ищу, — сказал я первое, что пришло мне на ум, — я сосед ваш. Она, зараза, к вам побежала. Не видели?

— Нет, не видел. А ну, пошли в дом, расскажешь,

что ты за сосед. Я наших соседей всех знаю.

Он приблизился ко мне. Сработал инстинкт. То есть то, чему нас учили в милиции. Левой ногой я выбил у него пистолет, а правой ударил в нос. Мужик грохнулся оземь. Я повернулся, чтобы поднять с каменной дорожки пистолет, но тут мне на голову обрушился страшный удар, от которого я потерял сознание.

* * *

Я очнулся в сыром подвале, на каменном, холодном полу. Руки и ноги были связаны. Голова нещадно трещала. Что произошло со мной, я помнил плохо. Вот дерево, вот каменный забор. Потом этот забор неожиданно приблизился и ударил меня. Или это был не забор? Тут послышались шаги и скрип открываемой двери моего каземата.

— Очухался? — спросила вошедшая женщина.

— На-верное. А вы кто?

— Я, дружочек мой, Елена, которую ты так усердно искал.

Еще плохо соображая, я посмотрел на женщину. Она действительно была как две капли воды похожа на свою сестру Веру. В руке у нее чернел пистолет. А в ее глазах я прочитал насмешку

над собой.

— Ты что же думал, муж моей сеструхи мне не скажет, что вы приходили? Он не дурак, и нас предупредил. И вот ты здесь. Добро пожаловать!

— Я…

— Мы знаем, зачем ты пришел, — женщина перешла на шепот. — Тебе нужен перстенек? Так вот, перстенек у меня.

Твой кореш не сказал тебе, что это за штучка такая?

Я качнул головой.

— Конечно, что же он, дебил, что ли? Это не просто перстень, это еще и ключ, который открывает сейф, где «деньги лежат». Твой дружок нам должен большие «бабки», вот он и придумал все это. Но мы тоже не дураки. Деньги у нас.

— А что он придумал? — удивленно спросил я.

Женщина хмыкнула и вновь стала говорить достаточно громко. Наверное, неподалеку кто-то был и слышал наш разговор.

— Ты идиот. Тебя использовали втемную. Еще и по мозгам надавали. Никто его не грабил, понимаешь? Он сам отдал нам перстень, чтобы мы в его доме открыли сейф. Там его женушка хранила свои сбережения. А этот перстень — ключ. Ключ от сейфа!

— Но зачем вы мне все это рассказываете?

— Да затем, что ты дебил. И он тебя подставил. Хитро и безжалостно.

— Не понимаю…

— А что здесь понимать? Я что, должна тебе все разжевывать? Посидишь тут, сам до всего допрешь, хотя жить тебе осталось всего ничего, поэтому я и решила тебе все рассказать.

— Хорошо, — я сглотнул, — но меня мучает еще один вопрос: зачем вам столько часов и мобильных телефонов?

Женщина посмотрела на меня впервые без насмешки.

— Зачем? Да затем, что мы хотим взорвать губернатора нашей области!

Я отшатнулся от нее. «Господи, — подумал я, — если это кошмарный сон, можно я пробужусь». Я попытался ущипнуть себя связанными сзади руками, но из этого ничего не вышло.

— Не дергайся, а то я тебя сама сейчас пристрелю. — Елена ухмыльнулась так, что ее симпатичное личико перекосилось, и передернула затвор пистолета. Нехорошо ухмыльнулась, зло. И я ей поверил. Это была не шутка.

— Вы, конечно, можете это сделать, но зачем вам убивать губернатора? Да и как вы собирае-

тесь это сделать?

— Ты что, газет не читаешь, телевизор не смотришь? Через неделю наш уважаемый руководитель области, наш рулевой, будет в нашем городе. Тогда мы его и кончим. Пластида у нас хватит не только на него, но и на все его окружение.

Я вспомнил, что, действительно, информация о приезде губернатора в наш город была, но, кажется, он свой визит отменил в связи с недавними событиями.

— Мы — национальный освободительный фронт! И гордимся этим. Понял, ублюдок?

— А губернатор тут при чем?

— Ты что, не видишь, куда катится наша область? Куда этот гребаный рулевой ее ведет? Нас, русских, становится все меньше, а черножопых все больше. Выйди на улицу, кого ты увидишь там? Или азеров, или чеченцев, или китайцев. Разве за это умирали наши деды во время Великой Отечественной войны? Россия — для русских!

— Простите, но китайцы не черножопые…

— Ты проверял? Все они — инородцы! Выродки! Ты понял, скотина?!..

— Да вам-то я что сделал? — удивился я. — Почему вы меня так ненавидите?

— Ты такой же, как и все. Тебе нужны только

деньги. А то, что наша страна падает в пропасть, тебе на это начхать! Разве не так?

«Господи, еще одни спасители России», — подумал я, но ничего не сказал.

— Все, нам разговаривать больше не о чем. Сейчас…

— А в вашей организации много человек? — перебил я ее, неизвестно зачем решив потянуть время. В глубине души я все еще надеялся на счастливый исход этого дела.

— А тебе зачем? — Она сплюнула. — Тебе все одно скоро конец, поэтому незачем знать такие вещи. Через два часа мы придем за тобой, и ты умрешь мученической смертью!.. А пока наслаждайся тишиной.

Елена с лязгом закрыла дверь. Я слушал ее удаляющиеся шаги и не мог поверить в происходящее. «Какой же я дурак, — думал я, — почему не послушал Машеньку?» Но не смерть меня страшила, я смотрел в ее пустые глазницы не раз, волновало другое: что, если эти, с позволения сказать, борцы за освобождение России приведут свои планы в исполнение. Что станет с областью тогда? Если им действительно повезет и они взорвут губернатора?.. Идиотизм какой-то. Хотя подобные случаи имели место, и не только в

нашей стране, но и других государствах мира.

Я закрыл глаза. И никак не мог понять, как в мозгу такой хорошенькой женщины зародились такие идеи? Патриотизм, наоборот, меня поразил.

Тонкий лучик света, пробивавшийся откуда-то сверху, вдруг пропал, и вокруг стало совсем темно. Я закрыл глаза и провалился в небытие. Оказалось, что били меня не только во сне, но и наяву.

* * *

Очнулся я, услышав лязг открываемой двери. «Вот и все, — промелькнуло в голове, — кончилась моя бренная жизнь на этом свете». Но на пороге возник… Загнойко. Дорогой ты мой приятель.

— Ну что, герой, лежишь? А мы тут, между прочим, банду террористов накрыли! — полковник улыбнулся.

— А?.. Как?.. Почему? Как вы меня нашли? — Я был ошарашен. — Откуда вы узнали, что я здесь?

— Да как… вот они и сказали, я имею в виду террористов.

Загнойко приблизился и начал развязывать мои путы. Я щурился от света, осветившего мой

каземат. И вовсе он не был таким мрачным. Обычный подвал — три на четыре метра. Нормальные люди в таких подвалах хранят соленья, картошку или велосипеды, а еще ненужный в квартире хлам.

— Да нет, как вы узнали, что я здесь?

— Маша сказала. А что, ты не рад?

— Конечно, рад, но… я все сам хотел…

— Сам он хотел. Видишь, что из этого получилось.

Он развязал мне руки, а ноги от веревки я освободил уже сам.

— Она, конечно, молодец, — сказал я, — но заказ у меня был на перстень. Я его почти нашел…

— Слушай, ты что, хочешь остаться здесь?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда не ворчи. Если бы не твоя невеста, гнил бы ты уже в каком-нибудь лесочке или плавал в заброшенном пруду с камнем на шее. А перстень, кстати, никуда и не пропадал.

— Как, ты и об этом знаешь?

— Ты же Маше все рассказал, а она поведала об этом и мне. Что здесь такого? Похоже, Бойко опять тебя подвел. Мы знаем, что это ключ от сейфа в доме его жены. А он задолжал Елене Дробим крупную сумму. Такая фамилия у этой

прекрасной барышни, которая якобы его обокрала, напоив клофелином. Отдавать денежки он категорически не хотел, вот и придумал всю эту историю с ограблением. Деньги террористы все равно забрали. И он кинулся к тебе. Не идти же ему в милицию. Думал, что ты вернешь ему деньги. Жена, когда приехала, увидела бы, что перстень у него на пальце, и успокоилась. В сейф она заглядывала редко, доверяя своему муженьку. У нее остальные деньги на счету в банке, а это так, «на карманные расходы». Сумма там была, правда, не маленькая — пятнадцать миллионов рублей. Но для нее это копейки.

— Ну и как бы я вернул ему эти «копейки»? — спросил я, потирая ушибленный затылок.

— Ты нашел логово террористов, а Бойко следил за тобой. Вот, приезжает его супруга. Она видит, что перстень на месте, муженек тоже. А через некоторое время он говорит ей о том, что денег в сейфе нет. Их обокрали, но он знает, где эти деньги, и знает, кто их украл. Супруга в милицию тоже не пойдет, а наймет дюжих молодцев, чтобы они вытряхнули денежки из этих наших террористов. Допытываться, откуда Бойко знает, где их деньги, она не станет. А о том, что это террористы, Бойко не ведает. Он считает их обычными

бандитами. А задолжал он Елене, когда вместе с ней пытался провернуть одну аферу. Но это уже другая история. Бывает и такое. Вот так. С твоей помощью Бойко оказался бы чист перед супругой, которую он боится пуще смерти. Вот такая у них семейная жизнь.

— Да зачем же жить с такой женщиной, если ее надо бояться?

— А деньги? Его супруга — деловая женщина, как сейчас выражаются, «бизнес-леди». Именно она содержала своего муженька, и он горя не знал. У него было все…

— Кроме свободы.

— О чем ты, ей-богу. Какая свобода при таких-то деньгах? Он продал ее. Ладно, пойдем, нечего здесь сидеть.

Мы поднялись из подвала наверх и оказались в большой просторной комнате. Стол, кровать, шкафы с книгами. На полу, устеленном коврами, лежали трое злоумышленников, а над ними, с автоматами наизготовку, расположились бойцы ОМОНа.

— Пакуйте их, — сказал мой друг Иван Загнойко.

— А Елену задержали? — спросил я.

— Нет. Она и ее дружок успели скрыться до

нашего прибытия. Видимо, кто-то их об этом предупредил. И я догадываюсь кто.

— Бойко?

— А кто же еще? Как я уже говорил, он следил за тобой. Когда ты оказался за забором, он не стал торопиться уезжать. Когда увидел, что тебя оглушили и потащили в дом, решил повременить. Потом увидел нас. Вон трасса проходит, все видно как на ладони. По мобильнику связался с Дробич и сказал, чтобы они уходили. В обмен на эту услугу Дробич, наверное, пообещала ему вернуть часть денег. Мы, когда подъехали, увидели, как вон от того дома газанул черный «Мерседес». Но не придали этому значения, мы же не знали, что это именно его машина. Мало здесь, что ли, этих «мерседесов».

— Спасибо за мое спасение.

— Чего уж… Работа у нас такая.

Мы засмеялись. Крепкие парни омоновцы вели террористов к выходу. Один из бандитов оглянулся и посмотрел на нас. Взгляд у него был какой-то потухший, и вся злость куда-то исчезла. Видимо, он уже не очень хотел «взрывать губернатора».

— Пошел, — ударил его в спину прикладом автомата милиционер.

А на улице было все так же жарко, солнце па-

лило нещадно. Вновь захотелось жить.

Мы с Загнойко понаблюдали, как посадили в машину террористов, как следом за ними внутрь попрыгали омоновцы и машина покатила в город.

— Мы тут поработаем еще, — сказал полковник, — а ты можешь быть свободен. Пока.

— Вечером ждем тебя в гости. Если бы не ты…

— Так, прекращай петь мне дифирамбы, лучше позвони Маше и скажи, что все закончилось благополучно. Вот тебе мой мобильник. Твой-то они, поди, отобрали?

— К сожалению, да.

Я взял телефон, набрал Машин номер. Она отозвалась сразу, как будто сидела и ждала звонка.

— Ты жив? — спросила взволнованно.

— Да, все хорошо. Загнойко меня в очередной раз спас. Спасибо тебе.

— Приедешь домой, поговорим. А теперь дай ему трубку.

Я протянул трубку Загнойко и отвернулся. О чем они говорили за моей спиной, я не слышал, но думал, что дома меня ждет не очень ласковый прием. Когда полковник наконец отключил телефон, я повернулся.

— Давай, до вечера. Не переживай. В первый

раз, что ли? — сказал он.

Мы обменялись рукопожатиями, и я поспешил к своей машине. Внутри салона было душно и жарко. За несколько часов моего сидения в подвале особняка машина нагрелась на весеннем солнце.

«В результате проведенной спецоперации сотрудники милиции изъяли двадцать пять килограммов пластида, схемы изготовления и детали самодельных взрывных устройств, планы объектов подрыва, огнестрельное оружие, литературу, аудио- и видеоматериалы с пропагандой экстремизма. Была арестована группа из пяти человек, занимавшаяся подготовкой терактов…» — прочитал я потом в местной газете.

* * *

Вечером мы встретились с полковником. Маша сначала дулась и даже не разговаривала со мной, но когда пришел Загнойко, приготовила нам отличный ужин, и под бутылочку запотевшей водки мы сейчас вели с ним нашу беседу.

— Не ясно мне еще знаешь что, — сказал я, — зачем Елене Дробич, судя по дому, где они меня держали, достаточно обеспеченной даме, все эти кражи? Ведь как рассказал мне муж ее сестры,

именно она занималась кражами. А вместо нее на зоне парилась ее сестра.

— Этот дом не ее, а сожителя — Дмитрия Бурцева, — ответил полковник, накалывая на вилку маринованный огурчик., — Слыхал о таком? В девяностых это был крутой бандит. Потом его братву пересажали, а он остался один. В бизнесмены не подался, с мозгами, видимо, были напряги, а денежки у него водились. Казалось бы, живи да и радуйся, ан нет. Он встретился с Еленой Дробич. Та привыкла жить на широкую ногу. Сейчас ей двадцать пять лет. А то, что два раза срок за нее отбывала ее сестра, что ж тут удивительного? Дал денег кому надо, и вопрос решен. Сидит человек, пусть не тот человек, не важно, сидит ведь. На зоне с кумом легко договориться. Да и здесь со следователем. А фамилии у них разные, потому что Елена уже замужем побывала; правда, мужа через три дня после свадьбы убили. А муж ее, Дробич, между прочим, был богатым человеком, и до сих пор неизвестно, кто его убил.

— А почему они в террористы переквалифицировались?

— Тут все просто — деньги. Один из террористов рассказал, что два года назад Бурцев собрал вокруг себя новую банду. Промышляли они грабе-

жами и разбоями, не чурались и краж. Но потом один «крутой» предложил им поработать на него. А пообещал он им огромную сумму — в несколько миллионов долларов, — если они взорвут не кого-нибудь, а самого губернатора нашей области! Рано или поздно он должен был приехать в наш город, они об этом знали, ну и тогда они бы его…

— Мне кажется, бред какой-то. У губернатора охрана, милиция кругом, фээсбэшники, о чем они думали?

— Черт его знает, но то, что мы изъяли, говорит о тщательно разрабатываемой операции.

— И кто же сей дерзкий заказчик? Зачем ему смерть губернатора области, не такой уж, кстати, и большой?

— Все делалось через подставных лиц, и кто заказчик, мы так и не выяснили. А зачем ему понадобилась жизнь губернатора, можно только гадать. Но в любом случае, жизнь бы в нашей области изменилась.

— Подожди, но она мне что-то плела про «национальный освободительный фронт», это что?

— Сейчас этим делом занимаются фээсбэшники, и что всплывет в ходе расследования этого дела, пока не ясно. Бурцев и Дробич скрылись, и пока их не нашли. Зато Бойко задержан, дает

показания, но предъявить ему что-либо мы не можем. Ведь ничего противоправного он не совершил.

— А то, что я из-за него чуть не погиб…

— Это не считается. Прямой вины его нет, ты сам полез в логово злодеев, хотя и по его заказу. Налей-ка ты мне еще водочки, да я пойду.

* * *

Прошло три недели.

В среду, рано утром, мне позвонил Загнойко:

— Спишь?

— Уже нет, — произнес я шепотом.

— Это хорошо. Потому что если ты стоишь, то лучше ляг.

Я покосился на спящую рядом Машу. Она была прекрасна даже во сне.

— Я и так лежу. Выкладывай, что у тебя.

— Бойко был убит вчера вечером в своем доме. Жены дома нет, перстня на пальце у него мы тоже не обнаружили.

— Вы же его задержали…

— Как задержали, так и выпустили. Следователь не нашел в его действиях состава преступления.

— Чудеса…

— Да уж, в правовом государстве ведь живем.

Пора бы уже привыкнуть ко всему.

— И что теперь? Ты думаешь, кто это сделал?

— Есть несколько версий, но основных две. Подозреваем или его драгоценную, либо наших старых знакомых, террористов — Елену Дробич и ее хахаля, успевших скрыться три недели назад. Тебе бы стоит быть острожным. Потому что о них пока ни слуху ни духу. Наверное, залегли на дно. Мы отрабатываем все версии, но эти пока самые напрашивающиеся. Так что смотри… Ну, пока, будь здоров.

Он отключился, а я вновь посмотрел на Машу. Теперь она — моя жена. Самая красивая и любимая на свете. Она проснулась и вопросительно смотрела на меня. Но говорить ей о перстенечке с буковками я не решился, мало ли что…

История третья
КУРИТЕЛЬНАЯ ТРУБКА

Он ушел. Странно, почему он ушел? Что я ему сделаю? И не ругались, а он ушел. Четыре дня, как его нет. Господи, но почему? И куда он мог уйти? К любовнице? Ни у друзей, ни у родителей его нет. А им хоть бы что. Даже не волнуются. Интересно, почему? Может быть, они знают то, чего не знаю я? И на работе никто — ничего. Человек пропал, а им хоть бы что. Чудеса...

Нина Васильева перевернулась на другой бок. Она никак не могла уснуть от терзавших ее мыслей. Четыре дня назад пропал ее муж. Она встала с кровати и подошла к зеркалу. Она была еще недурна собой, ей было всего тридцать два. Мог ли он променять ее на другую женщину? В принципе, мог, но, наверное, сказал бы об этом. А так ушел на работу»... все. Как канул. Нина вернулась на кровать, села. В квартире было прохладно. Без него. Осенью всегда так, отопление еще не дали. У них не было детей, но они предполагались.

А теперь — все. Где она найдет еще такого мужа? Она снова встала, посмотрела на ставший

никчемным телефон. Куда звонить, кому? В милиции ее и слушать не стали, сказали: «авось вернется». А он вот не возвращается, ни авось, ни просто так.

«Завтра же пойду к частному детективу», — решила она и, приняв снотворное, легла и укрыла себя одеялом.

* * *

Я сидел в офисе и ничего не делал. Ничего. Совершенно. Маша, моя законная супруга, находилась сейчас в больнице. И мне ничего не хотелось делать. Без нее все валилось из рук, все дела встали. Наше детективное агентство продолжало функционировать, но уже еле-еле. Да и как оно могло функционировать, если все мои мысли уходили сразу в сторону, как только я невольно кидал взгляд на ее фотографию в красивой блестящей рамке, стоявшую на моем полированном столе. Там, в глубине полировки, она была тоже, только перевернутое изображение.

Тут звякнул колокольчик. Я встрепенулся и выглянул из своего кабинета. В приемной, где обычно сидела Маша, появилась эффектная брюнетка. Про таких говорят «ноги от ушей». А грудь у нее сильно выпирала из-под бархатной

кофточки. Слегка удивившись, я вошел в приемную. Она увидела меня и улыбнулась. Улыбка ее походила на улыбку Чеширского кота — такая же масленая.

— Что вам угодно? — спросил я, невольно любуясь вошедшей женщиной.

Она, понимая, что действует на мужчин завораживающе, сказала:

— Простите, детективное агентство — это вы?

— Мы. То есть пока один я. На входе висит табличка. Разве вы не видели?

— Вот поэтому я и зашла к вам. У меня пропал муж. Четыре дня назад. Совсем, и нигде его нет. Помогите найти, а? Я заплачу. Сколько скажете. Но мне без него ну никак.

Я слегка оторопел.

— Садитесь, пожалуйста. Чай, кофе? Я понимаю, что разговор у нас будет длинный.

Она села в кресло для посетителей и грациозно закинула ногу на ногу. Какие это были ноги! Если бы я не был женат… Тьфу, пронеси нелегкая.

— Если можно, кофе. А можно, я еще и покурю?

— Курите.

Я включил чайник, достал баночку «Лянтико» — любимый кофе моей Маши. Насыпал его в две чашечки.

— Вам с сахаром или без?

— А сливки у вас есть? — Женщина выпустила облачко дыма.

— В Греции все есть. — Я достал из холодильника сливки, налил в ее чашечку. — Давайте сначала познакомимся.

— Ой, простите, я не представилась. Нина. Васильева. Отчество нужно?

— Не обязательно. А я…

— Я знаю, кто вы. Мне вас рекомендовали. Если бы не это, я бы к вам не пришла. — Она вздернула свой прекрасный носик.

Тут чайник щелкнул выключившейся кнопкой. Я взял его, налил нам кипятку в чашечки.

— Так куда же делся ваш муж? Как вы считаете?

— Не знаю. Он ушел на работу и больше не пришел.

— А кто у нас муж?

— Он директор. Финансовый. Но это не главный директор, вы же понимаете.

— А при чем здесь?..

— Ну, он человек наемный, если вас будет интересовать вопрос денег. Я думаю, что деньги тут ни при чем.

— А что при чем?

Ухоженными, наманикюренными пальчиками она взяла чашечку и сделала глоток. Потом со вкусом затянулась сигаретой. Видно было, что ей это нравится.

— Я думаю, он к любовнице ушел. От меня.

— От вас? Я бы не ушел.

— А вы женаты?

Я показал кольцо на пальце.

— Ясно.

— А почему вы думаете, что он ушел именно к другой женщине? — Я тоже сделал глоток кофе. Вкус у него был слегка горьковатый, как раз такой, какой нравился Маше. Господи, но почему я думаю только о ней?

— Ну и кто ваша соперница? Вы ее знаете?

— Нет, но догадываюсь. Но может быть, я и ошибаюсь. Найдите его, а? Я заплачу пять тысяч долларов. А хотите семь. Только найдите.

— Сколько лет вы замужем за ним? И как его зовут?

— Женаты мы два года, а зовут его Михаил. Михаил Петрович, естественно Васильев. Детей у нас нет. Пока. Или…

— Никаких или. — Я глотнул кофе и поднялся. — Мы найдем его. То есть я. Мой компаньон сейчас в больнице, — неожиданно для самого

себя сказал я. Разве это могло интересовать Нину Васильеву?

— Вот две тысячи, остальные я отдам, когда вы найдете моего мужа. Живого или… мертвого.

— Вы все же не отвергаете и такую возможность?

Она промолчала и допила кофе.

— Жарко у вас. У нас в квартире холодно. — Она достала деньги, положила на стол. — Ну, я пойду?

— Подождите, а где же он работал? Работает?

— Фирма «Два кита». Вот адрес. А тут все мои координаты. — Она достала бумажки и положила на стол. — Родители его живут в другом городе, но они говорят, что его у них нет. Друзей я тоже всех обошла — никто его эти четыре дня не видел.

— В милицию вы обращались?

— Да. Там сказали подождать. А чего ждать, я не знаю. Нет мужа. — Она всхлипнула, и на глазах у нее появились слезы. Только этого мне не хватало.

— Подождите, не плачьте. Может быть, он найдется. Живой и невредимый.

— Дай бог. — Она вытерла рукой глаза и улыбнулась.

Когда дверь за ней закрылась, я сел за стол и

посмотрел на оставленные ею бумаги с ее координатами и адресом фирмы, где трудился ее муж. Почему-то мне показалось, что именно оттуда надо начинать розыск ее супруга. На фотографии, которую она мне оставила, Васильев выглядел ухоженным и добрым. Весь его образ лучился каким-то светом. И как можно убить такого человека? Почему-то именно эта мысль сразу приходит в голову, когда говорят, что человек пропал. Еще его могли похитить инопланетяне или, на худой конец, спецслужбы иностранных разведок. Но финансовый директор «Двух китов», небольшой фирмы «по производству товаров для дома», как было написано на визитке, вряд ли бы их заинтересовал. А если этот «светящийся счастьем» мужчина действительно ушел к другой женщине? Тогда он поступил не благородно, не сказав об этом жене, нормальные «мужики» так не поступают. Я вспомнил, как один мой товарищ, еще когда я работал в наших доблестных органах внутренних дел, ушел выносить мусор. Зимой, в домашних тапочках, тренчиках и майке, и не возвращался домой целую неделю. Жена с ног сбилась, разыскивая его, а оказалось, что он «зависал» у любовницы, которая жила этажом ниже. Ох, и досталось же потом этому товарищу,

когда супруга узнала, куда он пропал. А «застукала» она его со своим ведром с мусором, только уже выходящего из другой квартиры…

Но на Васильева, судя по фотографии, это было не похоже. Или похоже? Я еще раз внимательно вгляделся в его лицо. Потом перевел взгляд на его руки. А в руках финансовый директор держал курительную трубку. Была она очень примечательна. Таких трубок я еще не видел. Должно быть, мастер, который делал ее, создавал трубку по индивидуальному заказу. То, что это была авторская работа, я не сомневался. Поразмышляв на темы бытия, я поехал в фирму «Два кита».

* * *

Фирма располагалась на первом этаже огромного здания из стекла и бетона. Я оставил свою машину на стоянке, где в будке мирно спал охранник, и вошел в здание. Офис фирмы начинался огромным аквариумом в центре полукруглого помещения. В нем резвились «меченосцы» и «барбусы». Дальше шло несколько филенчатых дверей — кабинеты работников фирмы. Вверху — подвесные потолки, ламинат на полу, светлые стены. А вот и секретарша за огромным столом, за ее хрупкими плечами в шикарном розовом

пиджачке — кабинеты генерального директора и финансового. Видимо, дела у фирмы шли неплохо, если здесь работало столько сотрудников и была именно такая секретарша.

Она, завидев меня, улыбнулась белозубой улыбкой, которую защищали «Бленд-а-мед» и «Орбит без сахара». Хотя, на мой взгляд, если вам ровные и белые зубы изначально дарованы природой, то им никакие пасты и жвачки не нужны. Этой молодой женщине природа подарила не только великолепные зубы, но и прекрасное тело. Она встала и вышла из-за стойки. Розовая юбка в тон пиджака до колен прикрывала стройные ноги.

— Здравствуйте, что вам угодно? — спросила она.

— Я — частный детектив, моя фамилия Плетнев. Сергей Борисович. А привело меня к вам исчезновение вашего финансового директора — Михаила Петровича Васильева. Вы этого не заметили?

— Ну да, его нет на работе уже несколько дней, но я… в общем, Михаил Петрович мне не докладывается, а генеральный ничего не говорит, — девушка смутилась.

— Интересные дела. Вашего директора нет на месте уже почти неделю, и никто о нем и не вспо-

минает? Так, что ли?

Она пожала плечами.

— Ладно, как мне поговорить с вашим главным?

— Подождите, я доложу. Как ваша фамилия, простите?

— Плетнев. А вашего главного зовут Глеб Егорович Синичкин? — прочитал я табличку на двери.

Она опять улыбнулась ослепительной белой улыбкой и упорхнула за эту тяжелую дверь с табличкой. Не успел я разглядеть в окно то, что творилось на улице, как дверь снова открылась, и сногсшибательная, с внешностью фотомодели секретарша пригласила меня в кабинет. И почему именно таких женщин набирают в секретари? Ей бы по подиуму ходить или у фотографов позировать, а ее заставляют сидеть здесь, в душном офисе. Наверное, она тупа как пробка или. наоборот, слишком умна?

Глеб Егорович оказался низкого роста крепышом, с лысой головой на крепкой шее. Видимо, в молодости он занимался силовыми видами спорта. Одет он был в розовую рубашку, какие сейчас модны, в тон был подобран галстук внизу — светлые брюки. Он вылез ко мне навстречу из-за

своего огромного стола и подошел. В его походке чувство вались основательность и напористость.

— Добрый день, — сказал он хрипло. — Чем обязан?

Поздоровавшись, я представился. А потом рассказал о цели своего визита.

— А кто вам сказал, что Васильев пропал? Да, его на работе нет уже пятый день, но мы думали, что он заболел и отлеживается дома. Лерочка, — обратился он к секретарше, — ты же звонила ему?

— Да, Глеб Егорович, — произнесла она елейно, — он сказал, что болен гриппом и поваляется в постели несколько дней.

— Вот видите. Ничего же страшного не произошло, ну, заболел человек. Все мы люди, пусть лечится.

— Да, но его жена говорит, что его нет дома!

— Ну, может, он лечится в другом месте, — генеральный улыбнулся. И его лицо стало похоже на гримасу льва перед охотой.

— Э, Лерочка, — обратился я к секретарше, — не могли бы вы оставить нас наедине с Глебом Егоровичем?

Та вопросительно посмотрела на своего начальника.

— Да-да, выйди.

Она ушла, покачивая бедрами, и тихонько затворила за собой дверь. Какие это были бедра! Вот не был бы я женат… А в это время моя Маша лежала в больнице. И мне стало стыдно. Но, переборов себя, я спросил:

— А теперь давайте начистоту. Куда мог исчезнуть ваш финансовый директор?

— Что за глупый вопрос, я же сказал, он позвонил — точнее, Лера ему позвонила — и сказал, что болен. Лечится дома. Все. А где он, я не знаю.

— И вы ни разу ему больше не звонили, не интересовались, когда он появится на работе?

— Нет, а зачем? — Глеб Егорович вернулся в свое кресло и уселся поудобнее. Мне он присесть не предложил. — Михаил Петрович мне пока не нужен. Болеет и пусть болеет, что здесь особенного?

— Но жена-то говорит, что его дома нет. Телефоны не отвечают, у родителей он не появлялся. У него есть любовница?

— Так. Я в его личную жизнь не лезу, он не лезет в мою. Откуда я знаю. Мне он про своих баб ничего не говорил.

Мы просто работали. Понимаете? Да, у нас бывают корпоративные вечеринки, но туда никого постороннего мы не приглашаем. Если человек

заболел, больничного мы от него не требуем. Только эти дни ему не оплачиваются. Да, это нарушение трудового законодательства, но у нас на фирме все об этом знают и стараются не болеть. А если уж невмоготу, лежи дома и на работу не суйся. Незачем мне тут заразу разносить. Это касается всех, и Михаила Петровича тоже. Здесь я директор, а они все — наемные работники. Захочу — уволю, захочу — премию дам. Если ты работаешь честно и грамотно, будешь как сыр в масле кататься, а если хочешь болеть — хрен чего получишь. Васильев — катался, и не только в масле, а и в икре, красной, я его не обижал. Поэтому когда он сказал, что заболел, я ему ничего не сказал. Ты наши правила знаешь, лечись… Если его дома нет, значит, где-то он в другом месте. А в каком, я не знаю.

Все-таки слова генерального мне показались странными. Зачем бы это секретарше звонить финансовому директору, чтобы справиться у него о здоровье, если он сам об этом не говорит? Но я промолчал.

— Что ж, могу ли я с кем-то из ваших сотрудников поговорить о Васильеве? Может быть, они лучше вас знают, где он может быть?

— Валяйте, только вряд ли. Где директор — и где

простой менеджер. Да, они друг друга знают, но вряд ли будут делиться какой-то информацией. Друзей тут у нас нет, одни коллеги.

Как и обещал Глеб Егорович, никто ничего интересного о Васильеве мне не сказал. Опросив семерых сотрудников фирмы, я понял, что зря теряю время. Других я пытать не стал и засобирался на работу. Прошел еще раз мимо очаровашки-секретарши и выбрался на улицу. Подошел к своей машине и уже собирался сесть в ее уютный салон, как случайно мой взгляд упал на окна фирмы. И я увидел, что секретарша Лера делает мне какие-то знаки. Ничего не понимая, завел мотор и еще раз посмотрел на окна. Лера показала мне пальцем направо. Я посмотрел туда и увидел кафе через дорогу. Теперь понятно, надо будет подождать ее там. Я кивнул, потом выкрутил руль и выехал со стоянки, принадлежащей фирме «Два кита». Дремавший в будке охранник так и не вышел. И зачем набирают таких охранников? Он же проспит все царствие небесное.

* * *

В кафе было тихо и спокойно. Людей — никого. Я прошел за столик, который находился напротив витрины, сел на достаточно удобный стул.

Появился официант.

— Что будете кушать? — спросил он.

— Чашку кофе, пожалуйста. Если можно, со сливками. Больше пока ничего.

Он кивнул и ушел. Я посмотрел в окно. За окном была осень. Желтые листья, пожухлая трава — увядание природы. Но было все еще тепло, хотя в домах уже включили отопление. Зачем? На улице ведь тепло. Реформы ЖКХ делаются для того, чтобы «отмыть» деньги. А как было все, так и осталось. И пьяные слесари, и «обмоченные» подъезды, которые никем не убираются, и еле теплые батареи, и сломанные лифты. Тут в кафе вошла секретарша Лера и прервала мои печальные думы. Распространяя запах дорогих духов по всему заведению, она подошла ко мне.

— Если вы заплатите мне сто долларов, я расскажу вам кое-что интересное, — сказала она, замерев напротив.

— Насколько интересное? — опешил я от такого вступления.

— Ну, например, о том, что произошло между Глебом Егоровичем и Михаилом Петровичем.

— А что между ними произошло?

— Э, нет, сначала деньги.

— Хорошо. Да вы садитесь.

Лера села, закинула ногу на ногу. Ноги ее были совершенны. Я достал деньги.

— В рублевом эквиваленте пойдет? — спросил я.

— Давайте.

Деньги тут же исчезли в ее розовом пиджачке.

— А вы что будете пить? — поинтересовалась она.

— Я заказал себе кофе со сливками, вам тоже это заказать?

— Мне лучше сок. Апельсиновый.

Официант принес мой кофе, а через минуту и сок для Леры. Когда он ушел, я сказал:

— Итак, какую информацию, которая стоит сто долларов, вы хотите мне поведать?

— Это было неделю назад. Как раз перед тем, как Михаил Петрович мне позвонил и сказал, что он болен.

— Стоп, — перебил я ее, — ваш шеф сказал, что это вы ему звонили?

— Да нет, это он сам позвонил, а потом заболел. А сейчас вы говорите, что он исчез.

— Ладно, и что же произошло до этого?

— У нас был корпоратив. И мы все ездили на природу. Глеб Егорович говорит, что так коллектив больше сплачивается.

— Интересно, что он под этим подразумевает?

— Ну, мы все вместе жарили шашлыки, пили водку, купались и все такое.

— А дальше?

— А дальше было то, что я случайно подслушала разговор между Глебом Егоровичем и Михаилом Петровичем. А говорили они, как и все мужики, о нас, о жен- шинах. И Михаил Петрович обвинял Глеба Егоровича в том, что он приставал к его жене. И, дескать, у них даже были какие-то интимные отношения. Они поругались. Глеб Егорович сказал: «Ты, Миша, идиот. Да, мне твоя жена нравится, но не настолько же, чтобы мы стали любовниками». На что Михаил Петрович кричал, что видел их целующимися. А Глеб Егорович ответил, что это было всего лишь раз и дальше этого ничего не пошло. Михаил Петрович сказал, что Глеб Егорович покойник и он убьет его своими руками. Они бы подрались, но тут кому-то из наших менеджеров стало плохо, все всполошились. Это услышали и Глеб Егорович, и Михаил Петрович. Они выбежали из леса и поспешили к парню, которому действительно стало плохо. Я тоже выбежала за ними. Мы вызвали «скорую». Пока она приехала, Глеб Егорович помог парню, у него были с собой уколы, и он

сделал один этому менеджеру.

— А как его зовут?

— Василий Прохоров. Он сейчас в больнице лежит. У него камни в почках, вот и прихватило. А Глеб Егорович сделал ему обезболивающий укол. Медики потом его поблагодарили, сказали, как хорошо, что есть такой умный руководитель, который заботится о своих подчиненных.

— А что было потом?

— Ничего. Мы сели в свои машины и разъехались по домам.

— А Глеб Егорович и Михаил Петрович?

— Я думаю, тоже. Глеб Егорович сел в свою машину, а Михаил Петрович в свою. Куда они потом уехали, я не знаю, потому что я уезжала оттуда с Сережей Подольским.

— О том конфликте вы больше никому не говорили?

— Я что, дура? А потом Михаил Петрович позвонил и сказал, что заболел. Вот и все.

— А это точно он звонил?

— Я его голос хорошо знаю. Да и куда он мог пропасть? Я думаю, что это его жена что-то выдумывает. Может быть, у них с Глебом Егоровичем действительно роман, вот и хочет как-то от мужа избавиться?

Она допила свой сок и спросила:

— Ну, я пошла?

— То, что вы мне сообщили, несколько меняет дело, но не стоит ста долларов. Поэтому ответьте мне еще на один вопрос: а чем занимался Михаил Петрович в вашей фирме?

— Я всего лишь секретарь, многих вещей не знаю. Все вопросы в основном решал Глеб Егорович, а Михаил Петрович лишь изредка появлялся в офисе, и после этого в фирме дела начинали идти лучше. Зарплата повышалась. Но через четыре-пять месяцев ее опять вообще могли не выплачивать. В нашей фирме, видимо, не все зависело от Глеба Егоровича. А потом опять шли хорошие деньги.

— Вас это не настораживало?

— Ну, тому может быть много причин, всякие кризисы, неоплата счетов нашими партнерами, могли быть другие какие-то причины. «Товары для дома», конечно, нужны, но и без них можно обойтись, ведь так?

Я согласился. Когда она ушла, я допил свой кофе и решил, что не мешало бы нам встретиться с женой Михаила Петровича еще раз.

* * *

— Нина, — обратился я к ней по телефону, — нам необходимо поговорить.

— А вы что-то уже узнали? — Голос ее был напряжен.

— Кое-что узнал, но нам надо уточнить кое-какие детали.

— Хорошо, я согласна, подъезжайте ко мне часикам к восьми вечера. Адрес свой я вам написала.

Она отключила телефон. Прекрасно, подумал я, успею заскочить к Маше — проведать ее.

По дороге в больницу я заехал на рынок, купил фруктов. Оранжевые апельсины и зеленые яблоки. Маша их любит.

В больнице, как всегда, пахло лекарствами и было полно народу. Я позвонил жене по телефону, и через некоторое время она спустилась в просторный холл.

— Привет, — улыбнулась она, и вся моя усталость, накопившаяся за это время, мгновенно улетучилась.

— Привет. Ну, как ты тут? — Мы сели на длинный диван, на котором уже сидели больные и пришедшие их навестить родственники или

друзья:

— Лечат. Врач говорит, все будет нормально. Скоро выпишут. А как твои дела? Судя по тому, как ты возбужден, ты снова взялся за какое-то дело?

— Ну, возбужден я по другому поводу. — Я обнял и поцеловал жену. Она засмеялась. — А дело я действительно веду.

— И что на этот раз?

— Пропал муж. К нам пришла женщина, которая говорит, что ее муж пропал. И нет его уже несколько дней. Ни на работе он не появлялся, ни у родителей. Версия с любовницей, может быть, и имеет место, но я думаю, он бы сказал об этом жене.

— Почему ты так уверен в этом?

— Не тот человек.

— Но ты же его совсем не знаешь, как ты можешь судить об этом?

— Ну, я так думаю. Вот, кстати, его фотография, посмотри. Не знаком?

Маша посмотрела на Михаила Петровича Васильева.

— Интересный дяденька. Он кто?

— Финансовый директор фирмы «Два кита». Достаточно преуспевающей, надо сказать, фирмы.

— А что это у него в руке?

— Трубка. Курительная трубка. Она, кстати, тоже привлекла мое внимание. Таких трубок я еще пока не видел. Оригинальная, да?

— Оригинальная.

— Стоп! — я чуть не подскочил на диване.

— Ты что?

— Так я уже видел сегодня подобную трубку. Я заезжал к нему на работу, разговаривал с его сослуживцами. И у одного из менеджеров на столе лежала она.

— Может быть, это похожая трубка. Откуда ты знаешь, мало ли их таких по всему миру?

— Нет, такую не перепутаешь ни с какой. Ладно, мы это выясним. Сегодня вечером я еду встречаться с его женой.

— Быстроты. Мужа нет всего несколько дней, а ты уже к его жене бежишь, пока своя лежит в больнице.

Я обнял Машу.

— Да шучу я, шучу, — она отстранилась. — И что ты будешь делать, если трубки действительно нет на месте?

— Установлю слежку за этим менеджером.

— Оригинальное решение. А если он ни при чем?

— Установлю «жучок» в его кабинете, у меня есть. Послушаю, о чем он говорит. Если он ни при чем, значит, копать придется в другом месте. Но что-то мне говорит, что он тут как раз при чем. Только зачем он эту трубку с собой таскает? Так ему понравилась?

— Копатель ты мой. — Маша прислонилась ко мне. — Ладно, давай мои фрукты и езжай к жене финансового директора. Она красивая?

— Красивее тебя никого нет, — я поцеловал ее в щеку.

А мимо нас проходили посетители, больные, медсестры, дежурные врачи. И была в этом хаотичном хождении какая-то своя закономерность. Почему-то говорить о том, что Михаила Петровича Васильева нет уже на этой земле и его труп где-то закопан или лежит на дне реки, нам не хотелось.

* * *

Я подъехал по указанному адресу. Вылез из машины. Квартира Васильевых находилась в многоэтажном доме-башне, недавно выстроенном. Дом был красивый, с огромными окнами и большими балконами под стеклом. Я вошел в подъезд. За стойкой сидел охранник в пятнистом

комбинезоне.

— Вы к кому? — спросил он равнодушно.

— К Васильевой, квартира двадцать один. Фамилия моя Плетнев.

— Сейчас я посмотрю в списке. Если вы есть, то, пожалуйста, сюда, а если нет, надо будет позвонить.

Охранник стал листать какую-то тетрадь, а я оглядел холл. Я даже и не знал, что элитные многоквартирные дома могут так выглядеть. Здесь было как в музее. Кругом лепнина, на полу плитка, в стороне от огромного лифта находился кожаный диван для посетителей. Рядом с диваном в огромном горшке росла диффенбахия. Точно такая, но поменьше во много раз, росла у нас с Машей дома. Удивительное растение. Здесь ей было просторно, и поэтому она вымахала, словно пальма, до самого потолка.

— Сергей Борисович? — наконец оторвался от тетрадки охранник. — Вы в списке. Вот, сюда, в лифт, седьмой этаж.

Он вышел из-за стойки, нажал на кнопку лифта. Двери его разъехались, и я вошел внутрь. В лифте было светло и просторно и пахло чем-то приятным. Мне показалось, что я оказался внутри у огромного животного. Стены лифта были

отделаны деревом, а справа находилось огромное зеркало. Не было здесь ни надписей, ни отодранных алюминиевых уголков, которыми оснащены лифты в подъездах обычных многоэтажек. На седьмом этаже лифт подмигнул мне зеленой кнопкой, двери вновь раскрылись, и я оказался на площадке, где располагались три квартиры. Я подошел к нужной, нажал на кнопку домофона. Дверь открылась почти сразу же. Меня ждали.

— Проходите, пожалуйста, — мило улыбаясь, сказала Нина Васильева.

Я вошел и в громадном коридоре даже растерялся. Нина была одета в голубенький халатик и такие же тапочки. Ее безупречные ноги вновь привлекли мое внимание. Встряхнув головой, я посмотрел женщине в лицо.

— Разувайтесь. Обувь можете оставить здесь, ее никто не украдет.

Я скинул ботинки и пошел вслед за хозяйкой в глубь квартиры. Квартира была великолепна. Дорогая мебель дополняла удачный интерьер. Видно было, что тут поработали дизайнеры. Она провела меня в зал, села в мягкое кожаное кресло и спросила:

— Вам чай, кофе или что покрепче?

Я наконец обрел дар речи:

— Я за рулем. Если можно, чайку.

— Красный, черный, зеленый, белый, желтый, с бергамотом, лимоном?

— Все равно. Я не гурман.

Она грациозно поднялась и вышла из зала. Я не мог представить ее на кухне с чашками и чайником. Эта женщина была создана для любви или чего-то еще высокого, а тут такая проза…

Но она вошла через некоторое время, обдав меня волной дорогих духов и запахом хорошего чая. На подносе она несла две кружки, сахар и конфеты.

— Я налила нам Дунтин Би Ло Чунь, что в переводе с китайского означает «Изумрудные спирали весны». Вы не против? Это элитный зеленый чай. Привезен из Китая. Итак, о чем же вы хотели со мной поговорить?

Я отхлебнул чаю и, отметив про себя вкус напитка, произнес:

— Я побывал на фирме, где работал ваш муж. Первый вопрос. Каковы ваши отношения с директором фирмы? Только, если можно, честно.

Я думал, что она обидится и выльет мне в лицо кружку ароматного «Дунтина», но женщина лишь слегка опустила глаза, а потом вновь их подняла и спокойно ответила:

— Никаких. А что, до вас дошли слухи, будто бы мы с ним… были любовниками?

— Да.

— О, я догадываюсь, откуда ветер дует. Но вам скажу, как на исповеди. У нас с ним ничего не было и не будет. Да, муж ревновал меня к нему, но вы сравните моего мужа и Глеба Егоровича. Могла бы я стать его любовницей? Да и ради чего?

— Ради денег, например?

— Ради денег? Пожалуй, да, но меня они сейчас совсем не интересуют. Видите, живем мы не плохо. Я бы даже сказала, хорошо, а что еще нужно? Да, мой муж не олигарх, ну и что? Зато он очень хороший человек и любит меня.

«Ее слова бы да в уши многим женщинам, которые «пилят» своих мужей за низкую зарплату или мечтают выйти замуж за «денежный мешок», — подумал я.

— Хорошо, оставим эту тему, если вы, конечно, мне не лжете. Второй вопрос: как вы считаете, могли ваш муж исчезнуть, ну, хотя бы для того, чтобы скрыться от органов правосудия?

— А что он натворил? Вам стало что-то известно?

— Нет, но на фирме говорят, что в некоторой степени именно от него зависело, получат со-

трудники фирмы деньги или нет.

— Ну и что же здесь удивительного? Он же финансовый директор.

— Я хотел сказать, что не мог ли он с этими финансами куда-то… скрыться.

— Вы пейте чай, пейте. Он вам не понравился?

Я кивнул.

— Понравился, но вы не ответили.

— Я не знаю. — Нина отвернулась. — Он не такой человек. Да и если бы он захотел это сделать, то, я думаю, сказал бы мне об этом.

— Вы так ему доверяете?

— Ну да.

— Вы святая женщина. Сейчас никто никому не доверяет, даже родственники и родители. А уж муж и жена «хоть и одна сатана», но порой жизни у них, даже в семье, — разные. Человек сам по себе одинок и может надеяться только на себя.

— Вы это специально говорите?

Я посмотрел на эту безупречно красивую женщину. Или она обманывает меня, или действительно так сильно любит своего мужа. Я не верил, что ТАКИЕ женщины могут ТАК любить.

— Хорошо, еще один вопрос. Ваш муж курил трубку?

— Он не только курил, он их собирал.

— Вы можете показать мне его коллекцию и именно вот эту трубку?

Я достал фотографию, которую совсем недавно дала мне Нина Васильева.

Она вгляделась в мужа, что-то прикинула в уме и сказала:

— Коллекция находится в его кабинете. А именно эта трубка была его любимой. Она изготовлена еще в восемнадцатом веке. Это очень дорогой эксклюзив. И он хранил ее как зеницу ока. Трубка лежала у него отдельно, в ящичке. Пойдемте посмотрим.

Мы вошли в просторный кабинет, выполненный в зеленом цвете. На столе из дуба лежал лэптоп. На стене висели громадные картины импрессионистов. В резном секретере под стеклом находилась коллекция трубок Михаила Петровича Васильева. Трубки были самые разные: коричневые и черные, даже белые, выполненные из дерева или морской пеньки, глины и фарфора, и даже из камня. О каждой из них коллекционер мог бы говорить часами, но они не интересовали меня. Нина вытащила отдельный ящичек.

— Здесь он хранил свою любимицу, — сказала она и открыла крышку ящичка. Внутри было пусто. Нина озабоченно посмотрела на меня. — Ее

нет. Куда же она могла деться?

— Кажется, я знаю куда, — ответил я.

* * *

На следующий день я подъехал к офису, где работал пропавший финансовый директор с самой обычной фамилией Васильев. С собой я прихватил прослушивающее устройство, так называемый «жучок». Оставив машину на стоянке, я, минуя охранника, вошел в офис фирмы «Два кита». Но в приемную к генеральному директору я не пошел, а ринулся сразу в кабинет менеджера, у которого накануне видел курительную трубку Васильева. В том, что это именно его трубка, я уже, после вчерашнего визита к Нине Васильевой, почти не сомневался. Я открыл дверь кабинета и вошел внутрь.

— Здравствуйте, — поздоровался я с находящимися в кабинете служащими фирмы. Один из них стоял ко мне спиной и что-то усердно втолковывал второму, который мне и был нужен. Стоявший мужчина обернулся.

— А, это снова вы? — произнес он. — Что вам угодно?

— Извините, э…

— Лев Борисович.

— Да, Лев Борисович, нам необходимо поговорить с вашим коллегой с глазу на глаз.

— Не понял. Я в своем кабинете уже стал лишним?

— Попрошу вас оставить нас одних. Дело срочное и важное.

Лев Борисович улыбнулся и, пожав плечами, вышел из кабинета.

— Итак, — я подошел к столу, за которым сидел оставшийся в кабинете менеджер. Вчера на его столе я видел табачную трубку, ну очень похожую на курительную трубку Васильева, — будем отпираться или правду говорить?

Менеджер — Олег Мязин, так было написано на его бейдже, — напрягся.

— Какую правду? О чем вы и что, собственно, происходит?

— Вчера я спрашивал вас об исчезнувшем финансовом директоре Васильеве. Я уверен, что вы знаете, где он.

— Вы что, с дуба рухнули? Откуда же я могу это знать?

Я как бы случайно уронил авторучку, которая лежала на столе.

— Ой, извините, я уронил вашу ручку, — сказал я, наклонившись. А сам в это время прикрепил

жучок, который достал почти сразу, как только вошел в кабинет. — О, вот она. Я распрямился и положил ее обратно на стол.

Олег Мязин был похож на притаившегося кролика, загнанного собаками и уже зажатого так, что ему некуда было деться.

— Я знаю, что вы причастны к исчезновению Васильева, — снова пошел я в наступление.

— Да идите вы. Не знаю я ничего. Он к нам редко заходил, о чем я вам уже вчера рассказывал, поэтому мы с ним близко не общались. Где он сейчас, я не знаю.

— Хорошо, не хотите говорить, не надо. — Я сделал шаг назад. — Но я сообщу о вас в милицию, вот тогда вы им все расскажете.

Я развернулся и вышел из кабинета. Стоявший в коридоре Лев Борисович посмотрел на меня удивленно и, ничего не сказав, вернулся в свой кабинет. Я же устремился к машине. Почти бегом, боясь пропустить важность момента.

Когда я запрыгнул в салон, то сразу же включил приемник сигналов от моего жучка, установленного в кабинете, где сейчас находился Олег Мязин. И как раз вовремя.

— Он все знает! — кричал кому-то по телефону менеджер. — Он только что был у меня и сказал,

что заявит на меня в милицию!

Выслушав ответ, он сказал:

— Не знаю я ничего. Давай сегодня в семь встретимся в ресторане «Русь». Это на повороте с улицы Папиной. Знаешь?

Кто-то снова ему что-то ответил, и Олег произнес:

— Как он догадался-то, сука?!.. Мне теперь тут делать нечего. Ищите мне хату. Все! — И он бросил трубку. Потом послышались шаги и хлопок закрывшейся двери.

* * *

Я сидел в машине до самого вечера. Олег Мязин из офиса пока не выходил. Многие его сослуживцы уже покинули здание, а его все не было. В восемнадцать тридцать он наконец появился на горизонте. Я завел двигатель и слегка присел в своем кресле водителя, чтобы он невзначай меня не увидел. Менеджер между тем подошел к черному внедорожнику и залез в него. Корейский «Санг Енг» неслышно тронулся и покатил вперед.

Где ресторан «Русь», я знал прекрасно, поэтому ехал за «корейцем» не спеша. Мы подкатили к заведению почти одновременно. Естественно, я держался на почтительном расстоянии и был

уверен, что Мязин меня не заметил.

Ресторан «Русь» представлял собой довольно дорогое и фешенебельное заведение. На входе стоял охранник, и абы кого он туда не впускал. Как только Мязин скрылся за высокой дубовой дверью, я тоже вылез из машины. Подошел к гориллобразному охраннику в строгом костюме. Он тупо посмотрел на мои «корочки» и кивнул бритой башкой. Мол, проходи.

В помещении было слегка темновато, громко играла музыка. Обычно музыканты тут всегда выступали вживую, но сегодня почему-то песни лились из динамиков проигрывателя компакт-дисков.

Мязина я заметил не сразу. Но как только увидел, постарался сесть так, чтобы не выпускать его из поля зрения, но и самому ему на глаза не попадаться. Благо шикарный зал ресторана это позволял. В следующие несколько минут ничего не произошло. Ко мне подошла официантка и широко улыбнулась.

— Заказывать что-то будете? — спросила она.

— Кофе и эклер, — сказал я, понимая, что шокировал женщину таким заказом. Обычно здесь «гуляют» на полную катушку. Но кушать мне сейчас почему-то совсем не хотелось. Хотя я

вспомнил, что целый день ничего не ел, ожидая, а вдруг Мязин покинет офис раньше положенного времени. Женщина удалилась, недовольно поведя плечами, а я продолжил наблюдение.

Около семи к Мязину подсел какой-то парень. Одет он был стильно и модно. Они заказали водку и какие-то салаты. Официант принес им все очень быстро. Расставил на столе и удалился. О чем говорил Мязин и его приятель, я не слышал, но видно было, что разговор между ними ведется на повышенных тонах. Официантка, уже не улыбаясь, принесла мне кофе и пирожное. Пирожное я проглотил сразу, а кофе пил по глотку. Надо сказать, что он здесь был отвратительный. Моя Маша готовила лучше. «Как там она без меня, — подумалось мне, — сегодня я ее уже не навещу».

А затем случилось следующее. Мязин выбрался из-за стола и вышел в туалет. Парень в это время достал какой-то небольшой мешочек и высыпал его содержимое в стакан, наполненный водкой. Это был стакан менеджера. «Из этого стакана только что пил Мязин! — пронеслось у меня в голове. — Что происходит?»

Менеджер вернулся на удивление быстро. Я не знал, что предпринять. Скорее всего, порошок в его стакане не простой порошок; в то же время

если я сейчас подойду к ним, то уже никогда не узнаю, связан Мязин с похищением финансового директора Васильева или нет. Но все мои сомнения и терзания разрешились сами собой. Мязин быстро хлопнул стакан с водкой и закусил свежим огурцом. Парень, сидевший ко мне спиной, что-то говорил ему в это время, потом поднялся. И тут я убедился, что был прав относительно порошка. Мязин вдруг побледнел, схватился рукой за горло и… обмяк. Причем все это произошло молча и быстро. Я полагаю, что остальные посетители ресторана ничего и не заметили. Сотрапезник Мязина аккуратно посадил своего товарища так, будто бы тот уснул за столом, а сам поспешил на выход. Обслуживающий их официант, увидев это, ринулся к нему.

— Мужчина, а счет! Вы не оплатили счет! — закричал он так, что было слышно на весь зал. Многие посетители ресторана повернули головы в их сторону.

— Вон он заплатит, — ответил парень и ухмыльнулся, — когда проснется…

Официант резко остановился, будто уткнулся в стену, и пошел к стойке, где находились его коллеги. Я быстро достал деньги из кошелька, положил их на край стола и поспешил за уже

открывавшим входную дверь сотрапезником Мязина.

На улице парень подошел к автомобилю «Шевроле», припаркованному неподалеку от ресторана, сел в него, и автомобиль тронулся с места. Я рванулся к своей машине. Упустить этого парня было нельзя. Я был на правильном пути! Мязина убрали, скорее всего, из-за того, что он был как-то причастен к исчезновению Васильева. То, что его убили, а не усыпили, я был уверен на все сто процентов. Он стал не нужен, но кому?

По городу мы ехали довольно быстро. «Шевроле» мчался словно угорелый. Я старался не отставать от него, но и не лезть на глаза. Мимо пролетали дома и целые кварталы, и вот наконец мы выбрались на трассу. Машин здесь было мало, и мне приходилось все время пропускать кого-нибудь вперед, чтобы не вызвать подозрения у мчавшегося впереди убийцы Мязина.

Уже была осень, начинало темнеть. Деревья за городом стояли гораздо красивее, чем в городе. Желтые, красные, багряные и золотые, они возвышались неподалеку по краям обочины. Но любоваться прелестями увядающей природы не было времени — убийца менеджера все еще катил куда-то вперед. Наконец фары его машины

призывно подмигнули, и он съехал с трассы. На указателе, проплывшем мимо, я прочитал: «Деревня Новочеркутино». Прекрасно. Мы отъехали от города более чем на сто километров. Между тем «Шевроле» по грунтовой дороге про- катил еще некоторое время и остановился у небольшого домика. Это была одноэтажная хибара, видимо, уже брошенная хозяевами много лет назад. Я тоже съехал с трассы и проехал вперед. Я видел, как из машины выбрался модно одетый парень, как окинул взглядом мой автомобиль, как открыл калитку, а потом вошел в дом. Мне пришлось проехать еще несколько метров и остановиться. Я выбрался из машины и, стараясь не привлекать к себе внимание местных жителей, огородами направился к дому, куда зашел убийца Мязина. Не знаю, удалось ли мне это, но собаки облаивали меня довольно громко. В конце концов я добрался до злополучного дома. Во дворе никого не было. Словно партизан, я приблизился к окошку. Подтянулся на руках и заглянул в окно. Никого. Пошел дальше. Слава богу, у хозяев этого строения собаки не было, иначе меня бы уже разоблачили и поймали. Вот еще одно окно, и в нем горел свет. Я вновь подтянулся и заглянул внутрь. То, что я увидел там, заставило меня отшатнуться. А

увидел я сидящего в центре комнаты Васильева. Он был связан по рукам и ногам, рот заклеен скотчем. Рядом с ним сидели трое. Уже известный мне модно одетый сотрапезник менеджера Мязина и еще двое угрюмых мужиков. Одному на вид было лет сорок, второму чуть больше. Они о чем-то оживленно спорили. Одеты они были довольно шикарно для такого дома. Я быстро спрыгнул вниз и ринулся прочь от него. Вытащил из куртки телефон и позвонил своему давнему другу и бывшему сослуживцу полковнику милиции Ивану Загнойко.

— Ну и что ты хочешь? — спросил он, выслушав меня.

— Как что, надо выручать человека.

— Да его жена к нам несколько раз приходила. Мы его тоже ищем.

— А я его уже нашел. Жду твоих парней из ОМОНа, потому что мне одному с тремя его похитителями не справиться.

— Слушай, ну какой же ты… — Я понял, что Иван сдержался, чтобы не выругаться. — Ладно, выходи на трассу и жди нас там. Сам понимаешь, что приедем мы не слишком быстро. И запомни, что бы там ни происходило, никуда не лезь!

Он повесил трубку. До приезда его бравых пар-

ней пройдет как минимум больше часа. Тогда уже совсем стемнеет. А что делать мне? Не приближаться к дому, как мне посоветовал полковник? А вдруг Васильева убьют? И я, недолго думая, пошел обратно к дому, где держали финансового директора.

Приблизившись к окну, я снова подтянулся на руках и стал смотреть, что же там происходит. А там ничего такого не происходило. Васильев все еще сидел на колченогом стуле и, кажется, дремал. Неподалеку от него расположился, поигрывая пистолетом, один из мужиков. Других бандитов видно не было. Интересно, куда они делись? Это я узнал буквально через секунду. Сзади меня кто-то дернул за ногу. Я соскочил вниз.

— Тебе чего здесь надо? — спросил модно одетый парень из ресторана.

— Да я это, — я не знал, чтобы придумать, — я сосед ваш. У меня собачка убежала, думал, может быть, она у вас?

— У нас, у нас, — ласково проговорил парень и что есть силы саданул меня в подбородок. Голова моя откинулась назад, и я больно ударился о кирпичную стену дома, а потом рухнул как подкошенный им под ноги. Еще один мощный удар сверху вогнал меня в беспамятство. Я потерял

сознание.

Очнулся от того, что что-то теплое и влажное текло по моей щеке. Я, так же как и Васильев, был связан по рукам и ногам, но меня они оставили лежать на грязном полу, покрытом линолеумом.

— О, любитель собачек очнулся, — один из парней подошел ко мне. — Хлипкий ты какой-то, а еще частным сыском занимаешься. — И он бросил мне под ноги мои «корочки». — За этим пришел? — он указал на испуганно таращившегося на меня Васильева.

— Да, за ним, — ответил я, еле ворочая языком. А сам украдкой взглянул на часы. До приезда милиции оставалось как минимум полчаса. Я надеялся, что за это время нас убить не успеют. И омоновцы поторопятся и приедут быстрее.

— А как ты нас выследил? — Модно одетый парень подошел ко мне ближе.

— Так за тобой ехал из самого ресторана.

— Так это ты, Крюк, на хвосте этого козла привел? — вскочил тот мужик, которому на вид было лет сорок.

— Сядь, Батон, не мельтеши, — подал голос другой мужик, постарше. Тут только я разглядел его руки, которые были все в воровских наколках. Как бывший сотрудник милиции,

проработавший в органах много лет, я определил в нем авторитета. В руках он держал пистолет, который, видимо, отобрал у Батона, недавно игравшегося им, словно ковбой Мальборо.

— Значит, говоришь, он привел тебя сюда? — спросил авторитет.

— Значит, он.

— И ты видел, как он убрал Лысого в кабаке?

Я вопросительно посмотрел на него.

— Ну, этого, как его?

— Мязина, — подсказал Крюк.

— Да, видел, — сказал я, а что мне еще оставалось делать. Время шло, и мне надо было его тянуть как можно дольше.

— Ну что ж, не хотелось бы тебя расстраивать, но придется тебя грохнуть.

Авторитет поднял пистолет, взвел затвор, я уже попрощался с жизнью, с Машей и с нашими не родившимися детьми, но доделать свое «черное» дело авторитет не успел. Окно, в которое я недавно смотрел, треснуло, и пуля, пробившая его, вонзилась мужику прямо в покатый лоб. Он молча повалился на спину.

— Ох, тля, — вырвалось у Батона.

В то же время дверь под мощным натиском отворилась, и в комнату влетели парни в масках и с

автоматами. Крюк тут же получил прикладом автомата в лицо и выронил пистолет, который уже был у него в руке, а Батон поднял руки вверх, но это его не спасло. Кованый башмак врезался ему в промежность, и он, застонав, осел на пол. Если вы думаете, что омоновцы ведут себя при захвате дружелюбно и по-джентльменски, то вы глубоко ошибаетесь. Для них это прекрасный шанс испытать свои силы на ком-то. Поэтому Крюку и Батону «в подарок» досталось еще несколько ударов. Они не возражали. Вслед за группой захвата в помещение ввалился мой друг. В помещении стало тесно.

— Этих пакуйте, а этих распакуйте, — пошутил он, посмотрев сначала на бандитов, а потом на меня и Васильева. Мой ангел-спаситель Загнойко выручил меня в очередной раз.

— Больше спасать тебя не буду, — сказал он, когда мы остались одни, — ухожу на пенсию…

* * *

На следующий день я сидел в кабинете у своего друга, полковника милиции Ивана Загнойко. Иван вальяжно расположился в своем кожаном кресле, а мы — это я и бывший «пропавший» Михаил Петрович, естественно, Васильев, восседали

напротив него за столом, где он обычно распекал своих подчиненных. Сегодня он распекал меня. Ругал самыми последними словами, а я краснел (за него) и молчал. А что я еще мог ему возразить после того, что произошло вчера. Если бы сотрудники ОМОНа и мой товарищ на «лихом коне» вовремя не успели, обнаружили бы они в «осиротевшем доме» два трупа. Это он имел в виду мой и Васильева. Распекал меня Иван добросовестно, так, что мне действительно стало стыдно. Васильев тоже молчал. Он смотрел на меня немного свысока. Мол, вот, на тебе, дурачок, пирожков с маслом. Хотя весь сыр-бор и начался-то из-за него. Точнее, его дражайшей супруги. Ведь если бы не она и его курительная трубка, не было бы сейчас с нами финансового директора фирмы «Два кита». Это я почему-то знал точно. Бандиты бы его точно убили.

В конце концов я не выдержал.

— Ваня! Хватит, мы же не малые дети, — сказал я.

Мой друг полковник замолчал на полуслове.

— Давай лучше выслушаем Михаила Петровича. Как же это он так попал в сети к бандитам? Ведь это его они держали почти целую неделю под замком, и, я думаю, не просто так, а, Михаил

Петрович?

Васильев после моих слов потух. Перестал смотреть гоголем. Загнойко, прекрасно зная мой характер, слегка расслабился.

— Да, дорогой вы наш финансовый директор, — сказал он, — расскажите-ка нам еще раз, почему это вас похитили довольно известные в некоторых кругах личности? Что вы им были должны?

Васильев нервничал.

— А что рассказывать? — начал он. — Я же вчера следователю все рассказал. Спасибо вам, конечно, за то, что спасли меня, но…

— Что «но»? Из-за вас человек своей жизнью рисковал, — Загнойко переключился на другой «объект», и я уже потирал руки, сейчас и ему достанется, — а вы ничего нам сообщить не желаете. Вы что, агент иностранной разведки? Ну-ка, живо. Или я вас того…

Иван, видимо, забыл, что хотел сделать с Васильевым, потому что замолчал. Все телефоны он отключил заблаговременно и поэтому никак не мог уйти от беседы, сославшись на телефонный звонок. А Васильев никак не хотел «колоться».

— Спасибо вам большое, — это он мне, — но я все вчера рассказал…

— Ладно, не хочешь говорить, тогда я сам все

расскажу.

Я вопросительно уставился на Загнойко.

— А что, я тоже могу. Насколько мне известно, фирма «Два кита», занималась производством товаров для дома; в то же время ее годовой оборот составлял, по некоторым данным, несколько сотен тысяч долларов. Спрашивается, товары для дома так хорошо берут? А, товарищ Васильев?

Тот скукожился.

— Идем дальше, тем более что идем мы в нужном направлении. А кроме производства «товаров для дома», фирма «Два кита», а точнее, ее директор, финансовый директор и менеджер Мязин, ныне покойный, упокой его душу господи, занимались наркотой. Так, господин Васильев?

Тот продолжал молчать, вогнув голову в плечи. Я догадывался, что что-то в этой фирме нечисто. Но откуда Загнойко об этом знал? Видимо, действительно милиция уже разрабатывала эту фирму, а похищение Васильева только подстегнуло их к дальнейшим действиям.

— Продолжаем. Причем наркотой не плохой, ибо брали ее хорошо. Каналы поставки мы сейчас разрабатываем, а местных распространителей нам генеральный директор «Двух китов» уже назвал. И как вы могли работать без серьезной

«крыши», никак не пойму, кому вы отстегивали часть заработанных средств, следствие еще толком не установило.

Ладно, идем дальше. В один из дней к вам, господин Васильев, пришли те трое, которых мы вчера задержали. Попросили поделиться с ними. Но ни генеральный директор, ни финансовый этого не захотели. Тогда «слабым звеном» оказался обычный менеджер Мязин, который получал для обычного менеджера не совсем характерную зарплату. А дальше все ясно: Васильева похитили и попросили генерального директора Глеба Егоровича Синичкина «выкупить» своего товарища. Он обещал, что все сделает.

— Поэтому-то он и молчал, когда я его спрашивал о Васильеве, — произнес я.

— И не только поэтому. Деньги со счетов фирмы «Два кита» должны были поступить на счет, который им дали те, кого мы вчера задержали. И как только они поступили бы, вас, господин Васильев, уже не было бы на этой грешной планете. О чем вы думали? Надеялись, что вас после этого отпустят?

— Господи, как я устал, — сказал Васильев. — Ничего я не думал. Я устал от этой жизни, от всего, ну, убили бы меня, велика потеря, — он смотрел

куда-то вдаль.

— Велика, особенно для вашей жены. Если бы не она, неизвестно, как бы все сложилось. А за наркотики придется вам и вашему генеральному немножко посидеть в «местах не столь отдаленных». А может быть, и не немножко, это уже будет решать суд.

Я посмотрел на Ивана и не удержался от тривиального вопроса:

— А какого же… если вы все это знали и ничего не делали? Ждали, пока я влезу в это дело?

— Я — это последняя буква в алфавите. Ты все испортил. Мы были уже близки к завершению операции, и тут ты свалился как снег на голову. И ваша жена, — он посмотрел на Васильева, — тоже нам все испортила. Потому что любит вас. Даже несмотря на то, что у нее масса поклонников и вы уделяете ей очень мало внимания. Вы-то ее любите?

Васильев молчал.

— Не хотите говорить, не надо. — Загнойко нажал кнопку снизу стола, и в кабинет вошли конвоиры. — Простите, Михаил Петрович, но с женой вы теперь увидитесь только в следственном изоляторе. Мне очень жаль, но статью за незаконный оборот наркотиков никто не отме-

нял. А вы с этого, насколько мне известно, вместе с вашим генеральным имели очень даже неплохой куш. Уведите…

Когда Васильева увели, Загнойко посмотрел на меня.

— Ну, доволен, Джеймс Бонд хренов? — сказал он. — Что ты теперь его жене скажешь?

— Главное, что он жив. Понимаешь, она верила, что он жив, и оказалась права. Вот так. Но как вы все это?..

— Очень просто. Работаем. Обо всех тонкостях и нюансах я тебе не расскажу, скажу лишь, что мы действительно не знали, где содержат Васильева. Бандиты вели себя осторожно, и мы никак не могли выйти на их логово. Ладно, оставим эту тему. Марию скоро выпишут?

— Завтра должны.

— Привет ей передай. И больше в такие дела не лезь. У тебя кишка тонка. И вообще, закрывай ты свое агентство. Что ты будешь делать, когда вместо милиции появится полиция? Ты не подумал?

Поняв, что мой друг шутит, я улыбнулся.

— А ничего не буду. Ты уйдешь на пенсию, а я буду расследовать дела об изменах жен мужьям или наоборот. Ведь тема «рогоносцев» во все времена была популярна. Сейчас иногда что-то

подобное показывают по телевизору, и знаешь, наверное, ребята, которые занимаются всем этим, неплохо зарабатывают…

* * *

Вечером я был у Маши в больнице. Рассказал ей все, что со мной приключилось, кое-что, конечно, приукрасив, а кое-что опустив.

— А ты думаешь, я люблю тебя меньше? — спросила она, прильнув к моему плечу.

— Я думаю, что ты любишь меня больше! — ответил я и поцеловал ее в губы. — И знаешь, не все в этом мире решают деньги. Как только жена Васильева узнала, что он жив и практически здоров, примчалась к нему сразу. Загнойко разрешил им повидаться. Она сначала плакала, а потом сказала, что будет ждать его, сколько придется. И целовала, целовала, словно это в последний раз…

— А ты откуда знаешь, подслушивал, что ли, и подглядывал?

— Нет, она потом сама нам так сказала.

— Так я тебе и поверила. А я вот тебя ждать бы не стала.

Я отстранился от жены и посмотрел на нее вопросительно.

— Я бы за тобой пошла по этапу, как жены декабристов. Ты был бы не против?

Я обнял ее за хрупкие плечи и поцеловал. А что мне еще оставалось делать?

Елена Болотова
СТРАШНЫЙ СУД

Все замерло в этот предутренний час, застыло в ожидании рождения нового дня. Тишина была такой густой, такой глубокой, что ее глубину не нарушало отдаленное журчание реки на перекате. Даже кузнечики в траве молчали в этот торжественный час. Неподвижно висели в воздухе длинные ветви большой березы, застыли устремленные вверх сабли осоки на берегу, замерли усыпанные крохотными капельками росы бесчисленные паутинки в траве. Казалось, само время остановилось. Но с каждой минутой становилось светлее. Ночная мгла таяла, сменяясь зыбкой, белесой от тумана и от зарождающегося света полупрозрачной дымкой. Туман, сгущаясь клочьями, стал спускаться к земле. Вдруг в этом застывшем мире раздался звонкий птичий голосок, какой-то робкий, несмелый, резко обо-

рвавшийся на полутрели. Потом голосок зазвучал вновь, уже уверенно, решительно, и, словно повинуясь сигналу, запустившему остановленное время и снявшему оцепенение колдовства, природа ожила. Плеснула рыба на реке, затрещали кузнечики во влажной траве. Вслед за смелой певуньей завели свои арии другие птицы. Поднялся легкий, чуть заметный ветерок, потащив клочья тумана к реке. Качнулись ветви березы, пробежала волна по усыпанной жемчугами траве.

Василий Сурепкин стоял на веранде своего загородного дома и нервно курил, глядя невидящими глазами на пробуждение природы. Ему было не до кузнечиков и паутинок. Бизнес трещал по швам. Откуда приползла напасть? Еще неделю назад ничто не предвещало катастрофы. С одной стороны, конечно, экономический кризис. Вряд ли сейчас найдется компания, которую не затронули финансовые проблемы. Но с другой стороны, он был уверен, что сможет обслужить долги, а интуиция его обычно не подводила. Если бы это было не так, он не был бы тем, кто есть сейчас — создателем компании «Спайдерлинк», владельцем тысяч успешно торгующих магазинов, крутым бизнесменом с миллиардным состоянием.

Почти совсем рассвело. Вершины сосен над высоким скальным обрывом противоположного берега реки осветились оранжевым светом солнца, медленно выползающего из-за леса. Резко зазвонил телефон в кармане джинсов. Василий выбросил папиросу в траву, раскрыл мобильник. Звонил топ-менеджер его компании Марат. Этот парень недавно пришел в его бизнес. Когда создание компании было завершено, Василий понял, что нет смысла париться одному и можно смело переложить большую часть трудов на другого. Василий не ошибся в выборе. Марат был шустер и хитроумен. Он прекрасно заменил шефа в текущих делах. Некоторый недостаток воображения и фантазии топ-менеджера с лихвой компенсировался его деловой хваткой, умением все держать под контролем и собачьей преданностью хозяину бизнеса. Его утреннее сообщение было тревожным. Он говорил о быстро набирающем обороты конкуренте, компании «Максус», выбросившей на рынок суперновую продукцию. Марат узнал, что «Максус» заключил договоры с несколькими поставщиками «Спайдерлинка». Конкурент планомерно отбирал у Василия поставщиков и рынки сбыта.

«Так вот чем дело! — подумал Сурепкин. — У

меня завелись враги. Но как они посмели тягаться со «Спайдерлинком», крупнейшей сетью региона? Кто за этим стоит? И как они смогли переманить партнеров?»

Сурепкин был не из тех, кто безропотно позволяет себя грабить. Он был уверен, что, когда тонешь, есть только один способ спастись — работать всем, что еще двигается, и плыть. Этому принципу он следовал всегда. Почти всегда. Усмехнувшись, он вспомнил свою работу в заводском КБ. После окончания техникума он попал на завод, где четыре года влачил жалкое существование. Потерянные годы жизни! Когда наступили девяностые годы, эпоха челноков, Сурепкин бросил вечернее отделение университета. Свои университеты он проходил на рынке. Он торговал джинсами, спортивными костюмами, шоколадками; работал продавцом в магазине сотовой связи, потом создал свою компанию. Такой вот зигзаг судьбы.

Марат ждал его в вестибюле офиса компании. Он предупредительно открыл перед шефом дверь его кабинета и, войдя следом, плотно прикрыл ее. Быстро придвинул кресло ближе к столу, сел напротив шефа.

«До чего же он ловок! — подумал Сурепкин,

глядя на спортивную, подтянутую фигуру помощника. — Ловок и изящен».

Сам Василий стройностью не отличался. Он имел фигуру молотобойца в отставке, грузную, бесформенную и рыхлую. Шумные банкеты с нужными людьми наложили отпечаток. Ему некогда было следить за своей фигурой, да и не было нужды. Что он, модель? Бодибилдер? Он молился другим богам — бизнесу и рынку.

— Ну, что там за переполох? — спросил Сурепкин снисходительным тоном папаши, уставшего вытирать сопли неуклюжему малышу.

Марат положил перед шефом список партнеров, перекупленных «Максусом».

— Так, — задумчиво сказал Василий, пробежав глазами список. — Что они говорят?

— Извиняются, но предложение «Максуса» очень заманчиво. Сейчас, во время кризиса….

— Кризис, кризис, — раздраженно перебил Сурепкин. — Что за «Максус» такой? Откуда он взялся?

— Я звонил туда несколько раз. Отвечает секретарша, ни с кем не связывает, только обещает перезвонить.

— Дай номер!

Сурепкин набрал номер «Максуса». Он задумчи-

во слушал долгие гудки, потом положил трубку.

— Чушь какая-то, — сказал он раздраженно. — Дождись секретаршу и направь им факс с предложением обсудить ситуацию и выработать решение, приемлемое для обеих компаний.

Ответ от «Максуса» пришел на удивление быстро. Сурепкин вновь и вновь перечитывал короткий текст, пытаясь вникнуть в ускользающий от его понимания смысл ответа:

«Главе компании «Спайдерлинк». В связи со сложившейся рыночной конъюнктурой и в целях создания крупного холдинга предлагаем вам продать компанию на выгодных для вас условиях. Руководство компании «Максус».

Сурепкин рассмеялся. Марат удивленно смотрел на него черными блестящими глазами. Василий откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. На секунду он представил себе, что продает компанию. Боже, как хорошо! Ни забот, ни волнений. Семья, загородная вилла, чистый воздух. Он мог бы писать, разводить лошадей или заниматься благотворительностью. Сурепкин блаженно улыбнулся. Постепенно улыбка сползла с его лица. Кому они посмели диктовать условия? Почетному гражданину города, перед которым городские власти лебезят и заикаются? Кому они

указывают? Депутату Городской думы? Сурепкин сделал презрительную гримасу.

— Что ответить? — спросил Марат.

— Ничего, — бросил небрежно Сурепкин. — Не беспокойся, я сам займусь этим делом. А ты проверь запасы товара на складах и к вечеру принеси данные мне.

Всю следующую неделю страна смеялась над забавной рекламой, мелькавшей в паузах рейтинговых телевизионных передач. По улице, спасаясь от громадного пса, бежала перепуганная мартышка. Мартышка вбегала в приоткрытую дверь, пес замирал в растерянности. Дверь тут же распахивалась, на пороге появлялся шикарно одетый господин. Он доставал из кармана мобильный телефон. Крупным планом была показана обезьянья лапа с телефоном. Лапа набирала номер, и с каждой цифрой шерсть с нее все больше опадала, и лапа превращалась в руку. У ног господина, поджав хвост, заискивающе скулил огромный пес, а над головой сияла надпись: «Спайдерлинк» — человеку!»

Все магазины сети провели акции. Скидки дарились каждому десятому покупателю, самому высокому покупателю, самой длинноногой девушке и далее в том же духе. В торговых точках

толпился народ. Рейтинг быстро вырос, продажи подскочили. Сурепкин знал что делал. Он был добычей не по зубам для какого-то неизвестного и неопытного «Максуса». Стали один за другим звонить поставщики.

— Задергались! — усмехался Василий. — Заволновались! А я еще посмотрю, с кем перезаключать договор, а с кем нет.

Беда миновала. Как обычно, он победил. Сурепкин сидел в своем кабинете, подводя итоги рекламной компании, пересчитывая прибыль. Сейчас, когда напряжение спало, он почувствовал усталость. Какая-то затаенная, загнанная вглубь и не имеющая права голоса частица его души не позволяла ему в полной мере упиваться триумфом победы. Почему она проснулась именно сегодня, он не знал.

«Как все надоело, пропади оно пропадом! — подумал Василий. Он встал, отложил счета, закурил. — Поеду за город, отдохну пару дней, — решил он. — Схожу на рыбалку, за грибами».

Он вышел из офиса, сел в машину. Надо было заехать в городскую квартиру за кроссовками. Оставив машину у газона напротив своего дома, он вошел в дверь подъезда и вскоре вышел оттуда с сумкой. Когда он доставал из кармана брюк

ключи от машины, раздались выстрелы. Пять выстрелов прозвучали один за другим. Охрана, выскочившая из подъезда, увидела метнувшуюся прочь тень и оседающее тело бизнесмена. Взревел мотор. Выбежав на дорогу, охранники смогли разглядеть в вечерних сумерках лишь силуэт удаляющегося мотоциклиста.

Василий почувствовал острую боль, пронзившую тело, потом еще и еще, уже не такую резкую. Он стал проваливаться в черноту, в вязкую бездонную черноту, облепившую его. Неожиданно боль прошла, он увидел зеленую лужайку, отца, забрасывающего вилами сено на вершину стога, и мать, поправляющую платок на голове. Вдруг всю картину заслонила огромная голова коровы с блестящими, дышащими влагой ноздрями и мягкими губами. Потом голова коровы растаяла в тумане, а сверху, разрывая пелену тумана, прорвался яркий тонкий луч. Он развернулся, заполнил собой все пространство вокруг, и Василий почувствовал, что туман поплыл куда-то вниз. Он чувствовал, что упавший сверху луч обхватил его и тащит вверх. Он видел внизу в вечернем полумраке удаляющийся двор, крышу дома, машину, стоящую у газона, видел собственное тело, распростертое у машины и двух охранников,

склонившихся над ним. Вот двор его дома растворился в сумраке. Сурепкин мог охватить взглядом уже весь город, его улицы, вдоль которых одна за другой зажигались цепочки огоньков, кварталы, освещенные окнами домов, баржи, плывущие по реке. Потом и город подернулся дымкой. Василий видел горы, поля, леса, нитки рек, белые ледники в распадках гор, моря, ломаные очертания берегов в разрывах облаков. Он видел всю планету, видел ползущую по ней на запад тень наступающей ночи.

Василию было необычайно легко и покойно. Отступила боль, ушли тревоги. Он не чувствовал тела, он был легок, невесом и свободен. Луч, тянущий вверх, отпустил его. Василий почувствовал, что может передвигаться самостоятельно, повинуясь своей воле. Ощущение собственного «я» было ново и непривычно. Он не поворачивал головы, не двигал глазами и в то же время видел все вокруг — голубую Землю под ним, мириады звезд на черном бархате космоса, спутник, пролетающий невдалеке. Он видел, как спутник быстро вращается вокруг своей оси и его раскинутые в стороны солнечные батареи короткими вспышками сверкают на солнце, делая его похожим на маяк, плывущий в космическом океане.

Вид этого аппарата, созданного руками человека, вывел Василия из состояния эйфории. «Кто я теперь? — думал он. — Человек или уже нет? Какой-то бесформенный, окруженный сияющей оболочкой сгусток энергии. И что будет дальше? Этот сгусток энергии рассеется, и я умру окончательно? Сколько мне отпущено дополнительно? Девять дней? Сорок дней? И что я могу в таком состоянии?»

Василий попробовал передвигаться. Это у него получилось, не сразу, рывками. Вскоре он уже мог уверенно перемещаться в пространстве одним лишь усилием воли, ясно представив себе свои намерения и направление движения. Василий стал спускаться вниз. Он решил выяснить, кто сотворил над ним эту гнусность, кто его заказал.

Он летал над городом легким облачком, невесомой дымкой, проникая сквозь стены и окна, посещая близких ему людей, всех, с кем когда-то был знаком. Он ужасался тому, как мало значил он в их жизни, он, Василий Сурепкин. Он никогда не сомневался в том, что этот отлаженный и успешный мир, этот мирок, который он создал, держится исключительно на нем и без него развалится, как карточный домик. На своих похоронах Василий летал между присутствующими,

заглядывал им в лица, слушал речи, разговоры. Все чин чином, ничего не скажешь. Хотя от жены и детей он ожидал больших чувств и переживаний. Он ожидал проявления отчаяния, безысходного горя. Что поделаешь, сам виноват. Слишком мало времени он уделял им при жизни. Он был уверен, что они обязаны его любить по его статусу и положению. Видимо, сердцу статус не указ. Но больше всего его поразила перемена, произошедшая с Маратом. Это был уже не тот предупредительно услужливый паренек, каким он привык видеть помощника. Это был властный, уверенный в себе хозяин с жестким взглядом черных глаз. Наивное и простоватое выражение его лица, знакомое Василию, сменилось маской повелителя. Марат явно поменял имидж. Он был одет в безупречно сидящий дорогой костюм. Его шикарный лимузин стоял на парковке. Когда он успел его купить?

В душу Василия вкралось подозрение, еще не догадка, а смутное предчувствие возможности найти истину. Он стал всюду следовать за Маратом. Тот ужас, который ему открылся, потряс его. Злодеем и завистником, пытавшимся перехватить его бизнес, оказался его верный помощник, его топ-менеджер Марат. Он организовал фирму

«Максус», он договаривался с поставщиками. И сейчас, после смерти шефа, он завершил начатое, перекупив у жены Василия весь его бизнес за треть его настоящей цены. Он обосновался в офисе компании за большим, оборудованным всевозможной электроникой столом. На его лице то и дело появлялась довольная улыбка, глаза же оставались холодными и злыми. Таким взглядом встречал он посетителей.

Как-то на прием к Марату пришел крепкий, коротко стриженный парень с выступающими скулами и бесцветными глазами. Марат закрыл за ним дверь на замок. Он выдвинул ящик сейфа и достал оттуда небольшой кейс. Пристально глядя в глаза посетителю, Марат протянул ему кейс. Парень бесцеремонно бросил кейс на стол, щелкнул замками. Крышка кейса откинулась, обнажив его содержимое — аккуратно уложенные пачки денег.

— Сколько? — спросил парень.

— Как договорились, — ответил Марат.

— Хорошо, но как бы недостаточно. Требуются премиальные. Я сделал работу чисто и аккуратно, не к чему конкретно придраться. Ваш шеф в могиле, вы получили его бизнес. Надо отблагодарить.

— Я тебя отблагодарю, — сквозь зубы прогово-

рил Марат. Его рука потянулась к ящику стола.

Парень схватил кейс со стола и, бросив: «Я пошутил!», поспешно удалился.

Василий был потрясен. Теперь он знал все. И то, за что его убили, и того, кто его заказал, и того, кто выполнил заказ. Прислушавшись к себе, он вдруг понял, что все это его совершенно не волнует. Он не испытывал ненависти к преступникам, не испытывал никаких особых чувств, разве что жалость. Им придется влачить на себе всю жизнь грех совершенного преступления и страх перед разоблачением.

Прошел месяц. Василий кружил над лесами и полями, над городами и океанами. Ему было спокойно. Он уже не испытывал тоски по Земле, не хотел вернуться к своей прежней жизни. Он понимал, что этот этап его существования худо-бедно закончен, а что будет дальше и будет ли вообще что-нибудь еще, он не знал. Он ждал сигнала, и этот сигнал поступил. Его вновь потянула вверх могучая сила, гораздо более мощная, чем прежде. Земля стала быстро уменьшаться, промчалась мимо Луна, и вскоре Земля и Луна стали размером со школьную модель из его детства, стоявшую когда-то на столе в кабинете естествознания. Его тянуло в сторону Солнца.

Светило уже основательно увеличилось в размерах и стало огромным и красным, как в жаркий день на закате. Неужели, думал он, ему предстоит раствориться в его огненном котле? Неужели это и есть ад для грешников? Но вскоре его движение замедлилось. Впереди показался большой сияющий объект, огромное облако, мерцающее мириадами искр. Искры беспокойно сновали по его поверхности, хаотически двигались внутри, напоминая броуновское движение или огромную комариную стаю. Подлетев ближе, Василий разглядел, что гигантское облако состоит из облаков поменьше, а те, в свою очередь, делятся на маленькие облачка, медленно плавающие внутри больших.

Неожиданно от образования отделилось маленькое облачко и приблизилось к Василию. Оно подлетело совсем близко, коснувшись своей оболочкой оболочки его новой энергетической формы. Василий вдруг ясно увидел степенного пожилого человека в длинных одеждах с курчавой бородкой и смешинкой в уголках глаз.

— Здравствуйте, Василий, — сказал старец.

Василий ясно слышал человеческую речь на понятном ему языке, хотя не было произнесено ни слова, ни звука. Василий попытался ответить,

и это у него легко получилось. Он вежливо поздоровался.

— Меня зовут Аристотель, — представился старец. — Я возглавляю Совет старейшин, который определит вашу дальнейшую судьбу.

— Страшный суд? — спросил Василий.

Аристотель рассмеялся, потом согласно кивнул.

— Хорошо, пусть будет Страшный суд. Сейчас у вас свободное время, полетайте, приглядитесь. Когда придет время, мы вас вызовем.

Аристотель отдалился от Василия и, вновь превратившись в прозрачное светящееся облачко, погрузился обратно в пульсирующую и дышащую энергией субстанцию. Василий решил облететь облако вокруг, но скоро понял, что это невозможно. Облако было огромным. Василий подлетел к его поверхности вплотную, коснулся его оболочки своей и легко погрузился внутрь. Медленно и осторожно он двигался между большими скоплениями таких же маленьких как он образований, которые он почему-то назвал коконами. «Как мумии в коконе», — нашел он сравнение. Он подлетел к одному из скоплений, похожих на гроздь винограда и коснулся своей оболочкой оболочки ближайшего кокона.

— Здравствуй, милок! — услышал он старческий голос и увидел бабушку деревенского вида в платочке и резиновых ботах. — Ты кто будешь? Архангел Михаил?

— Нет, бабуля, что ты, я Василий Сурепкин, только что прилетел.

— А, ты тоже ждешь Страшного суда?

— Жду, бабуля, жду.

— Не робей, парень, коли греха за тобой нет, на небеса попадешь. Или есть грех? Чтой-то ты рановато вознесся, молодой ешшо.

Василий быстро отстранился от бабки и поплыл к другому скоплению. Там были жертвы авиакатастрофы, державшиеся плотной группой неизвестно почему. Они тоже ждали суда. Василий быстро поплыл мимо скоплений, не касаясь больше ни одного из них. Неожиданно один из коконов, оторвавшись от грозди, сам приблизился к нему. Его хозяином оказался симпатичный суховатый мужчина с седыми волосами и бородкой клинышком, одетый в старомодный костюм-тройку.

— Из новеньких? — обратился он к Василию. — Я вижу, ты мечешься, не находишь себе места. Растерялся?

— Есть немного, — ответил Василий. — Вот,

Страшного суда жду.

Мужчина звонко рассмеялся.

— Страшный суд? Нет, это преувеличение. Сейчас я тебе все объясню. Не часто я это делаю для вновь прибывших, но и новенькие не часто бегают по всей Системе. Они обычно жмутся в кучку где-нибудь у края облака. Чутье подсказывает мне, у тебя есть шанс остаться. Ты кто?

— Я Василий Сурепкин, российский бизнесмен.

— Бизнесмен? Странно, а мне показалось… Ну да ладно. Я Павлов, Иван Петрович, физиолог. Эта система, энергетическая субстанция, представляет собой временное образование, которое единый галактический разум создает на орбите Солнца через определенные промежутки времени для определения ценности умерших людей. Вокруг Земли существует тонкая энергосфера, которая при отключении сознания человека создает энергетическую копию его нейронных соединений и поддерживает эту копию до тех пор, пока не образуется Система. Это происходит каждые полтора-два месяца. Система переснимает копии и рассматривает их. Если способности мозга значительны, мозг сохраняется, вливается в Систему и становится частью галактического разума, если

нет, то, увы, копия стирается.

— А чем занимается Система?

— Она собирается специально для отбора индивидуумов с высоким интеллектом и пополнения галактического разума.

— А чем занимается галактический разум?

— О, задачи у него грандиозные. Человеческому разуму даже представить сложно, что находится под его воздействием. Это и новые исследования, и реконструкция галактики, и предотвращение коллапсов, грозящих галактике гибелью. Это связь с разумными субстанциями других галактик, и еще многое другое, что моему разумению недоступно. Что касается Земли, здесь действует коллегия земных разумов. Начиная со времен древнего Египта и цивилизации майя, образовалось земное отделение галактического разума. Руководит нами Аристотель. За два тысячелетия наше отделение смогло предотвратить падение нескольких крупных астероидов. Один из них, тунгусский, взорвали в атмосфере над глухой тайгой. Разрушения минимальны. Поддерживаем комфортный климат, пытаемся снизить последствия промышленного загрязнения атмосферы, предотвратить глобальное потепление, и многое другое. Работы хватает. Если ты ока-

жешься подходящим кандидатом, сам примешь в ней участие.

В это время непреодолимая сила потащила Василия в сторону.

— Ну, прощай, тебе пора, — сказал Павлов, и Василий улетел прочь.

Он полностью потерял способность управлять своим полетом. Неведомая сила тащила его куда-то в центр облака. Он оказался рядом с большой сверкающей гроздью. Когда оболочка кокона Василия соприкоснулась с оболочкой грозди, он вдруг увидел себя в большом зале, заполненном людьми. Часть людей сидела на возвышении за длинным столом, другая часть заполнила ряды скамеек внизу, образуя зрительный зал или, скорее, судебный зал. Все эти люди выглядели довольно странно. Они были одеты в одежды, представлявшие различные стили всех эпох человеческой цивилизации. Василий видел римские тоги, средневековые ботфорты, кудрявые напудренные парики, окладистые бороды, нелепые бакенбарды и усы под шляпами-котелками. Было шумно и оживленно. Эти люди рады были видеть друг друга, они обменивались приветствиями, новостями. В зале стоял ровный гул. Тихо было лишь в том углу зала, где ожидали своей участи

«подсудимые».

Но вот председатель, а это был Аристотель, встал со своего места в президиуме и поднял руку. Мгновенно воцарилась полная тишина.

— Уважаемые земляне, только что прибывшие к нам! — обратился Аристотель к группе людей, в которой был и Василий. — Мы приветствуем вас в нашей обители. Ваш земной путь окончен. Многие из вас отправятся отдыхать. Некоторые примут на себя новые трудные и почетные обязанности. Не всем они под силу. Кому из вас доверить их, решит наш Совет старейшин. Разрешите представить его членов: Альберт Эйнштейн, Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, Леонардо да Винчи, Дмитрий Менделеев….

Аристотель перечислял членов Совета по порядку, они вставали и кланялись залу.

— Друзья мои, коллеги, представители единого разума, — обратился Аристотель к Совету. — Мы снова собрались в нашей родной Солнечной системе, чтобы рассмотреть качества вновь прибывших интеллектов и их ценность для нашего сообщества. Мы должны будем решить сейчас, кто из них обладает творческим даром, незаурядностью и нестандартностью мышления и вольется в сообщество, а кто будет стерт, отклю-

чен от источника энергии.

Василий сжался от ужаса. Все было буднично и обыденно и совсем не походило на жуткие картинки Страшного суда, которые он любил разглядывать в старой деревенской церкви. Все было просто и прагматично — нужен, не нужен, и оттого еще более страшно. Он видел, как отправили на стирание бабку, за ней разбившегося байкера. С пассажирами «Боинга» разбирались дольше. Все сидящие в президиуме высказывали свое мнение. Решало не большинство, а единодушие, так как в ходе обсуждения постепенно все соглашались с одним мнением, находя его резонным. Если же кто-то был не согласен, он пытался переубедить других, и либо преуспевал в этом, либо переубеждался сам. Из всего состава пассажиров разбившегося в аварии «Боинга» не подверглись стиранию лишь два человека. Один из них был нобелевским лауреатом, другой писателем. Василий понял, что его шансы равны нулю, и потому без особого страха, чувствуя в душе лишь пустоту и безразличие, предстал перед Советом.

— Это Василий Сурепкин, бизнесмен, — объявил Менделеев. — После окончания техникума проработал четыре года на заводе, потом ушел в бизнес. Создал большую торговую сеть, принося-

щую миллионные прибыли.

— Что ж, все ясно, — сказал Аристотель. — Не нужен! Старейшины?

«Нет, нет, нет…» — понеслись по цепочке отрывистые ответы, напомнившие Василию удары молотка, забивавшего гвозди в крышку его гроба.

— Постойте! — внезапно закричал он. — Как легко и быстро вы судите! А что вы обо мне знаете? Я, между прочим, большие деньги выделял на благотворительность, в детские дома, в пансионаты для престарелых….

Члены Совета странно посмотрели на Василия, кто-то хихикнул.

— Извини, дорогой, — мягко сказал Аристотель, — ты нас не за тех принимаешь. Мы не Страшный суд и вообще не суд. Мы не наказываем и не награждаем. Зачем нам этим заниматься? Мы, если можно так выразиться, приемная комиссия. Принимаем тех, кто нам нужен. Мы не судим поступки людей, не определяем, хороший этот человек или плохой. Мы определяем, будет ли этот человек нам полезен или нет. Итак, продолжим голосование.

Звонкие «нет» покатились дальше по цепочке президиума. Вдруг из глубины зала выбежал

какой-то человек.

— Постойте! — воскликнул он. — Дайте мне сказать.

Человек этот, судя по одежде, был современником Василия. Василию показалось, что он где-то его видел, но не мог вспомнить где.

— Я работал начальником цеха, — заговорил человек, — где молодой конструктор Сурепкин внедрял изобретенную им установку для намотки туалетной бумаги. Так вот, уважаемые члены Совета, эта разработка великолепна, а ее автор безусловно талантлив. Мы изготовили и продали множество этих установок в стране и за рубежом, и на ее основе был создан завод намоточных агрегатов.

Василий вспомнил говорившего человека. Это был Михалыч, начальник цеха, с которым они когда-то отчаянно ругались из-за каждой шестеренки. Члены совета переглянулись. Никто не решался «вбить» очередное «нет».

— Испытательный срок? — обратился к президиуму Аристотель.

Все дружно закивали головами.

— Есть предложение оставить данный интеллект на испытательный срок до следующего сбора Совета старейшин, — провозгласил Аристо-

тель. — Вам, — обратился он к Василию, — будет выдано задание, и от его выполнения будет зависеть решение вопроса о стирании. Старейшины?

Цепочка звенящих «да», как перезвон праздничных колокольчиков, покатилась по президиуму.

Испытательный срок подходил к концу. Василию поручили придумать, как затянуть одну из озоновых дыр над Антарктидой и организовать отклонение орбиты большого астероида, слишком близко подлетающего к Земле. В первый момент задачи показались Василию невыполнимыми, но, получив все ресурсы галактического разума, он успешно с ними справился и потому перед следующим Советом пребывал в благодушном настроении. Он летал между скоплениями коконов, знакомился с их владельцами, удивительными, интересными людьми, и каждой клеточкой несуществующего тела ощущал полноценность жизни. Иногда его посещала мысль, что его настоящая жизнь только сейчас и началась, что он толком и не жил раньше и теперь словно родился заново. Он продолжал свободно летать над Землей, любуясь ее природой и совершенно не нуждаясь в чувственных ощущениях тела. Но больше ему нравилось посещать другие планеты — Венеру, Марс, Луну.

Однажды, когда Василий пролетал по Облаку, торопясь к друзьям из астрономической ассоциации, к нему приблизился незнакомый кокон. Когда их оболочки соприкоснулись, Василий опешил. Перед ним был Марат. Как ни странно, Марат явно обрадовался, увидев Василия. Похоже, он не подозревал, что тому известно все о совершенном им злодеянии.

— Здравствуй, Василий! — воскликнул Марат. — Как я рад тебя видеть!

— Здравствуй, Марат, — спокойно отозвался Василий, отметив для себя, что совершенно не испытывает чувства ненависти и злости к убийце, лишь малую толику презрения и даже жалости.

— Вот как все странно складывается, — сказал Марат. — Не ожидал когда-нибудь еще раз с тобой свидеться.

— Какими судьбами? — равнодушно спросил Василий.

— Перебрал малость, сел пьяным за руль….

— Да, судьба… Зря, выходит, отбил мой бизнес? Не принес он тебе счастья. Что ты онемел? Я все знаю. Что это ты перекупал поставщиков, что заказал меня, когда дело не вышло, что захватил мою компанию, обманув жену. Я был рядом с тобой и все видел.

Кокон Марата резко оторвался от Василия и быстро полетел прочь. Василий рассмеялся. «Прощай, Марат!» — махнул он рукой, уверенный, что больше никогда его не увидит. Но он ошибся.

В день очередного «Страшного суда», после того, как все члены Совета проголосовали за принятие Василия в сообщество, Василий решил побыть наедине с космосом. Он отделился от Облака и повис в космической бездне, мысленно погружаясь в ее вязкую черноту. Он ловил чувствительной оболочкой ее излучения, он видел бури, бушующие в глубинах Галактики, он чувствовал силу, идущую к нему из этих глубин, силу и мощь галактического разума. Он не сразу понял, что другой кокон находится рядом с ним и касается его своей оболочкой. Оглянувшись, Василий увидел Марата. Лицо Марата выражало изумление и восторг.

— Что это было? — воскликнул он. — Какой мощный заряд энергии шел из космоса к твоей сфере! Я ничего такого не ощущаю.

— Что ты хочешь? — спокойно спросил Василий.

— Помоги мне! Ты обладаешь чудесной силой. Спаси меня! Я был там, у двенадцати ископаемых стариков. Они дружно приговорили меня к сти-

ранию. Да, я грешен, да, я совершал ошибки. Но я искуплю свой грех, я отработаю. Я буду служить тебе как собака. Дай срок, сколько угодно! На земле нет такого варварства, как на небе, нет высшей меры! Я буду мыть туалеты. Есть здесь туалеты?

Василий грустно смотрел на Марата и молчал. Он вдруг увидел в нем прежнего себя, мелкого, суетного, пустого. И никому не нужного. Василий молча слушал скороговорку Марата, молча смотрел, как упрямая внешняя сила отрывает кокон Марата от его собственного и тянет прочь от сияющего Облака, как этот кокон, сначала ярко светящийся, блекнет, тускнеет и, рассыпавшись на пепельные искорки, бесследно растворяется в черноте космоса.

«Вот и все! — подумал Василий. — Был человек, и нет человека. И кто докажет теперь, что он был? Может, его вовсе и не было, так, пригрезилось? Где собрать доказательства его существования? Где та частица добра, которую он был послан оставить на земле? Кучка перегноя на погосте? А я чем лучше? Установка для намотки туалетной бумаги хороша, но это такая мелочь в сравнении с тем, что не сделано! На что я тратил свою жизнь, почему швырялся часами, силами, дружескими отношениями и любовью семьи? Страшно!

Страшно понять это, когда ничего уже нельзя изменить, ничего нельзя исправить и остается лишь выслушивать обвинения суда, Страшного суда своего прозревшего разума!»

Владимир Лебедев

КАК АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ ПОБЕДИЛ ЦАРЯ ДАРИЯ

Владимир ЛЕБЕДЕВ

КАК АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ ПОБЕДИЛ ЦАРЯ ДАРИЯ



Александр Македонский царствовал в течение двенадцати лет после ассирийского царя Дария. Это повествование — пересказ древнерусской рукописи XII века, переведенной с греческого[1], — о победах в сражениях и о доблестном мужестве, которым запечатлел себя Александр. И подобно тому, как сам Александр был мудр и храбр, так и все в его делах благоприятствовало ему, и имел он всегда особое предчувствие на удачу.

Взятие Тира

Александр привел две тысячи воинов и осадил тирскую область. Но тиряне не хотели добром пускать царя в город. И была великая битва, в которой тиряне разбили македонцев.

Тогда Александр отправил в Тир послов со своей грамотой:

«Я, царь Александр, сын Амона[2] и Филиппа царя и великий царь всей Европы и Азии, а также Египта, Ливии и Тира, которого пока не взял. Я, направляясь в Персию, хотел с миром войти к вам в город. Почему вы противитесь, ведь вы

---

[1] Примечания: 1
«Александрия», Спб, 1887.

[2] Примечания: 2
Амон — египетское божество.

слышали, сколь сильны македонцы. Время удивиться вашему безумию, ибо оно скоро сменится страхом, ибо вы будете разбиты. Если будете умны — останетесь жить, если нет — сотру ваш город с лица земли».

Тиряне прочитали царскую грамоту и, по приказу старейшин, тотчас же велели послов Александра казнить. И распяли их.

Услышав про это, Александр зарычал, как лев, и стал размышлять, каким образом можно разрушить Тир. По прошествии трех дней неожиданно к нему перебежали три крупных тирских военачальника. Тогда Александр, взяв с собой трех перебежчиков, вышел со своими воинами к городу Тиру.

С помощью перебежчиков и горожан Александр ночью через открытые ворота вошел с воинами в город. Они взяли женщин и детей в плен, мужчин всех перебили, а тирский город разрушили до основания и стены его сровняли с землей. И переименовал Александр город, назвав его Треполь, и посадил своего наместника, как во всех прочих городах.

О побежденных городах

Александр начал свои завоевания с Азии, Бретани, великого острова Сицилии, а также Рима и дошел до Византии, после чего устремился к восточным городам, подобно льву. Он имел милосердную душу, но в мужском азарте был подобен зверю: брал города, но щадил при этом женщин и детей, забирая с собой на войну лишь воинов. В побежденных городах оставлял своих наместников и, конечно, заставлял платить дань. И вся вселенная трепетала, когда слышала, что Александр Македонский идете войском.

Послание и дары царя Дария

Александр Македонский с воинами покинул Треполь, чтобы встретить Дария с войском, но к нему пришли лишь послы персидского царя. Они вручили Александру грамоту и подарки — кочергу, меч и ковчежец с золотом. Приняв грамоту и подарки, Александр прочитал послание:

«Я, Дарий, царь всех царей и родственник богов, сияние которого подобно солнцу, повелеваю Александру, моему рабу, возвратиться к своим родителям. Сидеть тебе еще на коленях матери

твоей Олимпиады и грудь ее учиться сосать. Посылаю тебе меч, кочергу и корчагу[3] злата: меч — царю, чтобы он учился им владеть, а кочергу — для игр с ровнями тебе.

Никто не может мне противиться и разрушить Персидское царство. Воинов в нем больше, чем песка на бреге морском, а золота так много, что я мог бы позолотить им всю твою землю.

Ковчежец с золотом я послал тебе, чтобы ты по бедности купил пропитания для разбойников, равных тебе, и отправился вместе с ними восвояси, иначе будешь распят, как разбойник».

Когда Александр прочел сие послание пред воинами, то увидел, что убоялись они угроз персидского царя, и тогда обратился он к своей дружине:

«Мужи македонские! Неужели вы приняли за правду это лукавое послание? Чем меньше и трусливее псы, тем громче они лают, чтобы напугать всех. Так и Дарий, не показав себя в делах, хочет посланием своим нагнать страху. Но мы не дрогнем, пусть пустые слова его будут в поучение нам, дабы видеть, с кем мы имеем дело и как будем поступать, чтобы не быть побежденными».

---

[3] Примечания: 3

Корчага — глиняный сосуд в форме горшка с очень широким раструбом.

Помилование послов

Поначалу разгневанный Александр велел схватить послов Дария и распять. Они же возопили громко: «За что велишь казнить нас, ведь мы же только послы?» Царь отвечал им на это так: «Виноват ваш Дарий, который направил вас ко мне с посланием не как к царю, а как к главарю разбойников, да еще грозился распять. Вот я и повелеваю казнить вас не как царь, а как разбойник». Послы же в ответ, перебивая друг друга, стали просить о милости: «Дарий возвел напраслину на тебя, но мы узнали тебя и видим, что ты умен и милосерден, поэтому умоляем тебя — даруй нам жизнь!»

И сказал им тогда Александр: «Вы так говорите потому, что страшитесь смерти. Вняв вашим мольбам, я отпускаю вас. Но я рассчитываю, что вы расскажете правду обо мне, милостивом царе. Этот образ не похож на Дария, варвара-мучителя. Пусть видит, что я не причинил вам зла — Александр никогда не убивает послов». После этих слов царь повелел освободить послов и усадил их за свой стол с угощениями.

Александр поступил умно, рассудив, что, отпустив невредимыми послов, он создаст о себе

лестное мнение в глазах воинов Дария и выиграет во мнении всего персидского народа. Ведь впереди предстоят сражения.

И сказал Александр послам напутственное слово: «Не выдавайте мне никаких секретов, которые я мог бы выведать у вас, стремясь победить Дария. Вы идете к нему, поэтому молчите. Я не желаю, чтобы вы приняли муки за свое предательство. Сомкните уста, и мы придем к Дарию нежданными гостями».

С благодарностью выслушав царя, послы поклонились ему земным поклоном, а все войско стало славить Александра.

Ответ Александра Дарию

По прошествии трех дней Александр написал ответное послание Дарию:

«Дарию, великому персидскому Богу, радуйся! Срам и позор столь великому царю персидскому Дарию, хвалящемуся столь большим войском, спасаться от смиренного раба Александра.

Ты не Бог, а лишь человек, который водрузил на себя большой венец. Я тоже не Бог, но худой и смертный человек, поэтому иду на тебя ратью, как смертный на смертного. Если и одолею тебя, то буду прославлен великим царем, как в

греческих, так и в варварских землях, ибо будет известно, что победил великого Дария. Если же ты победишь меня, то ничего великого не совершишь, ибо победишь простого разбойника, как сам писал.

Дары твои, присланные в насмешку, — меч, кочергу и ковчежец с золотом — я принял с радостью. Мечом стану разить варваров. Кочерга напомнит мне о том, что я должен ею зацепиться и удержать весь мир. Передав золото, ты возвестил о том, что платишь мне дань, как будто уже побежден мною. Это великий знак для меня».

Зачитав сие послание перед своим войском, Александр передал грамоту послам. Они же, удивившись мудрости царя македонского, отправились в Вавилон и вручили послание Дарию, который был весьма смущен умом и хитростью Александра. Персидский царь стал посылать грамоты воеводам своим, упрекая их в неверности и трусости, а также направил новую грамоту Александру, предупреждая его в последний раз образумиться и покориться истинному царю царей — Дарию.

Александр, получив послание персидского владыки, не устрашился его угроз, но рассмеялся и, укрепляя дух своей дружины, сказал: «Не пугай-

тесь пустых слов. Если Дарий появится сам перед нами, то ничего не сможет предъявить против мужества вашего».

Уразумев, что Александр не откажется от своих планов, персидский царь царей начал собирать войско из всех народов, подвластных ему.

Разгром персидского войска

Собрав великую силу, Дарий вышел навстречу «македонскому разбойнику», намеревающемуся лишить его власти и отнять трон. С ним были мать, жена и дочь, а также десять тысяч воинов, которые именовались «бессмертными». Так они назывались потому, что если один воин выбывал из строя, то на его место вставал другой, то есть число воинов, несмотря на убитых, всегда оставалось неизменным.

Дарий вывел свои войска на заранее приготовленное место и стал ждать приближения македонских воинов. Александр решил отрезать персов от подходящих полков, так поставив свою колесницу и построив войска, чтобы они загородили бранное поле и не давали подойти помощи.

Вскочив на коня, Александр приказал трубить наступление. Сам он устремился первым в бой,

поскакав прямо к Дарию. Тот, увидев Александра, двигающегося к нему на большой скорости, испугался и забыл об управлении своими воинами.

В выстроившихся полках раздался боевой клич и завязалось жестокое сражение: противники гнали друг друга то в одну сторону, то в другую. Когда уже казалось, что персы одолевают и войска начинали расходиться, завершая бой, всегда неожиданно появлялся Александр. Он вновь прорывался к Дарию и продолжал крушить неприятеля, нанося раны бегущим воинам. Никто не мог сказать, где в том бою были перс или македонец, а где вельможа или его слуга.

Воины накрывали поле рядами, падая друг на друга, и было таких рядов всего четырнадцать. В пылу сражения нельзя было ничего рассмотреть, повсюду валялись кони и поверженные воины. Не видно было ни земли, ни неба, ибо все утонуло в крови. И даже само солнце, будто сжалившись над сражающимися, подернулось тучами, ибо не было у него сил смотреть на совершающееся. Наступил вечер.

Первыми дрогнули персы, обратившись в бегство. Подходил конец великой сечи. Александр кинулся преследовать Дария и, желая взять его живым, крикнул своим воинам: «Пусть никто не

убивает Дария!» Он гнался изо всех сил, стремясь спасти его от расправы. Но тот покинул свою колесницу, не решаясь двигаться в ней впереди своего войска, ибо все знали кто в ней находится. Тем более Дарий чувствовал, что его будет преследовать Александр, поэтому бежал, оставив свою семью. Царя персов спасли темная ночь да быстрый конь, унесший его с поля битвы.

Александр гнался за колесницей Дария пятьдесят верст и, нагнав ее, взял в плен его семью: мать, жену и дочь, а также захватил весь царский обоз. Македонский царь проявил милосердие к семье Дария, ободрив пленников утешительными словами; тысячи убитых персов приказал предать земле. Почтили память пятисот погибших македонцев.

В честном бою победил Александр, удостоившись славы и почестей.

Воеводы Дария держат совет

Дарий собрал всех персидских воевод и стал спрашивать у них совета, что предпринять дальше: кони врага уже топчут землю Персии. Первым взял слово сам Дарий: «Войско Александра все растет и представляет уже большую силу, а сам он превосходит нас умом своим. Как же нам

исправить свою ошибку, не хуля и не обижая Александра, а спасти хотя бы малое, не помышляя об Элладе». Тогда Оксуделк, брат Дария, сказал ему: «Попробуй и ты походить на Александра, чтобы иначе управлять царством. Александр никому из вельмож не доверяет своей дружины, а руководит ею сам, первым выходит на ратное поле и начинает бой, воодушевляя воинов». Другие воеводы тоже поддержали брата Дария: «По храбрости Александр подобен огню, быстротой и ловкостью похож на леопарда». Те из придворных, кто побывал в Македонии у Филиппа, советовали Дарию брать пример с Александра, почитаемого у себя в Элладе за ум и поступки: «Ты царь, имеешь множество народов под собой, так собери из них большое войско, чтобы победить противника численностью оружия».

Выслушав всех воевод, Дарий поблагодарил за советы и послал гонцов собирать воинов из стран, находящихся под его властью, веля явиться к нему, ибо еще был горд и силен.

Хитрость Александра

Имея огромное войско, Александр вошел в пределы Персии и, не дойдя до великого города Вавилона, встал лагерем по эту сторону реки

Страгги. Когда лазутчики доложили ему, что на Исааковом лугу расположились персидские дозорные, он переправился на другой берег с малой дружиной. Но увидев у стен Вавилона большое войско и много царей из разных стран, испугался. А так как Александр был умный, то он решил пойти на небольшую хитрость, чтобы сбить противника с толку.

Он приказал пригнать стада коз и коров и велел привязать к их рогам свечи и лучину, а к хвостам — ветви, поломанные с деревьев. После чего македонские воины криками переполошили стада и погнали их к Вавилону. Персы, увидев с городских стен клубы пыли, решили, что на них движутся бесчисленные полки.

Когда же наступил вечер, Александр повелел поджечь лучины и свечи на рогах животных. Персам показалось с высоких стен, что все поле усеяно лагерными кострами. Когда же македонцы, громко крича, погнали стада к Исааковому лугу, то стража с передовых постов, увидев множество огней, подумала, что наступает большое войско, испугалась и бежала.

Одержав таким образом победу, Александр с малой дружиной подступил к Вавилону. Он увидел чудный город, но весьма укрепленный:

обложенный в три стены тесаным камнем и обороняемый слонами, так что взять его с ходу не представлялось возможным.

Тогда Александр отвел свои полки от Вавилона и стал думать, что предпринять дальше.

Под личиной посла

И приснился Александру сон, где ему Гермес подал знак отправиться к Дарию послом, изменив свой образ. Так он и сделал — подошел к реке Страгге и, сев на своего коня Буцефала, переправился на другой берег, а воеводу Евмила и двух лошадей не взял с собой, оставив их на всякий случай на переправе, чтобы те могли прийти ему на помощь.

Стражники привели Александра к Дарию, сидевшему в окружении воинов с венцом на голове, осыпанным сверкающими каменьями, в облачении, расшитом золотыми нитями, и в царской порфире. В руке он держал скипетр. На ногах у него были сапоги с золотыми голенищами, украшенные также драгоценными каменьями.

Дарий спросил Александра, кто он и зачем пришел. На что тот ответил: «Я вестник македонского царя, который хочет помериться с тобой силой. Желаешь ли ты сразиться с ним?»

Дарий упрекнул его в дерзости, а царя македонского в непослушании и разбое. Но в знак примирения пригласил во дворец на трапезу. Александр же поспешил сесть по правую руку от персидского царя и, взяв несколько чаш, стал наливать в них вино.

Когда же Дарий спросил его, зачем он так поступает, Александр ответил, что так принято при дворе македонском: каждому выпившему вино присуждается в награду кубок. Персы обрадовались, стали подражать Александру, опрокидывая кубок за кубком, и быстро опьянели. Но один из вельмож был трезв и пристально вглядывался в лицо Александра. Этот персидский властитель ранее приходил в Македонию за данью, встречался с Александром и сейчас узнал его. Наклонившись к Дарию, он прошептал: «Сей посланец македонский и есть сам царь Александр, надо схватить его». Александр услышал эти слова и понял, что его опознали. Пока опьяневший к тому времени Дарий соображал, что предпринять, Александр быстро сунул за пазуху золотую чашу, вышел из-за стола и той же ночью тайно покинул дворец, ускакав на Буцефале.

Зарубив стражника у ворот, царь вырвался за городскую стену и успел далеко опередить

погоню, которую Дарий за ним выслал, чтобы поймать посла-обманщика. Пока персидский царь сокрушался, сидя на своем троне, Александр мчался в ночи, доверившись своему верному коню, а вооруженные персы сбились с дороги, заблудившись в ночной темноте.

Чтобы попасть на другой берег, всадник спустился к реке Страгге. Но подтаявший лед не выдержал тяжести Бычьей головы (так переводится с греческого имя коня), и царский конь был унесен течением, а Александр сумел выбраться на сушу. Отряд же персов-стражников не посмел переправиться через реку, опасаясь македонских воинов, которые уже встречали Александра в сопровождении воеводы Евмилы, а конь Буцефал, преодолев течение, прибился к берегу и прискакал как ни в чем не бывало к хозяину.

Дружина с ликованием встречала своего царя, радуясь благополучному возвращению Александра из логова врага и считая его отмеченным божьей милостью.

Бегство Дария

Когда македонский царь объединил свои войска, то общая численность воинов составила 120 тысяч, что было меньше персидского воинства.

Поднявшись на высокий холм, Александр обратился к дружине: «Храбрые мои воины! Хоть и невелико пока число ваше, но есть ум и смелость, которые делают вас сильнее врага, потому что каждый из вас, подняв в руке меч, положит тысячу персов. Поэтому количество никогда не пересилит разум». Так сказал Александр, передав свою смелость войску.

Собрав все свои силы, Дарий перешел по льду реку Страггу и, пройдя через лес, думал первым напасть на Александра и так победить его.

Все персидские воины были облачены в доспехи и увешаны оружием. Сам Дарий восседал на высокой колеснице, а его вельможи разместились на колесницах в виде серпов.

Первыми подали сигнал к атаке трубы в греческом войске. Им отозвались трубы со стороны персов. И полетели с обеих сторон стрелы, камни и копья, которых было так много, что они, подобно небесной туче, затмили солнце.

На Буцефале повел в атаку своих македонцев сам Александр. Смешались в схватке персы и греки, и нельзя было отличить нападающих от защищающихся. Многие были ранены стрелами и копьями, разрублены мечами, кое-кто еще дышал, а сотни умирали в муках. На ратном поле

кучами лежали кони и люди, все было залито кровью и потонуло в крови.

Видя поверженными множество персов, Дарий испугался и повернул колесницу. Он бежал с поля битвы, снимая жатву с тысяч полегших, подобно колосьям, персов. Дарий вместе с остатками своего войска хотел переправиться на другой берег реки Страгги. Но когда на лед вышло множество воинов в тяжелых доспехах, то река поглотила столько людей, сколько могла вместить, прочие же были побиты подоспевшими македонцами.

Дарий бежал в Вавилон, где затворился во дворце, выплакивая горе о погибших душах и разоренной Персии, о себе самом, поддавшемся гордыне, вообразившем себя богом, а оказавшимся жалким смертным.

Понял тогда всеми покинутый беглец, что нет ему спасения от Александра, и бежал из Вавилона в мидийскую землю, в персидский город Ватан.

Падение Вавилона

Распорядившись похоронить убитых и старательно ухаживать за ранеными, Александр подошел с войском к Вавилону. Жители города вышли навстречу и поклонились победителю, назвав его великим царем.

Александр вошел в Вавилон через городские ворота, сделанные из коринфской меди, и был поражен величием и красотой столицы Персии. Сразу же у ворот он увидел высокие башни из мрамора, оснащенные устройствами для поднятия воды. Окружен был город тремя стенами из тесаного камня, и подняты над ним были террасы, засаженные плодовыми деревьями, на которых распевали чудные птицы, — все это напоминало рай.

Хотел Александр поджечь дворец царя Ксеркса, украшенный самоцветами, но, пораженный его красотой, отменил свое распоряжение.

Смерть Дария и казнь его убийц

Двое приближенных персидского царя решили услужить победителю Александру, убив Дария. Они вошли в его покои и нанесли царю смертельные раны, но, узнав о приближении македонцев, струсили и сбежали.

Александр застал Дария еще живым и, накрыв его своим хитоном, сильно опечалился, слезы лились из его глаз, и он сложил руки на груди персидского царя и произнес слова прощания, на что Дарий ответил тихим голосом: «Когда вознесешься ты во славе великой до небес, бойся

будущего, дабы не быть поднятым на смех, как оказался я ныне. И пусть проводят меня в последний путь македонцы и персы. Дочь мою Роксану отдаю тебе в жены, и будет с того дня это один род и одно царство — Дария и Александра».

Хоронили Дария, воздав ему почести царя, и сам Александр, подставив плечо свое, перенес тело Дария ко гробу. После поминовения в честь усопшего Александр написал указ для всех жителей Персии, оставив им имущество и все владения, сохранив нравы и праздники, разрешив заниматься прежними ремеслами и торговлей, ездить с товарами в Элладу и другие страны.

Выполнил он и другие обещания, данные Дарию. Когда его убийцы пришли к царю македонскому получить дары за свое злодейство, Александр велел их связать и распять над гробом убиенного ими властелина Персии, чтобы неповадно было кому-нибудь повторить такое преступление.

После этого написал он послание Роксане, дочери Дария, предлагая «принять на себя звание жены Александра».

И отпраздновали царскую свадьбу все вместе, македонцы и персы, которые радовались браку Александра и Роксаны.

INFO

(394)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН

Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

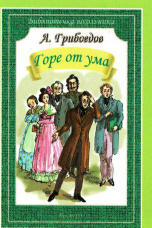
Подписано в печать 19.10.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4- Лицензия № 06095. Заказ № К-6828

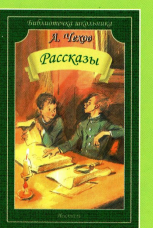
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

детектив · фантастика · приключения

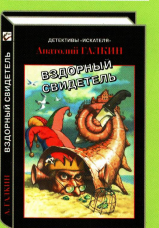
ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ









Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISSN 0130-6634